ХУАН РУИС

КНИГА БЛАГОЙ ЛЮБВИ

ХУАН РУИС 88 КНИГА БЛАГОЙ ЛЮБВИ

- Хуан Руис
  -
  - КНИГА БЛАГОЙ ЛЮБВИ
    -
    - Молитва, с коей архипресвитер обратился ко Господу, приступая к сочинению этой книги
    - О том, как архипресвитер просил Господа оказать ему свою милость и споспешествовать его намерению сочинить сию книгу
    - О радостях девы Марии[37]
    - О радостях Девы Марии[38]
    - Здесь повествуется о том, что среди повседневных забот надлежит находить время для увеселения, и о том, как греки и римляне вели меж собою диспут
    - О том, что, согласно природе, мужчины, равно как и прочие живые существа, стремятся к особям женского пола
    - О том, как архипресвитер был влюблен
      -
      - Пример[43] о том, как лев занемог и звери пришли его проведать[44]
      - Пример о том, как вопила земля[46]
      - О том, что все в этом мире суета, кроме любви к Богу
      - О том, что произошло между архипресвитером и Ферраном Гарсия, его посланцем[48]
    - Здесь пойдет речь о созвездиях и планетах, под коими рождаются люди, и о том, какие суждения высказали пять ученейших мудрецов по случаю рождения сына у царя Алькараса
    - О том, как архипресвитер был уязвлен любовью; пример о воре и сторожевом псе
    - О том, как архипресвитеру явился Амур, с коим вышереченный архипресвитер вступил в спор
      -
      - Пример о том, как один молодец надумал жениться на трех девицах сразу
      - Пример о лягушках, просивших себе царя у Юпитера[55]
      - Здесь говорится о грехе алчности
      - Пример о том, как пес выронил кость[57]
      - Здесь повествуется о грехе гордыни

- Пример о коне и осле[59]
- Здесь повествуется о грехе скупости
- Пример о волке, козе и журавле[61]
- Здесь повествуется о грехе любострастия
- Пример об орле и охотнике[66]
- Здесь повествуется о грехе зависти
- Пример о павлине и вороне[69]
- Здесь повествуется о грехе чревоугодия
- Пример о льве и коне[71]
- Здесь повествуется о грехе тщеславия
- Пример о льве, убившем себя в гневе[76]
- Здесь повествуется о грехе лени
- Здесь повествуется о тяжбе между волком и лисицей, каковую рассматривал дон Обезьян, судья города Бухия[77]
- Здесь повествуется о том, как архипресвитер продолжал спор с Амуром
- Здесь повествуется о том, как архипресвитер продолжал спорить с Амуром
- Пример о кроте и лягушке[104]
- Здесь повествуется о том, какие возражения представил архипресвитеру дон Амур
- Пример о двух лентяях, посватавшихся к одной даме[107]
- Пример о том, что приключилось с доном Питасом Пайасом, живописцем из Бретани[109]
- Пример о могуществе денег[110]
- О том, как Амур наставлял архипресвитера в добронравии, особливо же остерегая его от чрезмерного употребления вина

- О том, как Амур покинул архипресвитера и как оного наставляла донья Венера
  -
  - Здесь повествуется о том, как архипресвитер вступил в беседу с доньей Терниной
  - Пример о дрохве и ласточке[129]
  - О том, как донья Тернина пришла в старухин дом и как архипресвитер достиг желанной цели
  - О наставлениях, с коими архипресвитер обращается к дамам, и о многоразличных наименованиях посредницы в любви

- О том, как сводня пришла к архипресвитеру и о чем говорил он с нею
- О том, как архипресвитер порешил отправиться в горы, и о том, что там произошло между ним и горянкой
- Песнопение горянке[143]
- О том, как архипресвитер беседовал с горянкой
- Песнопение о горянке[150]
- О том, как архипресвитер встретился с другой горянкой
- Песнопение о горянке[153]
- О том, как архипресвитер повстречался еще с одной горянкой и о наружности ее
- Песнопение горянке[155]
- О восхвалении архипресвитером Святой Марии у Брода
- О страстях Господа нашего Иисуса Христа
- О страстях Господа нашего Иисуса Христа[160]

- О баталии промеж доном Мясоедом и доньей Четыредесятницей[162]
  -
  - О том, как некий монах наложил на дона Мясоеда епитимью, об исповеди грешника и об отпущении ему грехов
  - О тому что случилось в первый день поста и во время Четыредесятницы
  - О том, как возвратились дон Амур и дон Мясоед и какую устроили им почетную встречу
  - О том, как клирики и миряне, монахи и монахини, дамы и хуглары вышли встречать дона Амура
- О том, как архипресвитер просил сводню приискать ему достойный предмет любви
  -
  - О том, как архипресвитер влюбился в даму, которую увидел за молитвою
  - О том, как Побегушка дала архипресвитеру совет слюбиться с монашенкой и какой при этом меж них произошел разговор
  - Пример о селянине и змее[221]
  - Пример о борзой, и ее хозяине[222]
  - Пример о мыши монферрандской и мыши гвадалахарской[223]

- Пример о петухе, нашедшем сапфир в мусорной куче[224]
- Пример об осле и болонке[226]
- Пример о лисице, которая повадилась воровать кур в деревне[227]
- Пример о льве и мыши[228]
- Пример о лисе и вороне[229]
- Пример о зайцах[230]
- Пример о воре, продавшем душу дьяволу[231]
- О наружности архипресвитера
- О том, как Побегушка вела беседу об архипресвитере с мавританкой, и о том, какой она получила ответ
- О том, какие инструменты не подходят к арабским песнопениям[233]
- О том, как умерла Побегушка и как архипресвитер сочинил надгробный плач, укоряющий и клянущий смерть[234]
- Надпись для надгробного камня Урраки
- Каким оружием надлежит вооружиться каждому христианину, дабы одолеть диавола, суету и плоть[235]
- О преимуществах, коими обладают женщины небольшого роста[236]
- О доне Хорьке, слуге архипресвитера

- О том, как, по мысли архипресвитера, надлежит понимать сию книгу
  -
  - О радостях Девы Марии[240]
  - О радостях Девы Марии[242]
  - Песни школяров, просящих подаяние во имя Божие[245]
  - Песня слепцов[246]
  - Песня слепцов[247]
  - О гимне Пресвятой Деве «Радуйся!»[248]
  - Гимн во славу Девы Марии[256]
  - Гимн во славу Девы Марии[257]
  - Гимн во славу Девы Марии[258]
  - Гимн во славу Девы Марии[259]
  - Песня, укоряющая судьбу[260]
- Песня про талаверских клириков[261]

- ПРИЛОЖЕНИЯ
  -

    - З. И. Плавскин
    - ОТ ПЕРЕВОДЧИКА
    - ПРИМЕЧАНИЯ
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24
    - 25
    - 26
    - 27
    - 28
    - 29
    - 30
    - 31
    - 32
    - 33
    - 34
    - 35
    - 36

- 37
- 38
- 39
- 40
- 41
- 42
- 43
- 44
- 45
- 46
- 47
- 48
- 49
- 50
- 51
- 52
- 53
- 54
- 55
- 56
- 57
- 58
- 59
- 60
- 61
- 62
- 63
- 64
- 65
- 66
- 67
- 68
- 69
- 70
- 71
- 72
- 73
- 74
- 75
- 76

- 77
- 78
- 79
- 80
- 81
- 82
- 83
- 84
- 85
- 86
- 87
- 88
- 89
- 90
- 91
- 92
- 93
- 94
- 95
- 96
- 97
- 98
- 99
- 100
- 101
- 102
- 103
- 104
- 105
- 106
- 107
- 108
- 109
- 110
- 111
- 112
- 113
- 114
- 115
- 116

- 117
- 118
- 119
- 120
- 121
- 122
- 123
- 124
- 125
- 126
- 127
- 128
- 129
- 130
- 131
- 132
- 133
- 134
- 135
- 136
- 137
- 138
- 139
- 140
- 141
- 142
- 143
- 144
- 145
- 146
- 147
- 148
- 149
- 150
- 151
- 152
- 153
- 154
- 155
- 156

- 157
- 158
- 159
- 160
- 161
- 162
- 163
- 164
- 165
- 166
- 167
- 168
- 169
- 170
- 171
- 172
- 173
- 174
- 175
- 176
- 177
- 178
- 179
- 180
- 181
- 182
- 183
- 184
- 185
- 186
- 187
- 188
- 189
- 190
- 191
- 192
- 193
- 194
- 195
- 196

- 197
- 198
- 199
- 200
- 201
- 202
- 203
- 204
- 205
- 206
- 207
- 208
- 209
- 210
- 211
- 212
- 213
- 214
- 215
- 216
- 217
- 218
- 219
- 220
- 221
- 222
- 223
- 224
- 225
- 226
- 227
- 228
- 229
- 230
- 231
- 232
- 233
- 234
- 235
- 236

- 237
- 238
- 239
- 240
- 241
- 242
- 243
- 244
- 245
- 246
- 247
- 248
- 249
- 250
- 251
- 252
- 253
- 254
- 255
- 256
- 257
- 258
- 259
- 260
- 261
- 262
- 263
- 264
- 265
- 266
- 267
- 268
- 269
- 270
- 271
- 272
- 273
- 274
- 275
- 276

- 277
- 278
- 279
- 280
- 281
- 282
- 283
- 284
- 285
- 286
- 287
- 288
- 289
- 290
- 291
- 292
- 293
- 294
- 295
- 296
- 297
- 298
- 299
- 300
- 301
- 302
- 303
- 304
- 305
- 306
- 307
- 308
- 309
- 310
- 311
- 312
- 313
- 314
- 315
- 316

- 317
- 318
- 319
- 320
- 321
- 322
- 323
- 324
- 325
- 326
- 327
- 328
- 329
- 330
- 331
- 332
- 333
- 334
- 335

Хуан Руис
Архипресвитер из Иты
Книга благой любви

Издание подготовили
М. А. ДОНСКОЙ, З. И. ПЛАВСКИН

КНИГА БЛАГОЙ ЛЮБВИ

1

IHESUS NAZARENUS REX JUDEORUM[1]

Молитва, с коей архипресвитер обратился ко Господу, приступая к сочинению этой книги

[1] Господь Вседержитель, ты, чья несказанная сила
евреев от уз фараоновых освободила,[2]
во рву вавилонском спасла от зверей Даниила,[3]
спаси и меня из темницы, что так мне постыла.
[2] Господь, ты к Есфири был так милосерд,[4] что царица
смогла перед грозным царем за народ свой вступиться;
так пусть на меня милосердье твое обратится:
пусть выпустит узника гнусная эта темница.
[3] Господь, кем из львиного рва был исхищен пророк,
кто мощи Сантьяго от нехристей встарь уберег,[5]
святую Марину из чрева дракона извлек,[6]
молю, чтоб узилище мне ты покинуть помог.
[4] Господь, свою милость Сусанне пожаловал ты,[7] —
и смылось с безвинной супруги пятно клеветы;
так я вызволения жду от твоей доброты —
на волю я рвусь из тюремной своей тесноты.
[5] О Боже, подобно тому, как явил ты в дни оны
спасенье из чрева китова пророка Ионы[8]
и праведник вышел живым из пучины соленой, —
спаси и меня, одолеть помоги мне препоны.
[6] Господь, ты трем отрокам не дал погибнуть в огне[9] —
но вышли из пещи и живы, и здравы вполне,
святому Петру ты дозволил ступать по волне,[10] —
подобную помощь пошли, Вседержитель, и мне.
[7] Сказал ты апостолам, труд завещая великий —
нести светоч веры во все племена и языки, —
что не воспрепятствуют им ни цари, ни владыки;
так помощь подай от неправды и мне, горемыке.
. . . . . .[11]
[8] Пророчество было, что явится Еммануил,[12]
Сын Божий, Израилю посланный Господом сил,
и вот пред тобою архангел предстал Гавриил
и весть о Спасителе в сердце твоем утвердил.

[9] Тебя, Богоматерь, молю я с усердьем и пылом,
заступницей стань пред Спасителем Эммануилом:
пусть мерит мои прегрешенья он добрым мерилом,
пусть благословит, чтоб мне труд оказался по силам.
[10] О Дева, чьей ласкою души людские согреты,
помилуй, — я грешник, но все ж не преступник отпетый;
останутся пусть посрамленными злые наветы;
защитница грешных, поможешь, я верую, мне ты.

Intellectum tibi dabo, et instruam te in via hac qua gradieris: firmabo super te oculos meos.[13] Пророк Давид, по внушению Духа святого, говорит каждому из нас в псалме тридцать первом слова, начертанные выше. В оном стихе я усматриваю три вещи, о коих иные ученые философы отзываются, что они присущи душе человеческой и единственно ей; они суть: разумение, воля и память. Каковые, говорю, если они не ущербны, доставляют утешение душе и удлиняют жизнь телу, служа на пользу человеку и во славу ему. Ибо истинное разумение позволяет человеку понять, что есть добро, и отличить его от зла. И потому одно из молений к Господу пророка Давида, желавшего постичь его Закон, было: Da mihi intellectum e cetera.[14] Ибо человек, разумеющий, что есть добро, обретает страх господень, а с него начинается всякое знание, о чем оный пророк говорит: Initium sapientiae, timor Domini.[15] Из чего следует, что истинное разумение присуще тем, кто живет в страхе господнем. И тут я следую рассуждению оного Давида, гласящему далее: Intellectus bonus omnibus facientibus eum e cetera.[16] То же говорит и Соломон в Книге премудрости: Qui timet Dominum, faciet bona.[17] И это понятно с первых слов того стиха, с коего я начал: Intellectum tibi dabo. И поелику человек осведомлен и научен, что душа спасется чистотою телесной, то его помыслами, чувствами и желаниями владеет благая любовь к Богу и он подчиняется ее повелениям. О сем вышереченный пророк говорит: Et meditabor in mandatis tuis quae dilexi.[18] И, сверх того, душа отвергает безрассудную мирскую любовь и питает к ней отвращение. О чем псалмопевец говорит: Qui diligitis Dominum, odite malum etc.[19] А теперь обратимся к следующим словам начального стиха: Et instruam te. И поскольку душа, побуждаемая благим разумением, благою волею и благой памятью, избирает и почитает благую любовь, каковая есть любовь к Богу, она помещает ее в памяти, дабы руководиться ею и направлять тело к благим деяниям, коими человек спасется. О сем сказал святой апостол Иоанн в Апокалипсисе: Beati mortui qui in Domino moriuntur, opera ehim

illorum secunturillos.[20] И к тому еще сказал псалмопевец: Tu reddes unicuique justa opera sua.[21] Тем же заключается и третья часть начального стиха, где сказано: In via hac qua gradieris, firmabo super te oculos meos. И, стало быть, несомненно, что дела навсегда запечатлеваются в благой памяти, ежели с благим разумением и благою волей душа избирает любовь к Богу, чтобы тем спастись. Потому как Бог зрит очами своими над человеком, который, творя добро, идет по пути спасения. И таков — заключаю — смысл стиха, с коего я начал. А ежели является порою греховный помысел или греховное деяние, то сие заблуждение не порождается благим разумением, ни сей помысел не порождается благой волей, ни от благого деяния происходит сие действие; а происходит таковое от слабости человеческой природы, свойственной смертному, который не может избежать греха. Как говорит Катон:[22] Nemo sine crimine vivit.[23] И как о том же сказал Иов: Quis potest facere mundum de inmundo conceptum semine? [24] Quasi dicat:[25] один только Бог. А сверх того происходит сие от недостатка благого разумения, понеже поддается человек мыслям о греховной тщете. Об этих помыслах говорит псалмопевец: Cogitationes hominum vanae sunt.[26] А также и в другом месте остерегает: Nolite fieri sicut equus et mulus, in quibus non est intellectus.[27] И еще скажу, что причина этому скудость памяти, которая не воспитана в благом разумении, а потому неспособна ни любить добро, ни руководиться им в действиях. А также причина сему в том, что природа человеческая более склонна и направлена к дурному, чем к доброму: так говорится в Декрете.[28] И это лишь некоторые из доводов, ибо существуют многие книги, толкующие о законе и праве, о нравах и обычаях и о других материях. К тому же остались картины, изваяния и письменные свидетельства, назначение коих прежде всего в том, чтобы возместить недостатки памяти человеческой: так говорится в Декрете. Ибо держать все в памяти и не отдать чего-то забвению есть свойство, скорее, сущности божественной, нежели человеческой: так говорится в Декрете. И потому сие более свойственно памяти духовной, ибо душа есть Дух господень, обученный и завершенный и обитающий всечасно во Господе. Что подтверждает Давид: Anima mea illi vivet: quaerite Dominum et vivet anima vestra.[29] И не свойственно сие человеческому телу, срок коего недолог. Как сказано у Иова: Breves dies hominis sunt.[30] И в другом месте: Homo natus de muliere, brevi vivens tempore, repletur multis miseriis.[31] А Давид говорит о том же: Anni nostri sicut aranea meditabuuntur etc.[32]

Вот почему я, будучи малоученым и весьма во многом невежественным, поняв, сколь многие блага теряют душа и тело и сколь большой урон наносит и причиняет им безрассудная любовь, происходящая

от мирской скверны, избрав и возлюби, в силу благой воли, спасение и райское блаженство для души своей, написал сей посильный труд в прославление добра и составил сию книжицу, в коей описаны иные из лукавых подходов, уловок и ухищрений мирской безрассудной любви, коими она склоняет некоторых ко греху. И, прочитав и усвоив сие, разумный мужчина или разумная женщина, желающие спастись, могут сделать выбор и следовать ему. И смогут повторить за псалмопевцем: Viam veritatis etc.[33] Малоразумных, же сие остережет от заблуждения: прочтя и вникнув в то, сколь злочинны дела их или намерения их, заблудшие убедятся, что многие их уловки и хитрости, применяемые для грехотворства и совращения женщин, открыто изобличены, что они запомнятся и покроют их позором; а лишь самые закоренелые пренебрегают мнением о себе: так утверждает Закон. И возжелают более печься о самих себе, нежели о грехе; именно с самого себя начинается человеколюбие: так говорится в Декрете. И устыдятся и отрекутся от недостойных уловок и ухищрений безрассудной любви, которая душу приводит к погибели и навлекает на нее гнев Божий, а телу сокращает срок жизни и позорит и чинит ему всяческий вред.

Однако понеже человеку свойственно грешить, то, если бы иные пожелали, чего я им не советую, предаться безрассудной любви, они здесь найдут некоторые указания на сей счет. И, стало быть, моя книга всякому, будь то мужчина или женщина, мудрый или неразумный, тому, кто избрал путь спасения и творит добро из любви к Богу, и тому, кто предпочел руководиться на жизненной стезе безрассудной любовью, — может любому сказать: Intellectum tibi dabo etc. И прошу и советую каждому, кто прочтет или прослушает, чтобы хранил он три свойства, присущие душе; и наиглавнейшее — чтобы правильно понял намерение мое и верно судил о нем, ибо трудился я во имя сути сказанного мною, а не пустого звучания слов ради: ведь правило таково, что слова служат замыслу, а не замысел словам. Но Господу ведомо, что замысел мой был не в том, чтобы наставлять в грехотворстве, равно как не в том, чтобы празднословить, но в том, чтобы обратить всех читателей к благой памяти о достойных делах и показать пример добрых обычаев и направить на путь спасения: дабы все были предуведомлены и лучше могли остерегаться разных ухищрений, коими иных уловляет безрассудная любовь. Как говорит святой Григорий, не столь опасны шипы, когда их видишь, и мы лучше убережемся, если заранее видим угрозу.

А к тому же написал я книгу в поучение — как слагать стихи и рифмовать и сочинять песни; ибо и песни, и музыку, и стихи, и рифмы, и размеры приискивал я со всем тщанием, коего требует сие искусство.

Но известно, что всякому благому делу начало и основание суть Господь и правая вера, о чем говорится и в первой из Климентовых декреталий, начальные слова коей: Fidei catholicae fundamento,[34] а без сего нет фундамента и нельзя воздвигнуть ни крепкого здания, ни крепкого творения, как говорит Апостол. А потому начал я книгу во имя господне и привел первый стих псалма, который внушен святой Троицей и правой верой. Итак, Quicumque vult,[35] назначено сие. Ita Deus Pater, Deus Filius e cetera.[36]

О том, как архипресвитер просил Господа оказать ему свою милость и споспешествовать его намерению сочинить сию книгу

11 Во имя Отца, его Сына и Духа святого
да будет нам послано благословенье Христово
на то, чтобы мысль облачилась в достойное слово:
молю, чтоб наш труд не лишился господня покрова.
12 Взываю к создателю неба и суши и вод:
пусть мне просветленье душевное он ниспошлет,
дабы мог из песен и притчей составиться свод,
чтоб книжицей этой я мог позабавить народ.
13 Дай сил, Вседержитель, дабы мог спокойно и смело
твой архипресвитер приняться за трудное дело.
Благая любовь — ей свой труд посвятит он всецело,
любви, что нам дух возвышает и радует тело.
14 Когда вам угодно, сеньоры, прошу, в добрый час,
развлечься, послушав неспешный бесхитростный сказ;
и хоть за правдивость обычно не хвалят у нас,
не будет в сей повести лжи и не будет прикрас.
15 Дабы приумножить сторонников книги моей,
решил я прибегнуть к стихам, этот способ верней:
мысль, в стих облеченная, краше, богаче, звучней,
и легче она западает в сознанье людей.
16 Не надо предвзято смотреть, я прошу вас покорно,
решать с первых строк, что мое сочинение вздорно:
скрываются клады под слоем убогого дерна,
в стихах немудрящих вдруг сыщутся мудрости зерна?
17 Орех тебе кажется твердым и черным, пока
его не расколешь, — но мякоть бела и сладка.
Пшеница темна, а ведь как белоснежна мука.
И сахар белейший — из грубого он тростника.
18 Бывает, что сочны плоды, хоть невзрачны цветочки,
порой нас прекрасному учат корявые строчки,
вино недурное в невидной случается бочке, —
так может благая любовь быть в простой оболочке.
19 Тобой, Приснодева, пути нам благие открыты

и ждем от тебя мы помоги во всем и защиты;
в начале сей книги от архипресвитера Иты
Хуана Руиса хвалебные строки прими ты.

О радостях девы Марии[37]

[20] Восславлю в гимне
тебя, Мария!
Определи мне
пути благие!
[21] С твоего благословенья
и Христова дозволенья
умышляю дерзновенье
радости воспеть твои я.
[22] Город звался Назаретом;
в галилейском граде этом
осиянны вышним светом
были дни твои младые, —
[23] там посол предвечных сил
ангел божий Гавриил
весть благую объявил
и воззвал: «Ave Maria».
[24] Так назначила судьбина:
ты, безгрешна и невинна,
понесла господня сына,
услыхав слова святые.
[25] Радостью твоей второй
был спасен весь род людской:
в Вифлееме был тобой
порожден на свет Мессия.
[26] Радость третья: что приспели,
призваны к высокой цели —
ко Христовой колыбели —
три властителя земные.
[27] Мельхиор принес свой дар —
ладан, и елей — Каспар,
а последний, Валтасар —
украшенья золотые.
[28] Для четвертой же причина
радости: от Магдалины
весть о воскресенье сына

до тебя дошла впервые.
29 В пятых — нет блаженней доли! —
зришь ты сына на престоле
рядом с Господом, чьей воле,
все покорствуют стихии.
30 Стали радостью шестой
те, кто божьей шел тропой:
в них посеял Дух святой
веры семена живые.
31 Радость же твоя седьмая —
вознесенье к высям рая;
и к тебе, Мать пресвятая,
тянутся сердца простые.
32 Ты с Христом царишь над нами;
каждодневными хвалами
Матерь божью мы во храме
прославляем в литургии.

О радостях Девы Марии[38]

33 О небесная царица,
чьею славою гордится
всякий на земле,
благостная голубица,
удостой возвеселиться
ты моей хвале.
34 Не гневись — молю сперва я,
свою дерзость сознавая:
многогрешен аз;
но отваживаюсь, зная,
что ты, Матерь пресвятая,
милуешь всех нас.
35 Восхваления прими
радостям твоим семи.
Первой стала весть —
«Дева, радуйся вельми:
избрана ты меж людьми
плод святой понесть».
36 Радостью твоей второй
стало то, что в мир земной,
в грешную обитель,
Дева, был рожден тобой
Он, кто спас весь род людской,
кроткий Искупитель.
37 Третьей радостью согрета:
дивный луч звезды, сноп света
вдруг рассеял тьму;
знаменье позвало это
трех царей из трех стран света
к сыну твоему.
38 Радостью четвертой было
откровенье Гавриила,
вестника небес:
что божественная сила
от Христа смерть отвратила,
что твой сын воскрес.

39 Стал твоей отрадой пятой
миг, увидела когда ты,
как своим Отцом
вознесен был Сын распятый,
как воссел людской ходатай
на престол с Творцом.
40 Стало радостью шестой
то, что Дух сошел святой
на учеников,
и воспрянул мир земной:
нет нам истины иной,
чем закон Христов.
41 И седьмой твой миг блаженный,
миг величья несравненный:
в небеса взята
ты из сей юдоли бренной
повелителем вселенной.
Слава, мать Христа!
42 Царствуя на небесех,
осеняешь ты нас всех
кроткою любовью;
внемли одному из тех
грешных, чей искуплен грех
был Христовой кровью.
43 Дай прощенье нашим винам,
не побрезгуй ни единым,
кто грешит сейчас.
Жалость, Божья мать, яви нам
и перед Отцом и Сыном
помолись за нас.

Здесь повествуется о том, что среди повседневных забот надлежит находить время для увеселения, и о том, как греки и римляне вели меж собою диспут

44 Премудрый сказал,[39] и Катон повторил, что подчас
сколь пагубна скорбь, столь веселье целебно для нас;
известно, что шутка способна помочь в трудный час;
погрязши в печалях одних — и в грехе ты погряз.
45 Не стоит высмеивать то, что достойно, — отнюдь,
но если отважусь иной раз я шутку ввернуть,
не думай, читатель, что выбрал неверный я путь:
в шутливом обличье доступней серьезная суть.
46 Ты в мысли вникай: если думаю я об одном,
а ты об ином, мы друг друга с тобой не поймем;
тогда может выйти ошибка, как в диспуте том,
что встарь грубый римлянин с греческим вел мудрецом.[40]
47 Не существовало законов у римлян в дни оны,
и греков просили они объяснить им законы;
ответили греки, что этому есть, мол, препоны
в невежестве римлян: законы, мол, слишком мудрены.
48 Однако же, чтобы учтивее сделать отказ,
добавили: если похвальный ваш пыл не угас,
мы в диспуте наших мудрейших сведем — тут как раз
узнаем, достаточно ли пониманья у вас.
49 Ответили римляне «да», но, раскинув мозгами,
сказали: «Ваш труден язык, как вы знаете сами,
давайте уж знаками диспут вести, не словами».
На это ответили греки: «Что ж, ладно, бог с вами»,
50 В назначенный день в холодке, меж деревьев зеленых
у римлян совет; не решить им вопросов мудреных:
не смыслят нисколько в науках они и законах,
ну как же им диспут вести против греков ученых?
51 Но вдруг одного осенило: есть, дескать, мужик —
космат, страхолюден, упрям и силен словно бык;
ведь в диспуте этом нам руки нужны, не язык,
что-что, а пускать руки в ход сей детина привык.
52 Позвали мужлана; явился он. Так, мол, и так,

внакладе не будешь, проси у нас всяческих благ,
но выиграй диспут; что делать — поймет и дурак:
грек знак тебе сделает, тут же и ты сделай знак.
[53] Детина ответил: «Потрафлю, уж будьте в надежде».
Ученую тогу надели тупому невежде,
взобрался на кафедру он в этой пышной одежде:
«Ну, грек, спорить — спорь, только гроб закажи себе прежде».
[54] А греки избрали мудрейшего из мудрецов,
он первый был ритор, начитаннейший богослов;
и он занял кафедру, диспут вести он готов,
при этом единственно знаками, вовсе без слов.
[55] Грек встал, поднял перст указательный и — вновь на место
сел после величественного и плавного жеста;
однако противник его из другого был теста:
вскочил как ошпаренный со своего он насеста.
[56] Три пальца когтистых он выставил над головой:
два врозь растопырены, снизу короткий — большой,
как будто трехзубой врагу погрозил острогой, —
и снова уселся, донельзя довольный собой.
[57] Грек правую руку тогда вверх ладонью простер
и сел, в оппонента вперив испытующий взор;
тот поднял кулак — на ответы наш дурень был скор, —
и грек согласился, что римлянин выиграл спор.
[58] Философ изрек своим грекам: «Вам должен сказать я,
что римляне эти о многом имеют понятье,
пора посвятить их в ученые наши занятья».
Так в диспуте верх взяли неуч и вся его братья.
[59] У грека спросили: «Что выразил ты как истец,
а он как ответчик? — хотим мы узнать наконец». —
«Сперва я сказал, что един у вселенной Творец;
един, но в трех лицах, — ответствовал римский мудрец.
[60] Потом показал я — в деснице Творца всяк живущий,
а римлянин сразу добавил, что он — всемогущий;
ответ оппонента меня убедил еще пуще,
что римлянам и благонравье, и мудрость присущи».
[61] С вопросом и римляне к неучу: как он их спас?
«Тот грек погрозился, что пальцем он выткнет мне глаз,
ну, я осерчал — на испуг не возьмете, мол, нас,
еще не таких забияк я мутузил не раз.

62 Ему показал я, что грек он нахальный и грубый,
что лучше держаться потише ему самому бы,
не то я отвечу — ведь диспуты эти мне любы, —
два пальца в глаза, а большим выбью начисто зубы.
63 Тогда погрозился он мне закатить оплеуху,
а я показал свой кулак: пришибу, мол, как муху;
и грек предо мной спасовал — не хватило, знать, духу,
не то, как пить дать, учинил бы я там заваруху»,
64 Известно: не может быть просто реченья дурного,
но может быть дурно порой истолковано слово.
Так вникни по доброму в книгу, прошу тебя снова:
рыбак, коль терпеньем запасся, дождется улова.
65 Коль шутки иной ты не понял — не ставь мне в упрек:
ведь надобно в книге не только выдерживать слог, —
плохое с хорошим сличать; оцени, если смог
хоть в чем-то тебе преподать сочинитель урок.
66 Тому, кто берется за новое дело, — не сладко:
портной взял впервые иглу — ляжет криво заплатка;
не с тем начал книгу, чтоб вышло хоть пусто, да гладко, —
любви посвящаю благой весь свой жар без остатка,
67 Назначена книга для всех, всем доступна равно,
но умный разыскивать будет в ней то, что умно,
юнцу-вертопраху лишь было бы только смешно, —
пусть всяк тут найдет, что найти ему свыше дано.
68 Сей книгой хочу я восславить благую любовь,
и ты к пониманию оной себя приготовь,
а коль не понравится книга — о ней не злословь:
быть может, позднее похвалишь, прочтя ее вновь.
69 Бывает — хороший товар не показан лицом,
иной раз бессмыслица скрыта за хлестким словцом;
но главное — чтобы мы книгу читали с умом:
тогда уж за это похвалим, за то упрекнем.
70 Ведь книга — что лютня: к кому попадет она в руки?
Под грубыми пальцами струны — источники муки,
однако же от сочетания правил науки
и божьего дара рождаются дивные звуки.

О том, что, согласно природе, мужчины, равно как и прочие живые существа, стремятся к особям женского пола

71 Как верно сказал Аристотель,[41] в живое созданье
с рождения вложено свыше два главных желанья:
продлить и свой век, и свой род, — отыскать пропитанье
и особью женского пола достичь обладанья.
72 Великий философ сказал нам про эти две цели,
кому же его опровергнуть велите — не мне ли?
Все, жившие позже, ему возразить не сумели,
к тому ж справедливость той мысли мы видим на деле.
73 Взгляни и увидишь, сколь верно философ нам рек:
зверь, птица, всяк житель и суши, и моря, и рек —
всяк пары взыскует, ведется из века так в век,
а пуще охвачен влечением сим человек.
74 И вправду, на это мы пуще других мастера:
у прочих всех тварей любовная кратка пора,
мы ж меры не знаем: мила нам такая игра
зимою и летом, и ночью, и днем, и с утра.
75 Огонь не смирится, пока не сожжет все дотла,
когда ж спадет пламя, то жар сохраняет зола;
так страсть жжет людей, и противу грозящего зла
нельзя устоять: нас природа на грех обрекла.
76 Я грешник, как все: удавалось красоткам столкнуть
меня со стези добродетели — бью себя в грудь;
но должно, пройдя испытания, вникнуть в их суть:
дурное с хорошим сличить и избрать правый путь.

О том, как архипресвитер был влюблен

77 Влюбился я как-то в сеньору; давно это было,
но все ж не забылось, как млел я от страстного пыла;
учтивый вела разговор, улыбалась так мило,
однако ж вниманьем особым меня не дарила.
78 Всем дамам была она дама; но эту сеньору
домашние не оставляли на час без надзору:
приход в дом мужчины тотчас поднимал всю их свору, —
евреи и те не ревнивей хранят свою Тору.[42]
79 Искусна была в вышиванье и златом, и шелком,
была в добронравье примером любым богомолкам,
скромна, громко слова не вымолвит, все тихомолком;
как к ней подступиться, не мог разобраться я толком.
80 И вот я послал, не уверенный — выйдет ли прок,
ей с некой умелой вдовицей любовный стишок;
ведь скромная женщина — скажет вам каждый знаток —
хоть «да» не ответит, но, может быть, даст вам намек.
81 Ответила умница посланной мною вдове:
«Ты многих других совратила, коль верить молве.
Слыхала ли ты побасенку о немощном льве?
И я, как лисица, учусь на чужой голове.

Пример[43] о том, как лев занемог и звери пришли его проведать[44]

82 Что лев занемог, стало ведомо всем лесным тварям,
и звери собрались пред хворым своим государем;
ну что же, — решили они, — мордой в грязь не ударим
и льву на обед все, что он пожелает, подарим.
83 Увидев, что преданность подданных столь велика,
лев духом воспрянул и телом взбодрился слегка,
но молвил: поскольку еще слабоват он пока,
достаточно будет на всех одного им быка.
84 Убили быка; но вот как поделить его? Что ж,
болящий назначил — пусть волк производит дележ:

мясник многоопытный, лучше него не найдешь.
Волк тушу подвинул в сторонку — а бык был хорош —
[85] и льву положил требуху: «Царь, на благо нам здравствуй,
покуда ты болен, нужны тебе легкие яства,
а грубое мясо сожрет твоя скромная паства».
Но лев разъярился, увидев такое лукавство.
[86] Как ни был он слаб, удалось ему с ложа привстать
и волка он лапой державной по темени — хвать!
Сурово наказан монархом был дерзостный тать:
клок шкуры и ухо впридачу пришлось потерять.
[87] Лисе было велено распорядиться добычей;
лисица ответила скромно: ей ведом обычай,
разделит по правилам, без нарушенья приличий, —
льву — туша быка, а зверям остальным — потрох бычий.
[88] Растроганный лев ей промолвил: «Я вижу, кума,
что ты справедлива, умна, благонравна, пряма, —
откуда все это в тебе?» — «Да не знаю сама,
быть может от волчьей башки набралась я ума».
[89] Старуха, понятливой будь, — заключила сеньора, —
знай, слушать я впредь не хочу непристойного вздора;
не смей появляться тут после сего разговора,
дабы не дала тебе львиная лапа отпора».
[90] Христос говорил — ничего сокровенного нет,
такого, чтоб раньше иль позже не вышло на свет:
любви потаенной моей был разгадан секрет,
на встречи со мной ей от родичей вышел запрет.
[91] Я больше ее не видал, но однажды принесть
сумел мне один человек от возлюбленной весть:
меня попросила сеньора за труд не почесть —
печальную, скорбную песнь сочинить в ее честь.
[92] От милой моей госпожи получив повеленье,
любовную скорбную песнь сочинил в тот же день я
и верю: сколь я ни грустил при ее сочиненье,
но больше грустила любимая при ее пенье.
[93] Известно, что если захочется вдруг господину
собаку убить, то объявит он бешеной псину;
я, видно, кому-то мешал — хоть не знаю причину, —
и выдумкой злобной удар нанесен был мне в спину:
[94] сеньоре сказали, что хвастался я, лиходей, —

она, мол, уступчива, скоро полажу я с ней.
«Мне жаль, — она молвила, — что принимала репей
за розан; как видно, нет в мире надежных друзей».
95 Гласит поговорка: «На уголь походит навет, —
не жжет, так марает». Злословье оставило след.
Сказала сеньора: «Мужчины дают нам обет
в высокой любви, а у них простой совести нет».
96 С ней в спор старушонка, сеньора же стала строга с ней;
отлично, мол, ведомо всем — тем мужчина опасней,
чем он на обеты щедрее, чем он велегласней;
и вывод такой подкрепила эзоповой басней.[45]
97 Разумна, приметлива, пропасть вещей она знала,
старухе открыла премудрости древней зерцало:
«Кто много кричит, большей частию делает мало,
послушай о том, как земля в дни былые рожала.

Пример о том, как вопила земля[46]

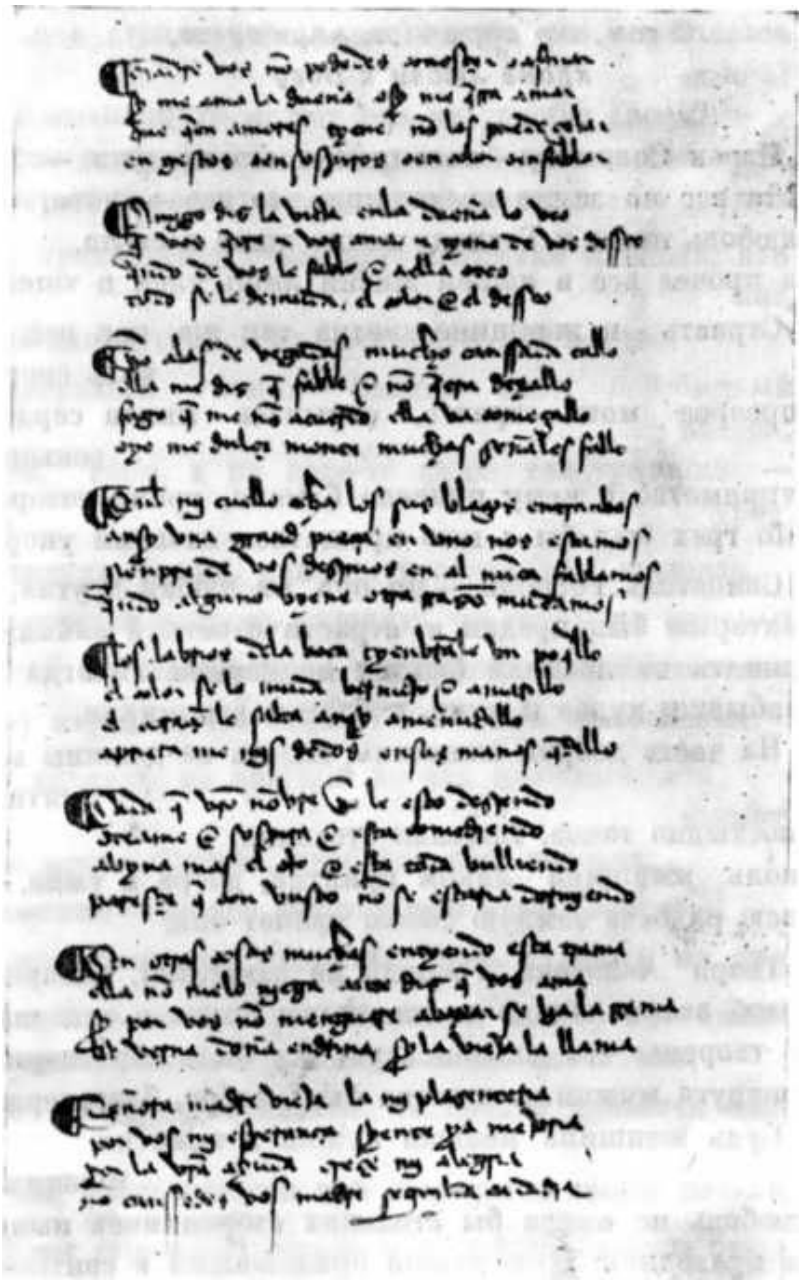
98 Однажды земля возопила — как будто от боли;
ревет — и горой стало пучиться ровное поле;
народ изумился: родить собирается, что ли?
Так стонут роженицы в скорби своей и недоле,
99 Все в страхе: земля на сносях, что скрывается в ней?
Что вытолкнуть может она из утробы своей?
Родится, должно быть, огромный дракон или змей,
который поглотит всех тварей, пожрет всех людей.
100 В предвиденье страшного бедствия каждый, кто мог,
немедля пустился из местности той наутек;
разверзлась земля — вышел крот, безобидный зверек;
шум, гром, а на деле-то смех: хвастунишкам — урок.
101 Старуха, такие, как он, честолюбьем влекомы,
простушек непрочь изловить, но грубы их приемы:
сулят воз пшеницы, а есть лишь охапка соломы.
Ему передай, что отныне мы с ним незнакомы».
102 И вправду, не каждый из тех молодцов, кто шумит,
кто много болтает, вдобавок еще деловит:
известно — не все золотое, что ярко блестит,
а золото может, напротив, быть тусклым на вид.

[103] Так был ни за что я отринут, подвергнут опале,
обманщиком несправедливо меня посчитали;
кто всюду ждет козней, от козней спасется едва ли;
о сем вновь сложил для сеньоры я песню печали.
[104] В тех горестных строфах чистейшая правда была,
однако же трудно добру защититься от зла:
моих оправданий суровая не приняла;
когда очернят, не отмоешься вновь добела.

О том, что все в этом мире суета, кроме любви к Богу

[105] Изрек Соломон, — несомненна его правота, —
что все на земле преходяще, что все — суета;
любовь наша к Господу вечно жива и свята,
а прочее все в нашей жизни лишь тлен и тщета.[47]
[106] Страсть к женщине суетна так же, как всё; и коль скоро,
презрев мою страсть, скрылась милая сердцу сеньора,
упрямство к чему привело б меня, кроме позора?
Но грех был бы с нею прощаться словами укора.
[107] Свидетель Господь, — ни она, ни любая другая,
которым был предан я, страсти ответной алкая,
пенять не посмели бы: их не чернил никогда я,
забывши худое и лишь о благом вспоминая.
[108] На честь доброй женщины класть не должны мы пятна:
постыдно такое, тяжелая это вина;
коль женщина ликом приятна, добра и умна, —
всю радость земную собою являет она.
[109] Творя человека, Господь не замыслил, наверно,
чтоб взяли начало от женщины порча и скверна:
в творенье его долженствует все быть соразмерно,
подруга мужчины должна быть добра, благоверна.
[110] Будь женщина меньше нужна и приятна мужчине,
любовь не имела бы стольких сторонников ныне;
и праведник, всею душой прилежащий к святыне,
когда одинок он как перст, пребывает в кручине,
[111] Наводит тоску одиночество; как говорится,
не может ни петь, ни стенать одинокая птица;
корабль без оснастки по синим волнам не помчится,

и сад погибает, когда иссякает криница.
112 Я понял — избранница милая мне не чета,
но все же подругу найти сохранилась мечта.
Одну я приметил: по слухам отнюдь не свята;
другой с ней поладил бы сразу, а мне — маета.
113 Способный от робости только на тяжкие вздохи,
пошел я к приятелю: дескать, дела мои плохи,
замолви словечко, — черт дернул открыться пройдохе!
Он сам съел мясцо, мне остались лишь ахи да охи.
114 В досаде язвительным я отплатил ей стишком,
и пусть не пеняет, коль скоро прослышит о нем:
когда б я насмешку стерпел, то почли бы ослом,
сказали б, что я, дуралей, получил поделом.



Саламанкский манускрипт «Книги благой любви».

О том, что произошло между архипресвитером и Ферраном Гарсия, его посланцем[48]

115 Горе! Булочница Крус
не вошла со мной в союз.
116 В Крус я, — говорю без злобы, —
тонкой не узрел особы:

много пряностей и сдобы,
но не слишком тонок вкус.
117 Думал, что Ферран Гарсия
нас сведет: ведь — он вития,
мастер на дела такие,
не растяпа и не трус.
118 Пособить мне дал он слово,
втерся в дом к ней — и готово:
мне досталась лишь полова,
а прохвосту — сдобный кус.
119 Мой презент ей — куль пшенички —
плут присвоил по привычке,
дар его был — две плотички
и в придачу к ним арбуз.
120 Вот каков был мой «ходатай».
Бог тебе судья, проклятый!
Мой пирог, пес вороватый,
слопал — и не дует в ус.
121 С тех пор, видя Крус, осенялся я знаменьем крестным,
дабы от соблазна щитом оградиться небесным, —
хоть слышал о людях, крестом осененных пречестным,
но дань отдающих страстям и недугам телесным.
122 Ехидный стишок получил от меня также в дар
лжедруг мой — подобный кукушке бесстыжий школяр:
ни прежде, ни после, — пусть ведают все, млад и стар, —
никем не был мне нанесен столь коварный удар.

Здесь пойдет речь о созвездиях и планетах, под коими рождаются люди, и о том, какие суждения высказали пять ученейших мудрецов по случаю рождения сына у царя Алькараса

123 Издревле питали наклонность ученые многие
к науке о звездах, иначе сказать — к астрологии;
все люди — монархи и знать и калеки убогие —
блюли непреложно ее предписания строгие.
124 О том говорили не раз Птоломей и Платон,[49]
что надобно знать, под какою звездой ты рожден;
тогда будешь сведущ всегда — в чем ты слаб, в чем силен,
в чем ты преуспеешь, а в чем ты потерпишь урон.
125 Из многих и многих, кому приобщиться охота
к сословью ученому, — круглым невеждам нет счета;
хотя и зубрят и долбят до кровавого пота,
все зря: знать, готовил их рок для другого чего-то.
126 Иные в монахи идут и спасенья алкают,
иные военное поприще предпочитают,
а те в услужение к знатным особам вступают,
но многие в избранном деле не преуспевают.
127 Монахи — а святость на них не нисходит никак,
в начале сражения — страх забирает вояк,
а слуг гонят прочь: тот лентяй, тот набитый дурак;
бедняги неправильно поняли звездный свой знак.
128 Те знаки верны, и однако для их толкований
простор есть большой. Вот одно из старинных преданий
о том, как младенцу предречь его жребий заране
должны были пять звездочетов, исполненных знаний.[50]
129 Жил-был мавританский король, звался он Алькарас,
и сын родился у него; властелин в тот же час
созвал звездочетов, которым был строгий приказ,
чтоб каждый о жребии мальчика подал свой глас,
130 отца остерег, — что погибелью сыну грозит?
Немалое время потратил ученый синклит,
мудрейшие пять, вычисляя, вперяясь в зенит;

и вымолвил первый: «Он будет камнями побит».
131 Второй звездочет произнес: «От огня он умрет».
Рек третий мудрец: «Принц с большой высоты упадет». —
«Он будет повешен», — четвертый сказал звездочет,
а пятый промолвил: «Утонет средь пенистых вод».
132 Король, подивившись столь разным пяти приговорам,
велел пятерых звездочетов держать под запором,
покуда их ложь не представится явной всем взорам;
да врозь пусть сидят — коли врут, так уж врали бы хором.
133 Принц вырос: он статный, пригожий лицом молодец.
Однажды к родителю с просьбой приходит юнец,
чтоб ехать ему на охоту позволил отец;
король колебался, но все ж уступил наконец.
134 Охота — сладчайшая из королевских услад.
На зорьке отправились ясной, и принц был так рад!
Вдруг сизая туча, откуда взялась — невдогад,
и камни посыпались: то был невиданный град.
135 Припомнил тут дядька наследника те предсказания,
которые были даны звездочетами ранее.
«Вернемся, — он молвил, — судьба нам дает указание:
пророчества мудрых нельзя оставлять без внимания».
136 Нимало не медля, назад повернула охота;
но с промыслом божьим тягаться — пустая забота:
судьба есть судьба, она время найдет для расчета,
беда и в окошко влетит, коль запрешь ты ворота.
137 Достигли моста; тут у града удвоилась сила,
несчастному юноше градиной темя пробило,
вдобавок и молния прямо в него угодила —
упал королевич в реку с мостового настила.
138 Над бурной рекой свои ветви простер старый тисс,
задевши плащом за пего, принц на ветке повис;
не выдержал тяжести плащ, тело рухнуло вниз,
и приняли пенные волны сей горестный приз,
139 Сбылись предсказанья. Услышав про злую невзгоду,
король отпустил пятерых мудрецов на свободу,
осыпал щедротами их, бывших встарь не в угоду,
и впредь астрологию чтить заповедал народу.
140 Я верю астрологам: в том сомневаться не след,
что могут на судьбы людские пролить они свет;

но Бог, коль захочет, изменит значенье примет:
я знаю — пределов могуществу божьему нет.
141 Законы природы признав, ни в малейшей ты мере
не явишь нестойкость в святой католической вере;
чтоб ведали это сыны человечьи и дщери,
хочу я сужденье сие пояснить на примере.
142 Известно: волен государь, в чьем владенье держава,
предписывать ей и закон, и порядок, и право;
все это записано, и нарушитель устава
осведомлен, что за проступок ждет суд и расправа.
143 Положим, что некий преступник, повинный в измене,
быть должен казнен по закону — без всяких сомнений;
однако же пред государем склоняют колени
его приближенные — и не напрасны их пени.
144 Иль, скажем, преступник — случалось и так иногда —
державе служил беспорочно в былые года,
а память на доброе у государя тверда,
и хочет виновного он оградить от суда.
145 Пусть требует казни закон за сие злодеянье,
но властен могучий монарх, проявив состраданье,
оставить виновному жизнь, облегчить наказанье:
дающий законы их может смягчить при желанье.
146 Святейшие папы — примеры такие бывали —
порою прощали ослушников их декреталий
и тем избавляли виновных от многих печалей:
воспомнив былые заслуги, грехи отпускали.
147 Вершатся вокруг повседневно такие дела;
однако ж верховная власть велемудрой была,
когда нам закон, и порядок, и право дала,
записаны кои, дабы оградить нас от зла.
148 Вот так и Творец при созданье небесных светил
извечный порядок движенья для них учредил;
однако, хотя наши судьбы он им подчинил,
верховная власть у него лишь, у Господа сил.
149 Итак, говорю, не должны забывать мы о том,
что можно молитвой, и милостыней, и постом
судьбу изменить: за добро воздается добром,
и горестный жребий улучшен бывает Творцом.
150 Ученых я чту и астрологов чту всего боле:

дано им предвидеть, что сбудется в этой юдоли,
дано им знать судьбы людей, знать их радости, боли;
вот только оспаривать им не дано божьей воли.
151 Не думайте, что в астрологии сам я знаток, —
глазею на их астролябию словно телок,
но что положением звезд предсказуется рок,
свидетелем этому быть не однажды я мог.
152 Сколь много на свете рожденных под знаком Венеры,
живущих одною любовью, — бессчетны примеры;
любви домогаясь, хлопочут без края и меры,
но зрят большей частью, что все их надежды — химеры.
153 Под этим же знаком и сам я, должно быть, рожден:
красавицам сердце нередко сдавалось в полон,
за малую радость земной отдавал я поклон,
но, многих ценя, не был сам ни одной оценен.
154 Противиться было бы тщетно судьбы повеленью,
служу красоте и награды не требую рвенью.
С раскидистой груши мне плод не сорвать, к сожаленью,
но вправе и я наслаждаться прохладною тенью.
155 Служение женщине! — как возвышает сей труд:
и ум, и дар слова, и пыл обретаются тут;
возлюбленным смело себя отдавайте на суд:
неся нам страданья, они и блаженство несут.
156 Любовью зажжен, неотесанный станет учтивым,
а косноязычный становится красноречивым,
проворным являет себя, кто всегда был ленивым,
и трус обретает способность к отважным порывам.
157 Любовь помогает юнцу стать мужчиною зрелым,
а старцу казаться бодрее и духом и телом,
и черному негру сравняться с красавчиком белым,
любовь всяку тварь наделяет завидным уделом.
158 Пусть ты безобразен и дама твоя безобразна,
но любо вам в очи друг дружке смотреть неотвязно,
ты прелести женщин других отвергаешь заглазно,
и нет для тебя во вселенной другого соблазна.
159 Последний бедняк, недотепа, мужлан, ротозей
удачлив, умен и пригож для подруги своей;
по этой причине в обычай вошло у людей:
утратив подругу, замену подыскивать ей.

160 Собратья мои по судьбе, горевать не расчет:
терпение все превозможет, труд все перетрет;
пусть груша сейчас недозрелая, — время придет,
и свалится сам тебе в руки налившийся плод.
161 Сказав о любви, о ее промолчу ли изъяне?
О дамы, мне резкость суждений простите заране!
Но тот, кто не трус, не бежит откровенных признаний, —
любовь, как ни жаль, зачастую повинна в обмане.
162 В любимом нам видится то, чего нет в нем отнюдь:
разумник окажется дурнем, коль глубже копнуть,
достойный на вид — уваженья не стоит ничуть.
Так видимость часто совсем не походит на суть.
163 Румяные яблоки рядом в лукошке лежат, —
о, если б такие все были на вкус, как на взгляд!
Но можно ль уверенным быть, коль возьмешь наугад?
Раскусишь — гнилое, а сладостный был аромат!
164 Вот так и с любовью: умильно ее красноречье,
под пышным нарядом порой не заметишь увечья.
Не грубость в суждении этом, но чистосердечье,
не сетуйте, дамы, что вас пожелал остеречь я.
165 Бывает, что, высказав правду, друзей оттолкнешь,
но, правду скрывая, ты дружбу не ставишь ни в грош;
тут выбор нелегок, однако мне кажется все ж,
что горькая правда полезней, чем сладкая ложь,

О том, как архипресвитер был уязвлен любовью; пример о воре и сторожевом псе

166 Есть то, — как заметил философ,[51] — с чем споры напрасны:
привычка, судьба и наклонности наши всевластны:
привычка — вторая натура, все в этом согласны,
она до последнего вздоха нам спутник всечасный.
167 Сильней, неотвязней всех прочих привычек — любовь;
что женщины будут всегда горячить твою кровь,
к тому, начинаючи жить, ты себя приготовь.
Вот так получилось, что вскоре влюбился я вновь.
168 Сеньора достоинств была величайших полна:
хорошего рода, учтива, разумна, скромна;
во всех рукодельях была преискусна она,
сравниться с ней в том из подруг не могла ни одна.
169 Красива и статна, не шла — выступала как пава,
приветлива, добросердечна, веселого нрава,
остра на язык, но при этом не зла, не лукава,
скромна, деликатна, — ну как не влюбиться тут, право?
170 Я гимны слагал в ее честь без конца и без края
на береге песчаном Энареса[52] страстью сгорая,
но истинно сказано — помню об этом всегда я:
кто сеять решил на песке, пусть не ждет урожая.
171 Мечтал я к ней в милость попасть, да притом без отсрочки,
и слал ей дары: то перчатки пошлю, то платочки,
то ленты, то бусы, то кольца, то скань, то цепочки,
а сверх всего этого — многие пылкие строчки.
172 Дары отвергая, изволила дама шутить:
«Зачем проявляет он столь неуместную прыть?
Ужели достойно мужчины пытаться купить
сокровище, коего честным путем не добыть?
173 Мне заповедь божью попрать? — я такой чепухи
и слушать не стану; быть может, и сладки грехи,
но сладость сия ненадежна, как тень от ольхи;
кто взял — должен дать: ни к чему мне дары и стихи».
174 Итак, не прельстил я дарами своими сеньору,
она мне отказом ответила; вспомнить тут впору,

как сторожевая собака ответила вору,
когда на порог заявился он в позднюю пору.[53]
175 Приманку с собой прихватив, псу он бросил кусок,
но пес распознал: «Не пойдет эта пища мне впрок,
а будь даже мне твой коварный обман невдомек,
и то на твое угощенье польститься б не мог.
176 Я знаю, что хлеб твой отравлен и в нем острый гвоздь,
но дай ты и вправду мне хлеб или сочную кость,
ты ждал бы, что я в благодарность смирю в себе злость
и в это жилье ты войдешь невозбранно, как гость
177 Когда б, соблазнившись неправедным сладким куском,
я предал хозяина, не устерег его дом,
то изгнан бы им за предательство был со стыдом,
утратил бы честь и свой хлеб каждодневный притом.
178 Проваливай, дурень!» — и пес напустился на вора.
Вот так напустилась прелестная эта сеньора
на посланного мной для тайного с ней разговора.
И вновь я, как с первой, вкусил не любви, а позора.
179 Кому что дано. Есть немало присловий о том.
К примеру: «Кто чистит коня, а кто ездит верхом».
И к этой хозяюшке не был допущен я в дом.
Коль ты невезучий — успеха не жди ты ни в чем.
180 Итак, повторю — я рожден под злосчастной звездою,
все, что ни начну, и на треть-то никак не построю,
мечты норовят обернуться стыдом иль бедою,
по этой причине я спорю с Амуром порою.

О том, как архипресвитеру явился Амур, с коим вышереченный архипресвитер вступил в спор

181 Поведаю вам я о некоем споре ночном.
Кручинился я, пьяный гневом своим, не вином, —
и муж вдруг явился мне рослый,[54] пригожий лицом.
«Ты кто?» — я спросил. «Я Амур, с кем давно ты знаком».
182 Такая меня на него разобрала досада,
что крикнул я: «Коль ты Амур, то чего тебе надо?
Ты сеятель смут, ты обманщик, источник разлада:
помочь — никогда, навредить — вот твоя в чем отрада,
183 Ты в лести, во лжи, в одурачиванье преуспел;
мы, верные слуги твои — сколь жесток наш удел! —
мишень для твоих смертным ядом отравленных стрел,
злорадный разлучник ты, мастер заплечных ты дел.
184 Сколь многих лишил ты рассудка, бессовестный кат:
страдают они — не едят и не пьют, и не спят,
доверясь Амуру, куда-то бредут наугад,
и тело, и душу тебе предлагают в заклад.
185 Умелый захватчик, ты действуешь наверняка:
иной раз нахрапом навалишься на простачка,
а то подбираешься исподволь, исподтишка;
тебе я не лгу, — не посетуй, что правда резка.
186 Вербуешь в солдаты свои ты кого ни попало,
и горе несчастным, которых берешь под начало:
ты требуешь ревностной службы, но платишь им мало;
в бесплодных походах рать верить вождю перестала.
187 Под видом лекарства отраву подносишь ты нам:
губителен каждый твой пластырь, отвар и бальзам;
смельчак заартачился — я, мол, силен и упрям,
но глядь — уж плетется, как все, за тобой, по пятам.
188 Как людям вредишь ты, какое приносишь им горе —
и в книгах читаем, и слышим всяк день в разговоре:
живет о тебе, наглеце, и льстеце, и притворе,
бессчетное множество самых различных историй.

Пример о том, как один молодец надумал жениться на трех девицах сразу

189 Один дуралей — как бугай и здоров и силен —
жениться затеял; и вбил себе в голову он,
что нужно ему не одну, как всем прочим, — трех жен.
Стыдили его, да представишь ли дурню резон?
190 Отец, мать и брат — все семейство глупца умоляло,
чтоб снизил число он до двух, коль единственной мало:
пусть месяц он пожил бы с младшей сестрой для начала,
а после того и для старшей пора бы настала.
191 На том порешили. Уж месяцу скоро конец,
и тут узнает от родни сумасбродный юнец,
что младшему брату невесту присватал отец,
и парочку эту вот-вот поведут под венец.
192 И снова к родителю сын обратился шальной:
«Слыхал я, что хочет жениться мой братец родной?
Но я ведь недавно уже обзавелся женой,
нам с братом вдвоем предостаточно будет одной».
193 Была у отца вышеназванного простофили
отменная мельница: хлеб к ней с округи свозили;
и нравилась шутка тому крепышу и верзиле:
ногой останавливал жернов — без всяких усилий.
194 Но вот минул месяц, как стал он мужчиной женатым, —
вновь перед отцом свою силушку и перед братом
решил показать он: остался таким же, мол, хватом,
и к жернову вновь подступил молодец... Да куда там!
195 Пнув жернов ногою, он силой тяжелого круга
отброшен далеко был: жалкая вышла потуга;
заохал болван, чуть не умерший от перепуга:
«Вот черт здоровенный! Женить бы тебя, каменюга!»
196 С тех пор дуралей отказался от замысла вздорного
жениться на трех, превратился в супруга покорного
и впредь никогда не касался проклятого жернова.
Под силу тебе обломать и облома упорного.
197 Подобно огню — ты властитель палящий и жгущий
и к подданным милость и жалость тебе не присущи:
кто более предан тебе, тех терзаешь ты пуще,
ты — жар, обращающий в пепел цветущие кущи.

198 Счастливец, кто может, тебе фимиам не куря,
жить мирно и тихо вдали твоего алтаря,
все ж прочие смертные бьются, хлопочут — а зря:
тут впору припомнить лягушек, хотевших царя.

Пример о лягушках, просивших себе царя у Юпитера[55]

199 Лягушкам привольно жилось на просторах пруда:
орали, скакали — никто не чинил им вреда;
но бес им внушил, что у них есть в монархе нужда:
мол, царь — он блюститель порядка, вершитель суда.
200 Взмолились к Юпитеру: царь-де им нужен давно.
Тот внял их мольбам, и с небес в пруд свалилось бревно;
такого при этом наделало шуму оно,
что, разом умолкнув, лягушки нырнули на дно.
201 Но глядь, — царь улегся, уткнувшись в прибрежную тину,
молчит... Уж иные уселись на царскую спину.
И снова мольбы олимпийскому шлют властелину:
желаем другого царя, не такую дубину.
202 Юпитер прогневался; вот беспокойные твари!
Ну что ж, — и назначил он аиста им в государи;
был грозен тот царь: предавал он немедленной каре
виновных и правых — проглатывал сразу по паре.
203 Юпитера снова тревожит лягушачий хор:
«Склони к нам, создатель, свой слух, брось сочувственный взор!
Наш царь, что ниспослан тобою — тебе не в укор —
губитель народа, он изверг, тиран, живодер.
204 Убийственным клювом хватает он подданных, чтобы
отправить их в недра своей ненасытной утробы.
О, если б его отрешил ты, убрал ты его бы!
Как жить нам с подобным царем — воплощением злобы?»
205 Ответствовал им громовержец на это: «Не вы ли,
свободой пресытясь, меня о монархе молили?
Я слушать вас больше не стану, не тратьте усилий:
вам очень хотелось царя — вы его получили».
206 Блажен кто свободен, счастливец кто вольным живет.
Возможно ли радость вкушать, если чувствуешь гнет?
Ничто, как свобода, не красит людской обиход,

на горы златые свободу менять — не расчет.
207 И вот — достоянье ценнейшее наше, свободу,
злодейски у нас отнимаешь себе ты в угоду,
сжигая нам тело и душу: тебе, сумасброду,
охота в рабов превратить всю людскую породу.
208 А если взбунтуется против тебя, лиходей,
иной из невольников, — не разорвет он цепей:
поддавшийся раз будет вечна под властью твоей.
Ступай же! И вновь у меня появиться не смей!
209 Ступай, говорю! Мне водиться с тобой не под стать.
Как любишь ты мучить, тиранить, терзать, истязать!
Втираешься в дом ты, как хитрый и дерзостный тать,
чтоб сердце украсть потихоньку иль силой отнять.
210 А им завладев, исхищаешь его ты из тела
и той приподносишь, кому до него нету дела;
и сердце не бьется — трепещет оно оробело,
от прихоти злого Амура зависи всецело.
211 Оно, словно ласточка, будет метаться отныне:
то предано будет Сусанне, а то — Мерхелине;
в руках твоих сердце подобно податливой глине
и тяжкие терпит страданья по этой причине.
212 Ты к слабому сердцу безжалостен, неумолим;
оно, хоть страдает, покорно веленьям твоим
подобно листку, что настойчивым ветром гоним,
и ищет пристанища там, где смеются над ним.
213 Чем я пред тобой виноват? Ты являешься на дом
как друг, но меня истязаешь душевным разладом;
не выказав цели злодейской ни знаком, ни взглядом,
все радости мне отравляешь ты желчью и ядом.
214 Силен ты и ловок, тебя мне осилить невмочь,
а если бы даже сумел я тебя перемочь,
не стал бы глумиться, лишь выгнал бы из дому прочь,
тебе же не совестно мучить меня день и ночь.
215 Ответь — чем я грешен? Что сделал тебе я худого?
В кого ни влюблюсь, — иль меня отвергают сурово,
иль, дав обещанье, сдержать и не думают слово;
в злой час ты мне встретился, — я повторю тебе снова.
216 Надежду питать, что тебя пристыжу я, — смешно:
уйдешь если в дверь, так немедленно влезешь в окно.

Коварный обманщик, тебя раскусил я давно:
старательно ткешь, но дрянное выходит сукно.

Здесь говорится о грехе алчности

217 Со свитою смертных грехов ты таскаешься всюду.
От алчности вред наибольший несчастному люду:
она от добра отвращает, толкает нас к худу,
внушает обманутым к божьим заветам остуду.
218 Ведь алчность есть корень грехов и причина всех зол;
она твоя старшая дочь: в ней ты помощь обрел,
она держит знамя, что твой осеняет престол,
она, развращая людей, твой крепит произвол.
219 Грехи, от которых столь тяжки людские невзгодья,
неистовство коих не держат тугие поводья —
гордыня и гнев, любострастье и чревоугодье,
корысть, лень и зависть — суть алчности злые отродья.
220 Хитрец вероломный, велишь ты клевретам своим
нас мучить, а сам — в стороне: не хозяин, мол, им;
нас манишь любовью, но верить тебе погодим:
любовь ходит с алчностью в паре — как пламя и дым
221 Влюбленный, которого обуревает желанье,
он щедр на посулы, любые дает обещанья;
чтоб выполнить их, не хватает его достоянья,
он алчет чужого — бескрайни его притязанья.
222 Алчба изнурительней, нежели тягостный труд:
больные сим страшным недугом безвременно мрут;
ты кажешь приманку, бесстыдный, бессовестный плут,
и — ах, уж не вырваться жертве из дьявольских пут.
223 Не алчностью разве погублена древняя Троя?
Парис был пристрастен: он яблоко то золотое
Венере вручил, на сокровище зарясь чужое;
добывши Елену, он путь проложил для разбоя.
224 За алчность свою египтяне,[56] — припомним к тому ж, —
платились телесною казнью и гибелью душ.
Соблазны твои — это вздор, богомерзкая чушь:
сулить ты горазд, выполнять обещанья — не дюж.
225 За алчность, увы, зачастую мы дорого платим.

Бывает, с ума от стремленья к излишествам спятим:
у этого, дескать, урвем, у того, мол, ухватим;
но, льстясь аки пес на чужое, свое лишь утратим.

Пример о том, как пес выронил кость[57]

226 Промысливши кость, через речку бежал волкодав.
Свое отраженье в зеркальной струе увидав,
решил он, что это — другая собака... Гав-гав!
Пройдешь ли тут мимо, чужого мосла не отняв?
227 Так алчность в убыток ввела неразумную псину;
заветная косточка шлепнулась в темную тину.
Захочешь чужого — упустишь свое. Не премину
сказать: нам не след подражать тому сучьему сыну.
228 И зрим, что ни день, мы примеры безумства такого:
свое достоянье теряем, желая чужого;
не вырастет доброе древо от корня худого, —
что алчность есть корень всех зол, повторяю я снова.
229 Нет, должен любой человек, коль себе он не враг,
доволен быть тем, что имеет: опаснейший шаг —
отречься от верного в поисках призрачных благ.
Забывший о правиле сем попадает впросак.

Здесь повествуется о грехе гордыни

230 Ты свел спокон веку теснейшую дружбу с гордыней,
а страха и совести нет у тебя и в помине.
Внушаешь: «Кто любит — тот дарит». По этой причине
так много хапуг, и воров, и разбойников ныне.
231 Гордыня толкает на поиски ценных вещей,
и нет для проезжих теперь безопасных путей:
мужчин обирают, бесчестят их жен, дочерей,
бывает — монахиню не пощадит лиходей.
232 Законом предписана смертная казнь за разбой,
позорная смерть ждет людей, совращенных тобой,
и — адский огонь, разожженный для них Сатаной;
но тронуть тебя невозможно их жалкой судьбой.

233 В гордыне — погибель; а если иной маловер
сомнение явит, напомню древнейший пример;
как многие ангелы, коим был вождь Люцифер,[58]
за гордость низвергнуты были с божественных сфер.
234 И пусть провиденье безгрешными их сотворило,
однако ж гордыня все доброе в них извратила.
Гордыня — столь мощная, столь вредоносная сила...
Молчу: тут не терпит бумага, бледнеют чернила!
235 В союзе с гордыней, смутьян, подстрекатель матерый,
ты сеешь, Амур, нелады, препирательства, споры;
куда ни войдешь ты, как следом являются ссоры;
все зло на земле от тебя — вся вражда, все раздоры.
236 Гордец ослеплен и не видит он — где западня;
с упорным бесстыдством грехами себя бременя,
все ж рано иль поздно не минет он черного дня;
тому в подтвержденье — рассказ про осла и коня.

Пример о коне и осле[59]

237 Скакал борзый конь: был седок его вызван на бой
за то, что греховно слюбился с чужою женой;
скакун им гордился и мнил, что и сам он герой.
Глядь — вьючный плетется осел там, вдали, под горой.
238 Кичась своим панцирем, сбруей, отделкой седла,
конь с шумом, и звоном, и громом летел как стрела;
все твари с дороги шарахались; что ж до осла,
то, хоть и струхнул и душа его в пятки ушла,
239 он путь продолжал, по ослиному туп, твердолоб.
Дорога была под уклон, конь ускорил галоп,
трудягу толкнул, и в канаву тот с ношею — хлоп;
проржал ему конь: «Мог бы в сторону сдать, остолоп!»
240 Конь ринулся в битву: победная грезилась сеча,
однако же не увенчалась победою встреча;
коварен был враг: дротик пущен был им издалеча,
убить не убив, но изрядно коня изувеча.
241 Конь, выйдя из боя, стал клячей, пригодной едва
к тому, чтоб пахать да солому возить и дрова,
а то качать воду, по кругу топчась: такова

расплата за грех: на чужие не зарьтесь права.
242 Где гордая поступь, кичился он коей в дни оны?
Слезятся глаза, стерта холка; хромой, запаленный,
чуть тащится конь, на ходу отбивая поклоны;
покрыт чепраком был, — нет нынче и рваной попоны.
243 Обтянуты шкурою ребра, хребет — как пила,
торчат уши врозь... И вот как-то судьба привела:
коняга убогий увидел того же осла.
Тот прыснул при встрече:«О-го-го-го-го, как дела?
244 Ты что ж не толкаешься? Где твой нарядный убор?
Седло золоченое? Где твоя спесь, твой задор?
Навеки ты ввергнут в ничтожество, в стыд и позор.
Был гордый скакун, а теперь ты несчастный одер».
245 Подобных примеров история тьму накопила.
Пусть помнит спесивец, исполненный гордого пыла,
что почести, слава, здоровье, отвага и сила
не вечны: на старости лет скажем — было да сплыло.

Здесь повествуется о грехе скупости

246 Ты скряга. Велик нам ущерб от тебя, изувера,
но в скупости вовсе тобою утрачена мера:
тебе лишь бы взять, но не дать — уж такая манера:
все будешь ты жаждать, хоть досуха выпьешь Дуэро.
247 За скупость когда-то в геенну попал богатей,[60]
что нищего Лазаря прочь отогнал от дверей;
никто не способен растрогать тебя, лиходей,
ни крохи не дашь никому от казны от своей.
248 Хотя заповедано было в священном писанье:
нагого одень и голодному дай пропитанье,
бездомному — кров, у тебя не бывало желанья
ответить на зов, внять мольбе, услыхать заклинанья.
249 Скупец! Что ответишь Творцу ты на страшном суде,
как спросят отчета: когда свою лепту и где
ты дал от сокровищ своих тем, кто стонет в нужде?
Попомни: тебя приведет скопидомство к беде.
250 В далекие дни ты был скромный, ты был неимущий,
усердно молил, чтоб милость явил Всемогущий:

коль здравье и сила, мол, будут Амуру присущи, —
он людям на помощь придет, беднякам — всего пуще.
[251] Господь внял мольбе: ты сильней, здоровей, что ни час;
богатый несметно, ты в скупости гнусной погряз:
бедняк подойдет — на него не опустишь ты глаз;
уместно тут вспомнить про волка больного рассказ.

Пример о волке, козе и журавле[61]

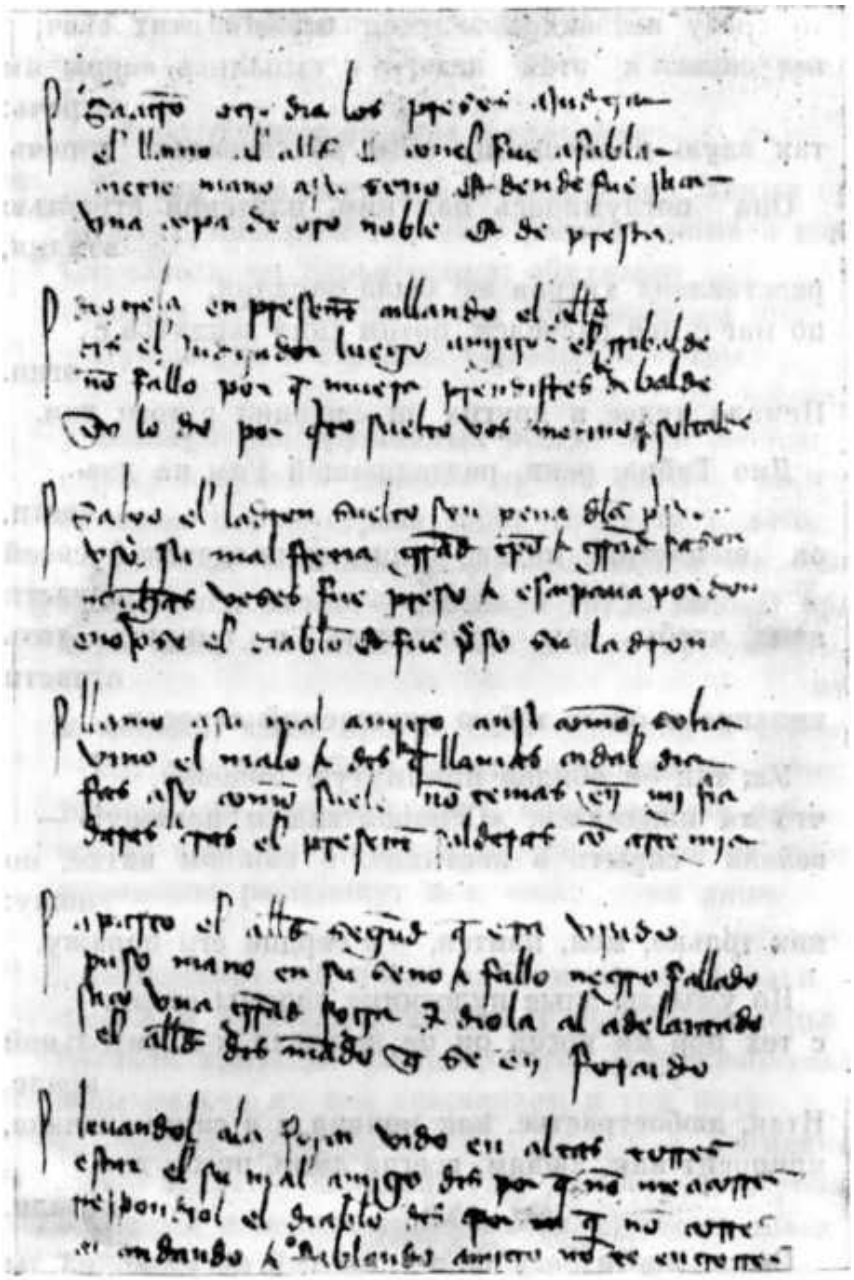
[252] Волк, к стаду подкравшись, козу ухватил там молодку,
в ложбину ее утащил, пообедал в охотку,
но острая косточка вдруг ему врезалась в глотку;
разнесся страдальческий вой по всему околотку.
[253] Сулил он богатства тому, кто спасет от напасти,
отречься клялся от своих кровожадных пристрастий;
явился журавль — был он дока по лекарской части —
и кость своим клювом извлек из глубин волчьей пасти.
[254] Когда ж про награду журавль задал волку вопрос,
то лязгнул зубами любитель молоденьких коз:
«Спасибо скажи, что башку ты свою, долгонос,
из пасти моей по добру по здорову унес».
[255] Амур, не таков ли и ты, себялюбец надутый?
Тебе доставляют людские сердечные смуты
несметный доход, но — сквалыга и выжига лютый —
хоть черствую корочку подал когда бедняку ты?
[256] Я тщетно тебя укоряю: ведь знает весь свет, —
вовек не усовестить злыдня, в ком совести нет;
ему о добре мы твердим, но лишь злоба в ответ,
его ублажаем, но нам от него только вред.

Здесь повествуется о грехе любострастия

[257] Таскается вслед за тобой любострастье повсюду;
гы, вдруг распаляя и вдруг повергая в остуду,
желанья внушаешь нечистые слабому люду,
подмигиваешь и толкаешь к изменам и к блуду.
[258] Давид-псалмопевец прославлен потомством по праву,

но грех любострастья мрачит его царскую славу, —
отправил он Урию с тайным письмом к Иоаву:
«С гонцом сделай так, чтоб врагам он попал на расправу».[62]
259 Желая Вирсавию, царь был жесток и упрям;
убив ее мужа, наказан был этим он сам:
прогневал Творца и не смог возвести ему храм.
Давида, Амур, твои козни повергли во срам.
260 Ужасней от похоти не было в мире последствий,
чем гибель Пяти городов:[63] в трех был корень всех бедствий,
а два уж за то пострадали, что были в соседстве;
кто в скверном соседстве, тому не везет и в наследстве.
261 Соседства с тобой не желаю — не трать зря усилий!
Читал я о том, как, влюбившись, кудесник Вергилий[64]
урон потерпел: его чувства поруганы были,
в корзине всю ночь он висел. Кто виновен — не ты ли?
262 Обиженный дамой, отмстить с хитроумием ей
за эту насмешку великий сумел чародей:
он сделал заклятье — и Рим вдруг лишился огней;
вмиг умерло пламя светилен, жаровен, печей.
263 У римлян в домах нет огня — вот уж бедствие прямо!
Ни факел, ни свечка гореть не желают упрямо,
их можно зажечь лишь от места, которым та дама
смущала покой мудреца, от ее, то есть, срама,
264 А если кто пробовал свечку от свечки зажечь,
то сразу же вихрь задувал язычки этих свеч;
все шли к этой даме — и сыпались искры им встречь:
так злую насмешницу смог волхвователь допечь.
265 Она поглумилась над ним, плотской страстью взманя,
расставлена хитрая ею была западня,
но маг с ней расчелся, потом снял заклятье с огня.
Немало чудес и других он свершил с того дня.
266 Дно Тибра, реки, разделяющей Рим на две части,
он вымостил медью: пример колдовской своей власти
явил, чтобы дам припугнуть и смирить хоть отчасти
кипение в оных тобою внушаемой страсти.[65]
267 Уж так он обидел помянутую госпожу,
что та поклялась: «Оскорбителя я накажу!» —
велела скрыть в лестнице, в каждом витке, по ножу:
как только, мол, явится, — в сердце его поражу.

[268] Но умыслы злые кудеснику ведомы стали:
с тех пор ни ногой он не жаловал к мстительной крале.
Итак, любострастье, как молвил я в самом начале,
приносит нам, людям, всегда лишь позор да печали.
[269] Сколь многих сгубил ты, ничьей не умножил ты силы!
А те, кому похоть твоя, твои гнусности милы,
доводят безвременно сами себя до могилы, —
как сам от себя принял гибель орел мощнокрылый.



Толедский манускрипт «Книги благой любви».

Пример об орле и охотнике[66]

270 Взирал с недоступной вершины державный орел
на птах, населявших внизу расстилавшийся дол.
Случалось, он перья ронял; обитатели сел
сбывали их в город: товар оружейникам шел.
271 Нуждается в стрелах, тяжелых и острых, охота, —
у мастера дел оружейных всегда есть работа;
стрелу оперить — сколько нужно уменья, расчета:
орлиные перья стреле дают точность полета.
272 Однажды охотник, вскарабкавшийся на скалу,
прицелился метко, — стрела в грудь попала орлу;
царь птиц поглядел на нее сквозь предсмертную мглу
и молвил: «Сам против себя оснастил я стрелу».
273 Вот так же себя и глупцы похотливые губят:
тот сук, на котором сидят, они сами же рубят;
желая всех женщин подряд, ни единой не любят;
мгновенно расплещут всю чашу, едва лишь пригубят.
274 Ведь сразу же после любовного соединенья
людей, и животных, и птиц удручает томленье:
сначала приходит унынье, потом — расслабленье;
всем похоть их век сокращает, в том нету сомненья.
275 Кто ведает — скольких твое любострастье убило?
Кто вред подсчитает от похоти, грязного пыла?
Ты смертного вводишь в соблазн — и нечистая сила
уж, глядь, его мчит по волнам без руля и ветрила.

Здесь повествуется о грехе зависти

276 И зависть — грех смертный, тебе изначально присущий;
о том, как завистлив Амур, знает всякий живущий;
чуть женской сподобится ласки твой друг неимущий,
уже на него устремляешь ты взгляд завидущий.
277 От зависти неистребимой и ревность пошла:
пошутит ли друг с той, которая сердцу мила, —
и рвешь ты и мечешь, готовый все рушить со зла,

свет белый тебе затмевает ревнивая мгла.
278 Впивается ревность, как шип; это чувство такое,
от коего сохнет нутро, как от летнего зноя,
а сердце колотится бешено, садня и ноя:
спознавшимся с ревностью нету ни сна, ни покоя.
279 Коль этой болезнью случится тебе заболеть,
терять ты начнешь бодрость духа и телом слабеть,
лезть попусту в спор, на рожон безрассудно переть —
вести себя, словом, как рыба, попавшая в сеть.
280 Борясь и бунтуясь, ты мечешься взад и вперед
в надежде безумной, что сыщешь на волю проход;
но выхода нет, грех терзает тебя и гнетет, —
и ждешь ты устало, когда же конец твой придет.
281 Из зависти Каин над братом содеял расправу, —
и ввергнут за то в Монжибелло,[67] вмурован там в лаву.
Иаков слукавил из зависти к брату,[68] Исаву,
слукавив, наследство отца получил не по праву.
282 Не черной ли завистью предан сын божий Христос,
которого Бог Вседержитель нам в жертву принес:
бит, мучен, распят он в юдоли пороков и слез.
С тебя за вселенские беды и горести спрос.
283 От зависти люди враждуют, без распри — ни дня,
от зависти между всех тварей живущих — грызня;
где ты — там и зависть; там ревность, рассудок темня,
хватает за сердце, — ухватчива эта клешня.
284 Завистливый глаз твой — он все на соседа косится:
в твоем, мол, амбаре — солома, в соседском — пшеница;
ты столь же охоч до чужого, как глупая птица
ворона, что мнила красою с павлином сравниться.

Пример о павлине и вороне[69]

285 Ворона, увидев, как хвост распускает павлин,
завистливо каркнула: «Впрямь недурен господин,
однако напрасно он мнит, что таков он один,
я буду не хуже — вот дай, прифранчусь для смотрин».
286 Ворона, утыкав от клюва себя до хвоста
павлиньими перьями, радуется — красота!

И — в церковь, а в храме на первые лезет места:
таких важных птиц все видали, замечу спроста.
287 Ворона, красуясь присвоенным ею нарядом,
простецких пернатых презрительным меряет взглядом;
павлиньим же и невдомек многочисленным чадам,
что тут самозванка, завистница с ними тут рядом.
288 Однако павлин, прибавленью семьи удивясь,
невиданной гостьи двойную узрел ипостась,
повыдергал перья — краса накладная снялась,
и стала ворона чернее, чем черная грязь.
289 Так многих из нас твоя зависть в убыток ввела:
гонясь за чужим, лишь себя разоряют дотла,
от зависти лопнуть готовы, им жизнь не мила;
что людям принес ты, ответь? Ничего, кроме зла.
290 Кто в мыслях желает другому сеть крепкую сплесть,
дабы самому на свободное место залезть, —
не станет богаче, свою лишь утратит он честь;
безумец, кто хочет казаться не тем, кто он есть.

Здесь повествуется о грехе чревоугодия

291 Ты чревоугодник, ты лакомка, ты объедала,
тебя, ненасытного, сколько ни кормишь — все мало:
ведь плотская страсть изнуряет, и после запала
ты жрешь, жрешь как волк, чтобы снова наращивать сало.
292 Ни разу с тех пор, как с тобою знакомство я свел,
не блюл ты поста; днем ли, ночью ли — ломится стол:
закуски, заедки и всяческий там разносол;
обжорство без часа, без меры в закон ты возвел.
293 По горло насытившись мясом, напившись вина,
тупеем, становимся годными разве для сна;
вот тут-то и ловит добычу свою сатана.
Но ты поучаешь юнца: «Вволю ешь, пей до дна!»
294 Был чревоугодником наш прародитель Адам:
хоть знал, что нельзя, — потянулся к запретным плодам,
из райского сада был изгнан на горе всем нам,
и, в ад угодив после смерти, он мучился там.
295 Сколь много от чревоугодья погибло в пустыне:[70]

желая насытить утробу, забыли святыни, —
о сем нам поведал пророк, впору вспомнить и ныне.
Сластена, ведь нет у тебя воздержанья в помине.
[296] Обжорством и пьянством людской совращаешь ты род.
Упившись вином, совершил добродетельный Лот
свой грех с дочерьми: вслед за пьянством распутство идет,
а там уж дорога открыта для всяких невзгод.
[297] Обжорство приводит к погибели верной и скорой,
оно дух и плоть расслабляет, лишает опоры;
примеров — полно; я напомню тут басню, в которой
рассказано кратко, что может случиться с обжорой.

Пример о льве и коне[71]

[298] Конь, гладкий и тучный, щипал на лужайке траву;
охотился лев в тех краях — дичь понравилась льву,
но как подойти к быстроногому столь существу?
«Приблизься, вассал, преклони пред сеньором главу», —
[299] так вымолвил лев. Конь же был не трусливым, не шалым.
он скромно ответил: «Сеньор, рад быть вашим вассалом,
но к вам подойти не могу я — тут дело за малым:
хромаю, совсем изувечен дрянным коновалом.
[300] Вчера на копыта кузнец набивал мне подковы
и гвоздь засадил прямо в мясо, чурбан безголовый;
зубами державными гвоздь извлечете легко вы,
а я послужу вам на совесть, как буду здоровый».
[301] Так жалостно конь и учтиво все это проржал,
что лев наклонился — взглянуть, чем страдает вассал;
тут круто конек повернулся и задом поддал:
железной подковою по лбу, и лев — наповал.
[302] Испуганный конь с того места помчался стрелой,
потом, притомившись, зловредной объелся травой,
с того заболел и окончил путь жизненный свой.
Ты лакомишь дурней, маня их к доске гробовой.
[303] С древнейших времен подстрекателем был ты завзятым
обжор и пьянчуг; а замечено встарь Гиппократом:[72]
вино убивает вернее, чем нож. Но куда там, —

юнцу ты коварно твердишь: «Ешь и пей — будешь хватом!»

Здесь повествуется о грехе тщеславия

304 Тщеславье и гнев непрестанно ты сеешь по свету;
подобных тебе в самомненье, в надменности — нету;
яришься, чуть что не по вкусу тебе, не по цвету,
а милости даришь угоднику лишь и клеврету.
305 Навуходоносор владел Вавилонией встарь,[73]
И столь был он сильный, могущественный государь,
что Господа чтить перестал; был тщеславный бунтарь
низвергнут Творцом, превращен в бессловесную тварь.
306 Властителем мира себя возомнивший спесиво,
кормился, подобно быку, он от луга и жнива;
орлиные когти, власы, точно львиная грива...
Такое — тщеславцам урок — было явлено диво.
307 Стравить, перессорить людей — твой любимый прием;
«Глядите, какой молодец я, мне все нипочем!»;
науськиваешь друг на друга ты нас, а потом
в содеянном каемся мы, крепки задним умом.
308 Самсон безрассудно поддался любовному пылу,[74]
остриженный, мощи лишился он — через Далилу;
власы отрасли, он во гневе явил свою силу,
чертог превратил для себя и для многих в могилу.
309 Во гневе и ярости царь иудейский Саул[75]
противу себя свой же собственный меч повернул;
начало ведут от тебя гнев, насилье, разгул,
ты лжив и коварен, обманчив твой каждый посул.
310 Любой, кто с тобою знаком — тот тебя избегает,
к кому ты пожалуешь в дом — избавленья не чает,
тебя испытавший не больно тебя почитает,
тебя распознавший не больно тебя привечает.

Пример о льве, убившем себя в гневе[76]

311 Повсюду губительный ты совершаешь посев,
злокозненно ты умножаешь тщеславье и гнев;

напомню пример — как, состарившись и ослабев,
убил сам себя горделивый и яростный лев.
312 Лев, гордый и яростный, бывши в цветущих годах,
всех тварей лесных обижал, наводил на них страх,
немало зверей у него побывало в когтях;
но вот он состарился, и ослабел, и зачах.
313 Как только отрадный сей слух по дубраве прошел —
что больше монарх неспособен чинить произвол,
сошлись вокруг льва все, кто был на обидчика зол,
среди самых первых пожаловал глупый осел.
314 Беспомощен лев перед этим враждебным синклитом;
итог подведя всем обидам, от льва пережитым,
суд звери чинят над своим властелином маститым:
клыками — кабан, бык — рогами, осел — тот копытом.
315 Когда и осел изловчился монарха лягнуть,
тот понял, что жизнь уже незачем больше тянуть, —
когтями в отчаянье сам разодрал себе грудь:
тщеславье и гнев указали ему этот путь.
316 Не чванься ни мощью, ни властью, ни саном своим;
чего для себя не желаешь — не делай другим;
и власть преходяща земная, и слава — как дым;
не жди состраданья, коль сам был надменным и злым.

Здесь повествуется о грехе лени

317 Безделью и лени ты рад предоставить приют,
противен тебе человек, уважающий труд:
бездельник, лентяй из твоих уж не вырвется пут —
легко станет жертвой сердечных волнений и смут.
318 Но сам ты отнюдь не бездельник: ты злым занят делом, —
игру плутовскую ведешь с новичком неумелым;
к тебе попадет — не уйдет он из рук твоих целым:
в порок вовлеченный, погибнет душою и телом.
319 Ленивых к тому же нетрудно на хитрость поймать:
ты мастер большой строить глазки, умильно вздыхать,
красотка ленивая уши развесит, и — глядь —
вполне ее можешь руками ты голыми брать.
320 Уж скольких ты в сеть заманил — им потерян и счет,

любые уловки пускать не стесняешься в ход,
ты черное делаешь белым и наоборот, —
как делу дают адвокаты любой поворот.

Здесь повествуется о тяжбе между волком и лисицей, каковую рассматривал дон Обезьян, судья города Бухия[77]

321 Случилось лисе петуха по соседству украсть;
тому был свидетелем волк, распалился он — страсть:
похитить чужое добро — можно ль низко так пасть?
Не знал он — всего петуха она съела иль часть.
322 Сам этим грешил, но сурово других порицал,
других укорял за порок, что себе он прощал,
сам походя брал, но за то же других осуждал,
стыдя всех других, сам охулки на лапу не клал.
323 Поборник законности, волк непреклонен и рьян;
лисица суду подлежит за бесчестный обман,
хищенье чужого добра; а в судители зван
судья из Бухии,[78] ученейший дон Обезьян.
324 Волк иск предъявил — он, составлен сутягой завзятым,
был форменным, ясным, дотошным и строгим трактатом;
борзую собаку волк выбрал своим адвокатом:
врагом та была для лисицы природным, заклятым,
325 «Судья достохвальный и высокочтимый, кому
нет равных нигде по учености и по уму!
Я, волк, перед вами свою обвиняю куму
в злодейских делах, учиненных в соседском дому.
326 Во первых строках сообщаю вам — точности для;
сие злодеянье случилось в конце февраля,
в год тыщу трехсотый,[79] в правление Льва, короля,
деяния коего вся прославляет земля.
327 Взываю к суду, за вассалов и слуг своих ратуя:
средь ночи проникнув в жилище козла небогатое,
стянула она петуха, эта тварь вороватая;
утратил слугу дон Козел, а община — глашатая.
328 Судья досточтимый, сурового жду приговора:
ведь нынче разбойников вешают без разговора;

и собственной жизнью ответить готов я, коль скоро
не дам доказательств противу убийцы и вора».
329 Познав о прошенье, к судье обратилась лисица:
«Сеньор, я в законах слаба, не случалось судиться,
не ведаю даже — ответчица я иль истица.
Где взять адвоката, чтоб мог за меня он вступиться?»
330 На это судья, поразмыслив, ответствовал ей:
«Недавно я в ваших краях, плохо знаю зверей, —
сама адвоката найди, это будет верней,
с ним вместе придешь ты на суд — срок даю двадцать дней».
331 Хоть не были сроду ни волк, ни лиса тароватыми,
но тяжебщик не остановится перед затратами;
лисица-то знала, кого ей подмазать дукатами;
срок вышел — и оба явились на суд с адвокатами.
332 Когда адвоката представила донья Хитрюга, —
узнав волкодава, истец обомлел от испуга;
в железный ошейник с шипами закованный туго,
был пес защищен от клыков его серого друга.
333 «Ученейший дон Обезьян, — начал сей адвокат, —
иные, творя беззаконье, о праве кричат;
знаком мне по опыту волчий обычай и склад,
не может законность отстаивать хищник и кат.
334 Итак, заявляю по этому делу протест:
поставить прошу на злокозненной жалобе крест,
податель ее поелику известен окрест
как первостатейный разбойник, палач этих мест.
335 Принять, всемудрейший судья, во внимание надо, —
им съедены сотни из мною хранимого стада:
барашки и овцы, а также их нежные чада;
я верю — и в вас возгорелись и скорбь, и досада.
336 Не вправе злодей выступать как законности страж;
поскольку сам волк под судом был за множество краж,
не должен его напускной обличительный раж
ввести в заблуждение суд справедливейший ваш.
337 Он вор, но не только: его злодеяния многи;
анафеме предан легатом,[80] чьи правила строги,
за то, что с любовницей снюхался в ближнем он логе, —
законная ж донья Волчица живет в Альберлоге.[81]
338 Наложница волка, зазноба его и услада —

гулящая сука, овчарка соседнего стада;
петиция волчья достойна презренья, и надо
лису оправдать, а повесить сего овцекрада».
339 И волк, и борзая, пока речь держал волкодав,
молчали, хвосты от великого страха поджав;
лиса же сказала: «Сеньор, свят судебный устав,
виновный дрожит пред судом, но не дрогнет, кто прав».
340 С вниманьем прослушав означенные заявления,
а также имевшие место засим словопрения,
судья объявил сторонам, что он принял решение
изречь приговор после праздника Богоявления.
341 К судье пришли гости: привлек его скромный очаг
обоих прохвостов и двух адвокатов-собак;
подъехать к судье они этак старались и так,
однако же дон Обезьян был и сам не простак.
342 Обоим сутягам внушить адвокаты сумели,
что данных еще для судьи недостаточно в деле;
принес волк лосося, лиса принесла двух форелей,
тот — кубок, та — чашу: дары сокращают путь к цели.
343 Суд возобновился, как минуло Богоявление.
Судья возгласил: «Оказать вам хочу снисхождение:
я сразу бы мог объявить приговор, тем не менее —
даю вам возможность последнюю для примирения».
344 И тот адвокат был с чутьем, и другой был хитер —
известно, у всех адвокатов носы на подбор, —
старались они поразнюхать, каков приговор,
но мудрый судья дал нахальным попыткам отпор.
345 Старались вовсю адвокаты: и натиск был грубый,
и тонкая лесть, — уломать так ли, этак, судью бы,
хотели заранее знать приговор правдолюбы;
судитель в конце концов им показал свои зубы,
346 Но тяжебщики, зарычав, распушили хвосты:
что — мир? Да скорей перекусят друг дружке хребты!
Клялись адвокаты, — их, дескать, клиенты чисты
и ждут от суда подтвержденья своей правоты.
347 Судья велемудрый и с кодексами неразлучный
повысил тут голос, исход отвратив злополучный;
откинувшись в кресле, он начал размеренно, звучно
читать приговор, им написанный собственноручно:

348 «Во имя господне! Я, дон Обезьян, должность чья, —
таков был зачин приговора, — бухийский судья,
рассматривать сложное дело зван в эти края.
Иск волка к лисе всесторонне исследовал я,
349 вник в оный, где кум предъявляет куме обвиненье
в чужого добра предумышленном тайном хищенье,
внял доводам, кои приводит истец в подтвержденье,
возможность ответчице дал привести возраженья:
350 имея в виду, что лисицей был подан иск встречный,
что якобы волк репутации небезупречной, —
я должен, судья справедливый, но добросердечный,
скрепить приговором согласье и мир долговечный...
351 Я вел сей процесс, соблюдая законный порядок,
без всякой предвзятости, чужд легковесных догадок,
коллег опросил, чтоб себя оградить от нападок;
лишь Бог мне указ, — на посулы и лесть я не падок.
352 Решаю, что волк, хлопоча за чужие права,
вчинил иск по форме и не исказил существа;
а также решаю: лисица частично права,
в защиту ответчицы веские были слова.
353 Протестом защитника суд был весьма озабочен,
и сих осложнений ввиду приговор был отсрочен;
вам мненье свое излагая, я должен быть точен,
дабы мой вердикт обоснован был и беспорочен.
354 Протест должен быть мотивирован и подтвержден,
должно быть доказано, что согласуется он
со Сводом законов и нет к рассмотренью препон;
на это на все девять дней отпускает закон.
355 Поскольку суду недостаточно формы вербальной,
да будет предъявлен сверх оной акт нотариальный, —
реестр всех свидетельств и список бумаг доскональный;
иль суд обратится к сентенции первоначальной.
356 В том случае, если суду встречный иск предъявляется,
то девять дней срока ответчику предоставляется;
сие положение двум сторонам в долг вменяется,
и пусть адвокатами строго оно соблюдается.
357 Любой, кто изложенные нарушает порядки:
поносит свидетелей, хоть его доводы шатки,
себе, сверх того, на судью позволяет нападки, —

дурен и порочен. Постыдны такие повадки.
358 Решаем касательно встречного иска кумы,
который исследовали весьма тщательно мы, —
для казни тут нет оснований, ниже для тюрьмы,
что все юридические подтвердят вам умы.
359 Коль скоро при слушанье дела иск встречный вчинен
противу свидетеля или одной из сторон,
то — я разъясняю вам — не допускает закон
усиливать кару: протест должен быть отклонен.
360 Но если злокозненные налицо есть попытки
ввести в заблуждение суд, очевидны в избытке
интриги, свидетельства ложные, козни, подсидки, —
судья прибегает к допросу с пристрастием, к пытке.
361 Вчинение встречного иска приняв во внимание,
свидетелям вынужден вынести я порицание,
однако ж сурового не налагаю взыскания,
понеже законного нет для сего основания.
362 Поскольку я строго сужу, невзирая на лица,
и от обвинения волк не сумел защититься,
решаю, что протестовать была вправе лисица,
а волку вменяю в обязанность чаще поститься.
363 Покаялся волк, всем известен он как лиходей:
лиса не возводит напраслину, верим мы ей;
и в силу вышеперечисленных нами статей
суд волку ответствует: иск отклоняется сей.
364 С другой стороны — волк покаялся чистосердечно,
что роду его сии нравы присущи извечно,
а ежели так, — я решаю по жалобе встречной,
что вел себя волк натурально, хоть небезупречно.
365 Признал добровольно вину греховодник свою,
не стал прибегать к запирательству он и к вранью:
я розыск веду без угроз, доверяюсь чутью,
и волк увидал — не обманешь такого судью.
366 В охоте на дичь я лисице не ставлю преград,
но добрососедства обычай незыблем и свят,
и красть петухов у соседей — разбой и разврат».
Кума проворчала: «Красть буду лишь кур да цыплят».
367 И тяжебщики апелляцию не подавали:
их не осудили, судебных издержек не взяли,

поскольку ответом на иск, поступивший вначале,
был встречный; обоим истцам лишь читали морали.
368 А вот адвокаты — те подняли страшный галдеж,
брехали, что, дескать, вердикт ни на что не похож.
И это прославленный дон Обезьян? Ну, хорош!
Он просто глупышка-мартышка, цена ему — грош.
369 Они выражали по делу особое мнение:
судейское необоснованно, дескать, решение,
мол, ссылки отсутствуют в нем на статьи уложения,
и не были, дескать, рассмотрены все точки зрения.
370 Они также сделали форменное заявление,
что раз уголовное выдвинуто обвинение,
судья сокращать был не вправе судоговорение
и гнуть на свое — предлагать сторонам примирение.
371 Судья на сие лишь одно сделал им возражение:
он власти монаршей являет собой воплощение
и ждет приговору безропотного подчинения;
на том и закончились сразу же все словопрения.

Здесь повествуется о том, как архипресвитер продолжал спор с Амуром

372 Ты словно тот волк: лишь в других замечаешь порок,
себе же срамные поступки не ставишь в упрек;
ты с жертвами козней своих беспощадно жесток,
а скольких уж ты грубой лестью в тенета завлек.
373 Тебе милосердье неведомо: скорбных, больных
чуждаешься ты, а особенно к узникам лих, —
ты любишь здоровых юнцов, крепышей молодых,
стараешься, дам обольщая, ты только для них.
374 С тобой псалмопевствуют хором бездельники наши:
ватагой разгульною песни на гуслях играше,
вы «Ессе quam bonum»[82] горланя, подъемлете чаши;
«воздвигнуть в нощи»[83] — вам занятья нет слаще и краше.[84]
375 Любовной мольбой будоража рассветную тишь,
псалом «мне отверзи...»[85] во всю свою мочь голосишь;
настраиваешь инструмент и, нахален, бесстыж,
взываешь в мечтах об усладах: «Моленья услышь!»

376 Когда ж завлечешь ты красотку, то, сердцем ликуя,
заутреню как серенаду поешь, в ус не дуя:
«Помилуй меня» — означает, что ждешь поцелуя,
выводишь, взыскуя любовных утех, «Аллилуйя!»
377 Вот солнце взошло, и словечки найдутся пригодней
для ранней амурной обедни: «Во имя господне» —
внушаешь во всех ты подробностях опытной сводне,
какой от нее тебе нужен товарец сегодня.
378 Быть может, к доступной добыче влечения нет
и хочется в садике скромном сорвать первоцвет, —
старуха глупышке шепнет, даст ей ценный совет,
и quod Eva tristis,[86] — хлебнет легковерная бед.
379 Иль, скажем, подружка твоя охладеет, устанет,
тут сводня концы вновь сведет, узел снова затянет,
os, lingua, mens[87] полонит, страстью ум затуманит —
и к третьему часу подруга отзывчивей станет.
380 Ты в церковь идешь не затем, чтоб очистить свой дух, —
затем, чтоб девиц совращать да смущать молодух;
когда призывают, чтоб лепту вносили, — ты глух,
а если дают, — у тебя изощреннейший слух.
381 Кончаешь обедню молитвою часа шестого,
услышав от сводни, что дама не будет сурова,
и с набожным видом бубнишь «уповаю на слово»,
к служенью любовному плоть «sicut uter»[88] готова.
382 Выводишь «Quomodo dilexi»,[89] блаженством согрет,
suscipe me[90] — я послужу, не нарушу обет,
lucerna pedibus meis,[91] дарящая свет!»
«Quam dulcia!»[92] зов прийти снова ты слышишь в ответ.
383 Итак, в час девятый прийти ты к избраннице вправе;
начнешь с «Mirabilia»[93] — дока в церковном уставе,
склоняя возлюбленную: «Утверди и настави!»,[94]
она ж тебе «Iustus es, Domine»,[95] — встань в своей славе!
384 Вечерня идет. Никакой пономарь не сравнится
с тобою: послушны тебе и орган и цевница;
с вечерни хотела б домой возвратиться девица,
но «жезл твоей силы»,[96] восстав, не дает торопиться.
385 «Sede a destris meis»[97] — твой подступ начальный,
«Laetatus sum»[98] — голос выводит умильный и сальный;

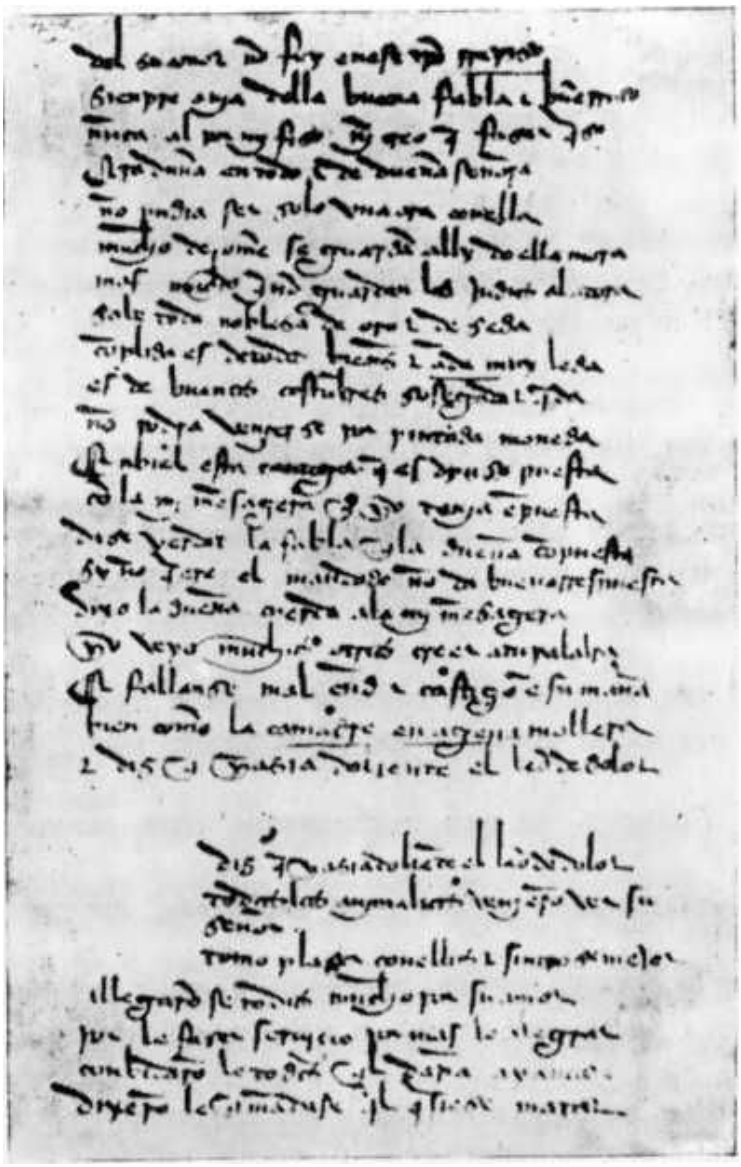
всех, кто к ней приблизится, ты оттираешь, нахальный,
вечерня с тобой ей заутрени слаще пасхальной.
386 Ты милостивый духовник, всем дающий поблажку:
приемлешь красотку, уродину и замарашку;
«Convertenos»[99] просят, — откроешь врата нараспашку,
«Custodi nos»[100] просят — сгребешь хоть вдову, хоть монашку.
387 До самого отпуста будешь вести, все едино,
приверженок веры твоей, коих вел от зачина,
хвалясь «ante faciem omnium»:[101] я — молодчина!
А с кем сплоховал, возглашаешь той «Salve, Regina!»[102]

Здесь повествуется о том, как архипресвитер продолжал спорить с Амуром

388 С собою приводишь ты лень, а за нею ползком
пороки, причуды и страхи вторгаются в дом;
кто скромен и чист — не уважишь его ты ни в чем,
а слугам своим платишь горем, уныньем, стыдом,
389 Твой послушник — клятвопреступник, предатель и лжец,
с тобой кто сойдется — того развратишь ты в конец;
и лести твоей верит больше несчастный глупец,
чем божьему слову. Отыди, растлитель сердец!
390 Ни сам ты, Амур, воплощение умысла злого,
ни отпрыск твой Алчность — не стоите доброго слова:
все манишь меня, обещаешь мне снова и снова,
на деле ни разу не дав и зерна просяного.
391 Ничто для тебя не закон — только твой произвол;
тебя не стыдит, не страшит ни монарх, ни престол;
не спрашиваясь, не таясь, захотел — и вошел:
подобно огню ты проходишь сквозь стены, сквозь пол.
392 Благих твоих дел не видать, лишь посулы в излишке:
на древе твоем тьма орехов, да только — пустышки;
на лесть попадаются старцы, мужи и мальчишки:
ведь дурней не счесть, как не счесть все сосновые шишки.
393 Ты опытный ловчий и к дичи имеешь подход:
приметишь, примеришься издали, — не улизнет;
коль сразу не свалишь, то можно пустить в оборот

набор всевозможных капканов, силков и тенет.
394 Вот, скажем, любимая дочка растет у отца
хранимым, лелеемым чадом — красива с лица,
сложеньем приятна и все привлекает сердца.
Но нет у благого начала благого конца.
395 Отец и родня столь завидной невестой гордится,
и много мужчин, кто на ней бы хотели жениться;
но та ни в какую: брыкается словно ослица.
Какого рожна своенравная хочет девица?
396 Ты шепчешь ей на ухо, голову кружишь бедняжке,
родные дивятся — с чего у ней эти замашки:
все в зеркало смотрится, все завивает кудряшки,
и каждый жених ей — ничтожество, вроде букашки.
397 Чего ее душеньке надо — не знает сама;
кто нынче приятен, назавтра ей словно чума;
причуднице лента — не лента, тесьма — не тесьма;
Амур, ты безумьем своим ее сводишь с ума.
398 Того, кто тебе доверяет, по совести, жаль:
маня близким счастьем, уводишь в кромешную даль,
послушных — к пороку толкаешь, бессовестный враль,
строптивым в удел оставляя лишь скорбь и печаль.
399 Ты дух своих жертв умерщвляешь неспешно, умело,
с неменьшим искусством терзаешь их бренное тело;
и честь, и Творца, и весь мир заменяешь всецело
собою — для тех, кем любовная страсть завладела.
400 С вассалами верными ты изощренно жесток,
из тел их и душ выжимая старательно сок;
ты их унижаешь, стремишься стереть в порошок;
сулишь горы злата, но платишь гроши и не в срок.
401 Могущественный великан в те поры как берешь,
ты карлик бессильный и жалкий, когда отдаешь;
изменчив ты: плох как должник, как проситель — хорош,
исполнить, что сам обещал, для тебя — острый нож.
402 Любую красотку, разумницу и богомолку
способен ты страстным огнем ослепить и сбить с толку:
посконину вдруг предпочтет она мягкому шелку;
так, слышал я, тянет волчицу к паршивому волку.[103]
403 Уж скольких красавиц завлек, загубил ты вот так:
от страсти пылают, потом проклинают свой брак,

и тот, кто вчера был возлюбленным, нынче — злой враг;
кто верит тебе, попадет непременно впросак.
404 Бывает, калеки красоткам милы пышногрудым,
красавцы — к уродкам толкаемы чувственным зудом.
Амур, покоряясь капризам твоим и причудам,
тебя мы во гневе зовем не любовью, но блудом.
405 Являешь ты нам повседневно свой дьявольский нрав;
твой каждый вассал — он ни телом, ни духом не здрав:
он мучится, зренье, рассудок и речь потеряв,
идет он на зов твой — и падает в бездну стремглав.
406 Как любо приманивать птах птицелову-ехиде:
ты в дудку свистишь — и, своей покоряясь планиде,
летим мы в тенета, а там в тесноте и в обиде
трепещем и гибели ждем. Прочь! — сказал я — отыди!
407 Кто встретит тебя — должен ушки держать на макушке,
с тобою кто свяжется, скоро поймет — он в ловушке,
подобно кроту, кто сглупа привязался к лягушке:
послушай рассказ о кроте и кротовой подружке.



Манускрипт Гайосо «Книги благой любви».

Пример о кроте и лягушке[104]

408 Крот вырыл пещерку себе на прибрежье речном,
стал жить-поживать там: уютный и теплый был дом;
но как-то река разлилась, затопив все кругом,
и холмик кротовый отрезанным стал островком.
409 Где горе одним, веселятся порою другие;
резвясь и танцуя, лягушка, дочь водной стихии,
пропела кроту: «Мой любимый, кинь страхи пустые:
тебя я спасу, — мы ведь души с тобою родные.

410 Надежная буду тебе я жена и подруга,
доставлю на сушу — вот первая будет услуга;
давай только лапкою к лапке привяжемся туго,
и живо с тобой доплывем мы до ближнего луга».
411 Крот кваканью внял: ну, конечно, сердцами сродни
певунья нарядная эта и он — искони;
связалися накрепко лапкою к лапке они.
Да только попробуй — природу свою измени!
412 Лягушка скакнула в реку, с нею вместе и крот;
за землю цепляется друг, а подруга плывет:
когда естество несогласно, то разум не в счет;
барахтаются, да без толку — ни взад, ни вперед.
413 Паря в поднебесье, увидел голодный сарыч
барахтанье это; издав торжествующий клич,
схватил он обоих, хотя был не в силах постичь,
какую в гнездо приволок двухголовую дичь.
414 Он съел их обоих, не слишком себя беспокоя
раздумьями — как, почему, что же это такое?
Когда, злой Амур, узелком твоим связаны двое, —
им тут и погибель, как трутням при вылете роя.
415 Так дурни и дурочки внемлют, развесивши уши,
твоим уговорам, бесстыдной и сладостной чуши,
глас божьего страха звучит отдаленней и глуше, —
и вот уже в дьявольской власти их грешные души.
416 И та от тебя изнывает, и мучится тот,
обманутый кто иль обманщик — равно пропадет
таким же манером, как эти лягушка и крот:
любовною пыткой людской истязаешь ты род.
417 Обман и неправда — они развращают весь свет,
они горше всяческих горестей, бедственней бед:
постыдно, когда на словах восхваляют, а вслед
старательно действуют только во зло и во вред.
418 Иной суеслов изъясняется выспренним слогом,
но сердцем он пуст, хоть язык и вещает о многом;
фальшивое сердце да будет отвергнуто Богом!
От века у Господа ложь в осуждении строгом!
419 Страдать не должны легковерьем благие мужи:
меж правдой и кривдой нельзя не заметить межи;
они и себе не позволят ни фальши, ни лжи,

закон есть у них непреложный: «Дал слово — сдержи!»
420 Добычу себе ты присматриваешь издалече,
а волчьи клыки укрываешь под шкурой овечьей;
коль доброго встретишь — он злой после пагубной встречи;
ты кладь непосильную валишь на слабые плечи.
421 Кому дашь хоть малость — должник вековечный он твой:
взимаешь долги с беспощадной, безмерной лихвой;
кита заманить ты наживкою мнишь дармовой.
Сказал бы еще — да устал препираться с тобой.
422 Когда бы я сам не спознался с любовной тревогой,
когда б не смешил чаровниц своей страстью убогой,
была б в десять раз моя отповедь более строгой.
Амур, что нам спорить? Ступай-ка своею дорогой!»

Здесь повествуется о том, какие возражения представил архипресвитеру дон Амур

423 Амур мне ответствовал, невозмутимость храня:
«Не гневайся, архипресвитер, послушай меня:
рискуешь, любовь даже в шутку виня и кляня, —
смертелен порой ковш воды для большого огня.
424 Большая любовь погибает от малого спора,
большую вражду вызывает ничтожная ссора;
вассал нагрубил — и лишился поддержки сеньора;
благое же слово для благополучья опора.
425 Меня ты клеймишь и поносишь себе лишь во вред:
того, в ком нуждаешься, клясть и порочить не след;
я речь твою выслушал молча, так слушай ответ:
успеха добьешься, когда мой исполнишь совет.
426 Пеняешь: мол, ты разнесчастный такой человек,
что женской любви обречен не изведать вовек;
ты сам виноват: ведь ко мне до сих пор не прибег,
меня не просил, чтобы взял я тебя в свой ковчег.
427 Еще до рожденья любви — ей справляешь поминки;
чтоб стать знатоком, надо знанья копить по крупинке;
ты слушай, учись, — поведу по надежной тропинке,
узнаешь подходы и к даме, и к простолюдинке.
428 Всем женщинам нравиться — это, поверь, невозможно;

а ту, что подходит тебе, выбирай осторожно:
когда ошибешься, жизнь будет горька и тревожна, —
безумец, кто любит напрасно, влюблен безнадежно.
429 Читай-ка Овидия:[105] был мой приверженец он,
в писаньях своих он коснулся различных сторон
приемов любовных — был в оных весьма умудрен;
моим поученьям верны и Панфил,[106] и Назон.
430 Коль ты захотел, чтоб любовь твою жизнь услаждала,
о многих вещах надлежит поразмыслить немало:
ведь чтобы подруга на чувства твои отвечала,
ты должен разумно избрать ту подругу сначала.
431 Пусть будет избранница умной, веселой, пригожей,
не слишком высокой, однако не карлицей все же,
от грубой мужички держись в отдалении тоже:
с ней скучно делить и печаль, и веселье, и ложе.
432 Головка пусть будет мала, грудь и плечи пышны,
изогнуты брови как серп вновь рожденной луны;
пусть будет она светлокудра (без помощи хны)
и станом тонка — вот обличье завидной жены.
433 Веселые очи: в них глянешь — и нету кручины,
густые ресницы, что глаз прикрывают глубины,
изящные ушки и шеи изгиб лебединый —
вот женские стати, приятные взору мужчины.
434 И носик точеный, он тоже нам радует взор,
и зубки, когда и белы, и ровны на подбор,
и алые губки, и розовых десен узор;
и мил нам ее язычок, коль не зол, но остер.
435 Пусть маленький рот будет вырезан гордо и смело,
высок будет лоб, а лицо будет чисто и бело;
а лучше всего, чтоб судьба о тебе порадела:
представила случай узреть без одежд ее тело.
436 Посредницу к ней засылай из своей лишь родни,
служанке не верь: ненадежны, подкупны они;
коль будешь служанкой обманут, себя лишь вини:
ошибочный выбор отравит раскаяньем дни.
437 Старайся посредницу взять половчей, поумней, —
пусть, исподволь вкравшись в доверье к любезной твоей,
вливает ей в уши твоих обольщений елей:
под крышкой похлебка всегда закипает быстрей.

438 А если в родных недостача, найдутся старушки,
что рвеньем полны богомольным от пят до макушки
и с бременем четок толкутся во храме у кружки —
они мастерицы отраву лить в женские ушки.
439 Таким богомолкам занятие это привычно:
считают молитвы по четкам с утра, как обычно,
а вечером — за ремесло, что не столь уж прилично,
но в коем хитрюги сии навострились отлично.
440 Столкуйся с одной из дотошных и прытких старух,
что вхожи в дома в виде знахарок иль повитух:
у них на красоток острейший, испытанный нюх, —
глаза ворожбой отведут им, обманут им слух.
441 Для целей твоих записные ханжи всех пригодней:
в дома, в монастырские кельи и в храмы господни
сии побегушки ловчей всех других и свободней
цидулки таскают — они прирожденные сводни.
442 Послушай, — даю тебе верный и добрый подсказ:
такая старуха сработает все на заказ;
поладишь ты с нею — подыщет она день и час,
поймает дичинку, — сто средств у нее про запас.
443 Такая старушка, коль скоро войдет она в раж,
тебе угодит, хоть какая придет тебе блажь:
ты только ее одари, и приветь, и уважь,
и эта ветошка укроет любовный шалаш.
444 Расхваливать станет товар: мол, красавица — чудо,
спроси о подробностях: может, она плоскогруда?
Не тонкие ль ноги? Не тощие ль руки? Не худо
пригубить сперва, а уж после и пить из сосуда.
445 А если услышишь о даме — мол, ножки-малышки,
мол, бедра крутые, точеные, дескать, лодыжки,
что влажные — страстной натуры примета — подмышки,
знай: женщины этаких статей нигде не в излишке.
446 Овидий разумно судил: быть подруга должна
в постели — безудержна, а в обиходе — скромна;
держись за такую, когда подвернется она,
а сводне, спроворившей оную, выше цена.
447 Не смею описывать женские три недостатка,
способные прелести их погубить без остатка;
ведь если о них помяну, мне придется не сладко,

и, право, робею, не робкого хоть я десятка.
448 Беги от такой, у которой растет борода,
и та не годится, которая слишком худа,
красотка с пронзительным голосом — тоже беда,
к подобным чертовкам и не подступай никогда.
449 Придирчиво спрашивай, чутко ответы лови:
горячего нрава, — узнай, горяча ли в любви,
прохладная кожа — примета, что весь жар — в крови;
отыщешь такую — к ней в милость попасть норови.
450 Отыщешь такую — слугой будь ей ловким, умелым:
занятья приятней и сладостней в мире нет целом:
добьешься всего, вдохновленный желанием смелым,
служи лишь ей верно и преданно, словом и делом.
451 Особенно важно, чтоб мог ты своей чаровнице
при каждом свиданье дарить дорогие вещицы;
но если их нет — на посулы не надо скупиться:
будь гол как сокол, но она от посулов смягчится.
452 Служить терпеливо, не рваться на волю из пут —
твой долг повседневный, чреватый наградою труд:
настойчивость, верность победу тебе принесут, —
терпенье и труд, по присловию, все перетрут.
453 Возлюбленную восхваляй от зари до зари,
за всякую малость покорнейше благодари,
опять и опять — и не раз, и не два, и не три, —
со всем соглашайся, не спорь, не перечь, не кори.
454 Вперед продвигайся, успехом довольствуясь малым,
возможность найдешь — не робей, но не будь и нахалом;
излишняя дерзость кончается часто провалом,
но хуже всего показаться ленивым и вялым.
455 Лентяям и трусам в любви помогать не берусь:
для дамы любовник такой просто-напросто — гнусь,
она ему скажет сквозь зубы: «Кыш, лапчатый гусь!»;
Идешь на свиданье — оденься легко и не трусь!
456 Ведь лень — как завал на пути благородных стремлений;
источник невежества, тупости, трусости — в лени;
ленивец поладить со мною способен всех мене,
ленивца в любви ожидает лишь ряд поражений.

Пример о двух лентяях, посватавшихся к одной даме[107]

457 Послушай о споре, который вели два лентяя:
по нраву пришлась им обоим вдова молодая;
явились к ней оба они, о женитьбе мечтая, —
завидная партия, право, и та, и другая.
458 Один был кривой и пованивал старым козлом,
второй был хрипатый, к тому ж кособок был и хром;
они, у вдовицы в гостях очутившись вдвоем,
досадовали: каждый видел препону в другом.
459 Вдова объявила, что выбрать в мужья предпочтет
того из двоих, кто ленивей: у ней был расчет
обоих отставить — и этот противен, и тот.
И тут забежал претендент колченогий вперед.
460 «Сеньора, — сказал, — я во всем, что касается лени,
пример для былых и имеющих быть поколений:
вот раз я, спускаясь, сгибать поленился колени
и с лестницы сверзился, пересчитав все ступени.
461 Случилось в другой раз, недели тому с полторы,
мне плыть через реку во время ужасной жары,
да солнце палило еще, выйдя из-за горы,
попить бы, да лень рот открыть — и хриплю с той поры».
462 Хромой замолчал, и кривой начал речь: «Ах, сеньора,
про лень наговорено здесь вам достаточно вздора;
есть истая лень, есть ленца — так, второго разбора;
и с ленью моею ничья не сравнится, без спора.
463 Влюбился я в даму однажды цветущей весной,
умильно вздыхал близ нее, но пришел летний зной —
и стал с каждым днем ощутимее запах дурной:
я мыться ленился — и дама рассталась со мной.
464 Примером вторым озадачу, сеньора, я вас,
но он вам покажет, насколько я в лени погряз:
лежал я в постели — и ливень сильнейший как раз,
сквозь крышу вода стала капать, и прямо мне в глаз.
465 Подвинуться бы на вершок мне всего-то в постели,
но лень; между тем капли били да били по цели,
и вытек мой глаз наконец от настырной капели.
Я — первый лентяй, — ведь такого в мужья вы хотели?» —
466 «Сеньоры, — промолвила дама, — скажу по-простому,

что в лености каждый из вас не уступит другому;
должна ли супругою стать хрипуну я хромому,
иль броситься надо в объятья вонючке кривому?
[467] О нет! Ведь невестами наш изобилует край, —
быть может, кому-то по вкусу увечный лентяй».
Мой друг, то, что я рассказал, ты на ус намотай:
красотку изъяном иным отвратишь невзначай.
[468] Коль даму заставим отбросить стыдливость хоть раз,
она уж не сможет никак увернуться от нас,
лишь этот порог переступит — и станет тотчас
зачинщицей самых отчаянных штук и проказ.
[469] Мужчин изумляет загадочность женского нрава:
интриги и козни — излюбленная их забава,
для них — если в сердце любовная хлынет растрава, —
не ценны ни плоть, ни душа, ниже добрая слава.
[470] Азарт — он приводит к бесстыдству: лишившись казны,
игрок ставит на кон камзол, а потом и штаны;
и с женщиной так же: лишь пальцем коснешься струны,
запляшет красотка резвее, чем все плясуны.
[471] Плясунья и ткач — у обоих занятье такое,
что вечно в движенье они, ни минуты покоя;
и холодность женщины — только предвестие зноя:
потом сколь ни будешь ты щедр, ей захочется вдвое.
[472] Забыть о любимой хотя бы на миг — не расчет;
знай — требуют женщина, мельница и огород
надзора всечасного и неустанных забот,
нарушишь завет тровадора[108] — возмездье придет.
[473] Исправная мельница добрым снабдит караваем,
взрыхлишь огород — он ответит двойным урожаем,
а женщины, ежели мы их усердно ласкаем,
заплатят блаженством — земля нам представится раем.

Пример о том, что приключилось с доном Питасом Пайасом, живописцем из Бретани[109]

[474] Нельзя оставлять в небреженье прелестных созданий;
о том, чем чревато сие, — вот одно из преданий.
Жил-был Питас Пайас, по росписям мастер, в Бретани,

и вот взял он в жены предмет своих пылких мечтаний.
[475] Лишь месяц прошел, ей он молвил: «О свет моих глаз!
Во Фландрию ехать я должен — есть важный заказ».
На это она отвечала: «Мессер, в добрый час,
но дом и жена будут ждать, — не забудьте про нас».
[476] А дон Питас Пайас на это ответствовал так:
«Дабы вас не сбил со стези добродетели враг,
на вас своей кистью желаю оставить я знак». —
«Мессер, воля ваша: не смею перечить никак».
[477] Взялся он за кисть. Под пупком у жены молодой
невинный ягненок написан был им как живой.
Художник уехал. Два года не едет домой;
он занят работой, а ей каково-то одной!
[478] Жила только месяц супружеской жизнью бедняжка,
влачить одиночество было ей горько и тяжко.
Дружок завелся, — не могла она жить как монашка;
и вскорости вовсе изгладился облик барашка.
[479] Прослышав о том, что супруг возвращается вспять,
она всполошилась и стала дружка умолять
барашка на месте, означенном вновь написать:
пусть муж полагает, что в доме была тишь да гладь.
[480] Дружок принялся за работу поспешно и рьяно
и намалевал там, где надо, с усердьем профана,
матерого, с дивных размеров рогами, барана.
Заутра приехал хозяин и впрямь, без обмана.
[481] Вернувшись из Фландрии снова в родимый свой дом,
художник не слишком-то ласковый встретил прием;
однако, лишь только остался с женою вдвоем,
как вспомнить тотчас не преминул о знаке своем.
[482] «Мадонна, — рек дон Питас Пайас, — вкусить будем рады
мы с вами, когда вы не против, законной услады,
но прежде на знак наш хочу устремить свои взгляды». —
«Извольте!» — супруга ответила не без досады.
[483] На месте означенном красками блещет картина:
баран здоровенный — витые рога в поларшина...
«Мадонна, ведь агнец тут был! Какова же причина,
что здесь появилась рогатая эта скотина?»
[484] Но женщины в споре не лезут за словом в карман.
«Мессер, не дивитесь, нашедши в картинке изъян:

вернуться бы надо пораньше из дальних вам стран,
два года прошло — из ягненка и вырос баран».
485 Пример с дона Питаса Пайаса брать не советую:
коль женщина любит — отплачивай той же монетою;
уж если склонил ты ее, твоим пылом согретую,
тебе уступить, так воспользуйся милостью этою.
486 Бывает, что с лежки зайчиху охотник спугнет,
а взять не сумеет — с пустыми руками придет;
другой же охотник, умелый, без всяких хлопот
средь чистого поля бегущую дичь переймет.
487 Красотка процедит: «Ведь новый вздыхатель пригожий
он прежнего-то горячей не в пример и моложе;
у нынешнего, молвить правду, — ни рожи, ни кожи,
а с этим мне, с помощью божьей, милей будет ложе».
488 Запомни еще: повстречав ей знакомых людей,
речь с ними спеши завести о любви о своей;
ни в чем не перечь ей да будь на подарки щедрей;
все это для женских сердец животворный елей.
489 Подбрасывай дров, чтоб она замечала горенье:
негоже являться к избраннице без подношенья,
забудешь принесть ей хоть малость — сам канешь в забвенье;
что ж, вещь недешевая женское благоволенье.

Пример о могуществе денег[110]

490 Деньгам все подвластно, им слава от всех и почет;
красивей, чем бедный красавец, богатый урод,
заика с деньгами оратором первым слывет;
посмотришь, безрукий — и тот к себе деньги гребет.
491 Без денег сеньор — не сеньор, а в богатом мужлане
столь много достоинств, что мигом он влезет в дворяне;
и мудрость, и знанья в зажиточном сыщут болване,
а кто неимущ — у того ни ума, ни познаний.
492 С большими деньгами веселая жизнь тебя ждет,
у папы себе исхлопочешь ты жирный приход,
получишь прощенье грехов, в рай откроется вход:
чем более денег, тем меньше закрытых ворот.
493 Я зрел в средоточии святости, в городе Риме,[111]

сколь многого можно достигнуть с деньгами большими;
и там, как везде, преклоняются все перед ними,
как перед реликвиями и мощами святыми.
494 Епископства там продают, приораты, аббатства,
безграмотный клирик за деньги получит прелатство;
в момент наизнанку все вывернуть может богатство:
ложь сделает правдой и набожностью святотатство.
495 Для клириков числиться лестно в ученом разряде,
устраиваются экзамены им сего ради,
но дело отнюдь не в познаньях, а в денежном вкладе:
нет денег — нет сана, хоть будь ты во лбу семи пядей.
496 Деньгам подчиняются, а не законам суды:
неправедны судьи, ходатаи тратят труды,
чтоб черное белым представить — и этим горды;
тряхни-ка мошною — и выйдешь сухим из воды.
497 Богатство рвет цепи, оно размыкает колодки,
выводит оно из темниц и ломает решетки,
а если бедняк обвинен — разговор с ним короткий;
свершается чудо, — гляди, нет ли денег в середке.
498 Что деньги способны творить чудеса — спору нет:
злодей покупает прощенье пригоршней монет,
невинного к смерти приводит продажный навет;
заплатишь — и день станет ночью, и тьмой станет свет.
499 Богатый у бедного тащит последний кусок,
и дом разоряет, и землю гребет из-под ног;
бедняк — рано ль, поздно ль — усвоит печальный урок,
что правды не может быть там, где царит кошелек.
500 Разжившись, способен мужик, ничему не учённый,
стать рыцарем, стать обладателем графской короны;
не писаны для богачей-толстосумов законы:
все льстят кошельку и усердно ему бьют поклоны.
501 Деньгам проживать подобает в чертогах богатых,
в расписанных красками пышных, просторных палатах,
под крепкой, надежной охраною башен зубчатых;
не думают зодчие, строя дворцы, о затратах.
502 Изысканных яств, тонких вин там ешь-пей — не хочу,
там все разодеты в шелк, бархат, атлас и парчу,
приятности и наслажденья плывут к богачу;
без денег все трудно, а с деньгами все по плечу.

503 Я многих слыхал проповедников: все без изъятья
с амвонов деньгам растлевающим слали проклятья;
но деньги взимает за требы святая их братья,
бесплатно грехи отпустить — нет такого понятья.
504 Монахи корысть обличают, суд громок и строг,
но копят в стенах монастырских сокровища впрок:
ларцы, сундуки — день за днем возрастает итог,
все прячут они в тайники по примеру сорок.
505 Монахи — они по обету всех бедных беднее;
не совестно ль им, о казне монастырской радея,
мирянам читать против любостяжанья рацеи?
Бессребренникам — для чего им отцы-казначеи?
506 Лишь только почувствует близкую смерть богатей —
монахи, священники, клирики разных мастей
под денежный звон, достигающий чутких ушей,
толкаясь локтями, стремятся к одру — кто скорей.
507 Забота у них — унаследовать вклад побогаче;
еще тот живой, но звучат уж надгробные плачи;
кружат, словно вороны над издыхающей клячей:
«Кар, кар! Мы так любим его, его деньги — тем паче!»
508 Девицы и дамы на деньги особенно падки, —
такие на свете давно утвердились порядки;
вздыхатели нищие женщинам жалки и гадки,
тот истый мужчина, у коего денег в достатке.
509 Владыка над всем и всеобщий судья — кошелек,
он мудрый советчик, вещун, прозорливец, пророк,
никто ни словечка не молвит ему поперек,
он мощью своей самых мощных владык превозмог.
510 Для собственной пользы ты должен увериться в том,
что деньги способны все в мире поставить вверх дном:
раба могут сделать вельможей, вельможу — рабом;
дадут они знак — и заходит весь свет ходуном.
511 Они изменяют обычаи, рушат уставы:
подарками так искажаются женские нравы,
что старец трухлявый желанней, чем юноша бравый;
кошель всюду сыщет ходы, наведет переправы.
512 От денег секрета никто не укроет, не спрячет,
для них ничего ни стена, ни ограда не значат;
богатый нахрапом берет там, где бедный лишь плачет;

кто лошадь накормит сытнее, тот дальше ускачет.
513 Для денег все просто, для них все открыты пути:
за деньги нетрудно умелую сводню найти,
а мало тебе или много поможет — плати,
тем будет ретивей, чем больше почует в горсти.
514 Народ этот к ласковому обхожденью привык;
будь щедр на посулы, хотя бы твой дар — невелик:
нет меду в бочонке, — пусть будет медовым язык,
всегда в барыше тот, кто правило это постиг.
515 Когда хоть каким инструментом ты малость владеешь,
а паче того если голос приятный имеешь,
то, выбрав обдуманно время и место, сумеешь
растрогать возлюбленную и в любви преуспеешь.
516 Коль способ один не поможет, попробуй другой:
ведь так не бывает, чтобы не помог никакой;
толцы — и отверзешь, яви лишь характер мужской,
а время — надежный приспешник, пособник благой.
517 Веревкой гнилой не поднимешь большое бревно,
не стронешь скотину ленивую окриком «но!»,
скалу сдвинуть с места простым рычагом мудрено, —
взяв клинья и молот, над ней попотеть не грешно.
518 Поступками ей докажи, как ты ловок и смел,
дабы до знакомства услышала шум твоих дел;
а если противится, нужно, чтоб ты не сробел:
усердней обхаживай — будет счастлив твой удел.
519 С настойчивостью добивайся ее и с упорством,
затронешь ей сердце — и кончится женским покорством;
знай, мерить тебя будут взглядом холодным и черствым,
так действуй, спасительным вооружившись притворством.
520 Чем женщина больше вначале скромна и пуглива,
чем больше мужчин отгоняет, резка и гневлива,
тем после сильней отдается всевластью порыва,
искать будет встреч, ставши нежной и пылкой на диво.
521 Когда ж ее мать станет путаться в ваши дела,
начнет укорять и стыдить и мешать ей со зла,
то не охладит, а скорей раскалит добела,
и дочка помчится к любви, закусив удила.
522 Однако бы строгой родительнице надлежало
о юности вспомнить, взглянуть в дней минувших зерцало:

ведь в те времена и ее так же мать укоряла,
но не было проку от этих укоров нимало.
523 Из этого теста все женщины сотворены:
их манят услады, которые запрещены —
тут их наяву посещают горячие сны;
а нет искушений — и жизнь не имеет цены.
524 Упорной осадою сломишь и самую строгую:
настичь удается охотнику лань быстроногую,
гоня ее с должным уменьем, знакомой дорогою;
не надо спешить — и поладишь с любой недотрогою.
525 Пусть днем твою просьбу встречают с надменной опаской, —
на ласку ночную ответят стократною лаской:
поможет Венера — жизнь станет свершившейся сказкой,
закончится горькая повесть счастливой развязкой.
526 Вода так податлива, так неподатлив гранит,
но мало-помалу все ж капля утес продолбит;
прилежный школяр сотню книг наизусть зазубрит;
упорствуй — и дама утратит и разум, и стыд.
527 Смотри, не поддайся при этом служанкиным чарам,
не то пропадут все твои ухищрения даром:
хозяйкино сердце зажжется ревнивым пожаром,
ты путь проторишь не к любви, а к обидам и сварам.

О том, как Амур наставлял архипресвитера в добронравии, особливо же остерегая его от чрезмерного употребления вина

528 Держись добрых правил. Весьма заблуждается тот,
кто слишком привержен к вину, неумеренно пьет.
К примеру — быв пьян, с дочерьми блудодействовал Лот,[112]
гневя Вседержителя и соблазняя народ.
529 Оно — уже в более близкие к нам времена —
сгубило пустынника, чья была жизнь без пятна;
послушай рассказ, как решил соблазнить сатана
подвижника, кто отродясь не пригубил вина.[113]
530 Жил некий отшельник, провел сорок лет он в пустыне, —
таких богомольцев, как он, не бывало доныне:
его занимали молитвы одни и святыни,
не знал ничего про вино он по этой причине.

[531] Столь праведен был сей монах, что властителя ада
взяла неуемная злоба, загрызла досада:
ах, как бы отбить ту овцу от господнего стада!
В пещеру он скромно вошел: «Мир тебе, божье чадо!»
[532] Монах удивился: «Ответствуй мне, кто ты такой?
Давно здесь живу, и со мною лишь Бог всеблагой,
за все это время никто не являлся другой».
И знаменье крестное сделал он твердой рукой.
[533] Отпрянул нечистый, но страх свой сумел побороть;
смекнув, как сей твердый орешек ему расколоть,
он рек: «Поелику тобой так возлюблен Господь,
наставлю тебя, как вкусить его кровь, его плоть.
[534] Знай, отче, не может сомнения быть никакого, —
вино есть блаженства и благости первооснова;
отведай, и сам убедишься: вино — кровь Христова».
Так дьявол заманивал в сети монаха святого.
[535] Отшельник спросил: «А откуда возьму я вино?»
Ответ для него сатана приготовил давно:
«Ступай на дорогу — там виноторговцев полно,
дадут сколько хочешь вина и кувшин заодно».
[536] Когда он с вином возвратился, сказал лиходей:
«Ну что ж, раз принес, то крестом осени, да и пей;
хлебай понемножку, бояться не надо, смелей,
увидишь, совет мой хорош: станет жить веселей».
[537] Отшельник исполнил совет, проявив послушанье,
и крепким упился вином до потери сознанья;
нечистый увидел, что он заложил основанье,
на коем воздвигнет теперь свое мерзкое зданье.
[538] «Друг» — дьявол сказал, — на заре ты молиться охоч,
но толком не знаешь, когда днем сменяется ночь;
возьми петуха, в этом деле он сможет помочь,
и кур: лишь при них голосит петушок во всю мочь».
[539] Монах внял совету: вино он вкушает, а рядом
гуляет петух, словно пастырь с послушливым стадом;
совсем охмелевший отшельник следит алчным взглядом
за тем, как петух предается любовным усладам.
[540] Но в алчности — корень пороков, причина всех бед,
гордыня и похоть за ней поспешают вослед,
три смертных греха и с убийства снимают запрет:

так проистекает от пьянства неслыханный вред.
541 Желанья монаха нечистые были толики,
что, келью покинув, как зверь он накинулся дикий
на женщину; страсть утолил, невзирая на крики,
и жертву прикончил — избавиться мнил от улики.
542 А далее было в согласье с присловием давным:
«Все тайное рано иль поздно становится явным»;
монах обличенный властям был представлен расправным, —
конец славной жизни, увы, оказался бесславным.
543 Дурные задатки, таились которые в нем,
открыло вино — и наказан злодей поделом,
сгубил он и тело, и душу; так помни о том,
сколь бедственна, пагубна тесная дружба с вином.
544 Вино ослепляет людей, жизнь оно укорачивает,
кто пьянствует — крепость в руках и ногах он утрачивает,
хмель разум пресветлый туманит и силы подтачивает;
пристрастье к вину чувства добрые переиначивает.
545 У пьяницы винным несет изо рта перегаром,
и печень болит, и нутро полыхает пожаром;
запомни: красоткам противны пьянчуги недаром,
пленить покупателя трудно подгнившим товаром.
546 Вино иссушает скорее, чем тяжкий недуг:
пропойцы бледны, исхудалы и старятся вдруг;
опасны они, — потому сторонятся пьянчуг;
ни Богу от пьяниц нет проку, ни людям вокруг.
547 Вином наливаются пьяницы паки и паки,
визжат словно свиньи и лаются словно собаки:
вино подобает до верху лить в чаны и в баки,
а если в утробу — начнутся и свары, и драки.
548 Нет спора, — по сути своей благородно вино
и, если пить в меру, то многих достоинств полно;
для тех же, кто меру утратил, зловредно оно:
лишает рассудка и тащит на самое дно.
549 Вино от любовных успехов уводит далече;
идя на свидание с дамой, не пей, человече, —
любезность и ум показать постарайся при встрече,
умильным быть должен твой взор и учтивыми речи.
550 В беседе не будь слишком боек, не будь слишком вял,
иначе помыслят «растяпа» иль скажут «нахал»,

будь щедр, сколько можешь, а дар свой — велик, или мал —
вручай без отсрочки, коль скоро уж ты обещал.
551 Кто слишком болтлив, надоедой покажется даме,
но скучен такой, кто безмолвствует целыми днями;
чрезмерно развязные могут прослыть наглецами,
но слишком застенчивых часто считают глупцами.
552 Кто хочет купить по дешевке — заплатит вдвойне,
кто медлит и мнется — того оттеснят к стороне;
«на днях» для красотки звучит с «никогда» наравне;
давая — давай, лишь тогда твой подарок в цене.
553 Обычаи добрые перенимай и манеры,
гляди, чтоб стремления не превращались в химеры:
вредна неумеренность — неисчислимы примеры,
и даже хорошее худо, коль нету в нем меры.
554 Играть воздержись, коль жить хочешь в покое и мире:
дав три, ростовщик через год получает четыре,[114]
а плут, искушенный в игре, загребает пошире, —
за день капитал удается удвоить проныре.
555 Беда, коль горячка игрецкая сердце зажгла:
ведь кости — они раздевают людей догола;
игрок записной, достоянье спустивший дотла,
все трется и трется по-прежнему возле стола.
556 В то время как праздники радуют всех христиан, —
то Пасха козляток пошлет, то гусят Сан Хуан,[115] —
игрок — он не ведает праздников, он обуян
лишь страстью к игре, как заметил маэстро Рольдан.[116]
557 Не будь крикуном и задирой не будь разудалым,
угрюмцем не следует быть и равно — зубоскалом,
не хвастай своими делами: позором немалым
себя покрывает влюбленный, прослывший бахвалом.
558 Смотри, не выказывай зависти и не злословь,
избранницу вздором ревнивым не мучь, не буровь,
коль против нее нет улик, не допрашивай вновь,
не клянчи: из жалости дамы не дарят любовь.
559 Чужую красу восхвалять при любимой не надо,
не то твою даму охватят печаль и досада,
сочтет — в ином месте замыслил ты поиски клада,
ты сим отдалишь утоленье сердечного глада.
560 Напротив, тверди, что ее лишь красою ты пьян:

на что ей стрела, что в чужой попадает колчан?
Пусть не иссякает твоих восхвалений фонтан;
кто действовать станет иначе, тот грубый профан.
561 Возлюбленную не обманывай, будь с ней правдивым,
во время любовных утех быть не стоит болтливым,
не словом — делами ответь ее страстным порывам;
кто слушает молча — в почете всегда особливом.
562 Не стоит прилюдно глядеть на нее нежным взглядом,
ни делать ей знаки, — барыш обернется накладом:
наверно приметливый кто-то окажется рядом;
не к штурмам в любви прибегай, но к подкопам, засадам.
563 Будь с нею, как голубь — с простым и покладистым нравом,
будь, словно павлин, жизнерадостным и величавым,
не будь никогда ни печальным, ни злым, ни слащавым —
в любви руководствуйся этим надежным уставом.
564 Молчи, коль тебе и другая мила заодно, —
созданье прелестное может быть оскорблено,
и прахом пойдет многодневный твой труд: все равно
что речку пахал, по волнам рассевая зерно.
565 Подумай, — смирится ль с твоею уздою лошадка?
Вдруг отданы помыслы милой твоей без остатка
другому? Коль сердце твое так трясет лихорадка,
и женское сердце пойми: ему тоже несладко.
566 Подругу хвали — мол, добрее не видывал свет,
однако пред ней самому похваляться не след:
бахвальством себя же унизишь, а пользы в нем нет;
коль даму пленил — воздержись и не выдай секрет.
567 Запомни совет мой — держи за зубами язык:
в любви помогаю я тем, кто болтать не привык,
но тщетно о помощи будет просить клеветник, —
такого негодника с дамой поссорю я вмиг.
568 Коль мясом желудок наполнил — ты весел, силен,
коль тайну хранишь — безмятежен и крепок твой сон;
основа для дружбы — молчание: этот закон
оставил в наследство нам римлянин мудрый Катон.[117]
569 Терновник всех прочих растений заметней, наглее,
и вот из садов его гонят, отнюдь не жалея;
как цапле укрыться, когда слишком длинная шея?
Погубишь любовь, свой успех утаить не умея.

570 Опасно злословье, оно не приводит к добру:
уронишь себя, не придешься нигде ко двору;
зловредные сплетники женщинам не по нутру;
одним гадким словом испортишь себе всю игру.
571 Голодный мышонок в трапезной съел корочку сыру,
и слух, что «весь сыр съели мыши» гуляет по миру;
твой промах не только тебе повредит — всему клиру:
ругать будут каждого как блудника и проныру.
572 Смолчи, если женщина милость тебе подарила, —
подарит вдругорядь; будь нем и тогда как могила,
пожалует третью: тут в скромности главная сила,
сболтнешь — станет тотчас любовь твоя даме постыла.
573 И ежели только ты мой не забудешь наказ —
откроешь врата, где оконце закрыто сейчас:
кто днесь и не глянет — не будет сводить с тебя глаз.
Враг льстит, друг советует; многих страдальцев я спас.
574 Еще бы с тобой толковал, обладай я досугом,
но много несчастных, томимых любовным недугом,
кто ждет и к моим уповает прибегнуть услугам.
Поведай другим, что тебе заповедано другом».
575 Мной, вышеозначенным архипресвитером Иты,
Хуаном Руисом, советы сии не забыты,
все делал, как молвил Амур, на слова щедровитый.
Но, как ни стучал, все врата оставались закрыты.

Хугларская рукопись фрагмента из «Книги благой любви».

О том, как Амур покинул архипресвитера и как оного наставляла донья Венера

576 Амур удалился, и тут же объял меня сон;
проснувшись с рассветом, раздумьями был я смущен:
советы Амура со всех рассмотревши сторон,
решил, что им следовать буду я с этих времен.
577 Дивился весьма, о своей размышляя судьбине:
ведь женской красе я усердно служил и доныне,
не грешен болтливостью, ни хвастовством, ни гордыней,
а все-таки не преуспел. По какой же причине?
578 И к сердцу тут я к своему обратился сурово:
«Приятный предмет попытаюсь избрать себе снова,
когда ж мне достанется вновь не зерно, а полова,
заречься придется навек от мечтанья пустого».
579 Но сердце мне так отвечало: «Смелее, вперед!
Пусть нынче не вышло, вдруг завтра тебе повезет:
бывает, удачи напрасно прождешь целый год,
а как только ждать перестанешь — она и придет».
580 Пословица в руки дала мне надежную нить:
«Достойней минуту гореть, чем век небо коптить».
Взбодрившись, явил я досель небывалую прыть
и выискал — лучшей нельзя было вообразить.
581 Красива и статна, не шла — выступала как пава,
приветлива, добросердечна, веселого нрава,
остра на язык, но при этом не зла, не лукава,
щедра и радушна — ну как не влюбиться тут, право?
582 Цветущая юной красою вдова; но откуда
явилось созданье сие среди местного люда,
сия воплощенная прелесть? Из Калатаюда.[118]
И смерть в ней моя, и спасенье, — я выискал чудо!
583 Была она дамою знатной — прославленный род;
почти что ни шагу из дома — обычай блюдет.
Взмолился я к донье Венере: любви в ней оплот,
начало в ней и завершенье сердечных забот.[119]
584 И жизнь нам дарует, и смерть нам приносит она,
дает нам и здравье, и мощь — и отнять их вольна,

владычица чувств во всем мире во все времена, —
вот чей мне потребен совет, вот чья помощь нужна.
585 «Преславная донья Венера! Всем смертным известно,
что с доном Амуром, супругом твоим,[120] вы совместно —
властители наших сердец, и смиренно, и честно
признаться спешу, что вассалом мне вашим быть лестно.
586 Вас чтит и трепещет вас все населенье земли —
и простолюдины, и герцоги, и короли;
крупицу несметных богатств мне своих удели,
о, сжалься, сердечную жажду мою утоли.
587 Со мною не будь ни скупой, ни суровой, ни строгой,
немного прошу я — направь меня верной дорогой;
начать и закончить смогу лишь с твоею помогой
и милости жду от тебя с превеликой тревогой.
588 Ах, донья Венера, я острым шипом уязвлен,
все глубже и глубже мне в сердце впивается он;
страдая безмерно, таю каждый вздох, каждый стон
и даже не смею назвать ту, в кого я влюблен.
589 Так боль неотвязна, настолько несносны мученья,
что белого света не вижу, утратил я зренье;
ни лекарь, ни знахарь не могут мне дать облегченья,
бессильны тут их заклинанья, бальзамы, коренья.
590 Я гибну! Что делать? Спасительный сыщется ль путь?
А если он есть — как найти, как с него не свернуть?
Всем сердцем люблю, но тоска разрывает мне грудь,
не может ничто облегчить эту боль хоть чуть-чуть.
591 Злосчастье меня вынуждает на крайние меры,
и вот я ищу покровительства доньи Венеры:
способно ее чародейство — тому есть примеры —
и в бездну столкнуть, и вознесть в поднебесные сферы.
592 Коль всем стану плакаться, стану кричать на весь свет,
что мучит меня, в ком источник плачевнейших бед, —
сие обернется наверное мне же во вред:
тому бесполезны лекарства, в ком мужества нет.
593 А если все то, что так мучит меня и тревожит,
скрывать буду в сердце, — мне скрытность тревоги умножит:
никто не поддержит меня и никто не поможет,
с тоской в одиночку не справлюсь — она меня сгложет.
594 Страдалец, любовною петлей захлестнутый туго,

просить может помощи, но лишь у доброго друга:
вдруг тот его вырвет из этого адского круга?
Не то ведь зачахнет несчастный от злого недуга.
595 Не столько опасности в явном, открытом огне,
сколь в жаре, который не виден, сокрыт в глубине;
и вот — тебе сердце решился открыть я вполне:[121]
с бедой одному не под силу разделаться мне.
596 Узнай же, какая меня одолела кручина:
живет по соседству красавица донья Тернина;[122]
другой, как она, в нашем городе нет ни единой,
нельзя и равнять, как парчу не равняют с холстиной.
597 Узрел я ее, и с тех пор лишь она мне мила,
пронзила мне грудь напоенная ядом стрела;
мнил вырвать стрелу, только сила тут не помогла:
жжет страсть — и, должно быть, сожжет она сердце дотла.
598 Из смертных никто притязаний моих не поймет:
она мне не пара — прославлен, богат ее род;
увы, не по крыльям моим столь высокий полет,
не смею признаться, молчу — как воды набрал в рот.
599 Уже не один родовитый, богатый жених
подарки ей слал, — отвергала с презрением их:
богатство отнюдь не нуждается в горах златых,
а знатности нет барыша в знаменитых родных.
600 Известно — и дочь властелина, и дочь пастуха
обычно под стать избирают себе жениха;
надежда моя на союз столь неравный плоха,
мечтанья мои, по-простому сказать, — чепуха.
601 Совсем от ее красоты потерял разумение,
забыть — не могу, добиваться — могу еще менее;
о донья Венера, мне без твоего вспоможения
от мук и терзаний любовных не будет спасения.
602 Случалось не раз — так любовный мой голод велик, —
что рот открывал я, да не подчинялся язык;
меня не услышит она, хоть кричи я на крик;
не будь мне соседкой, — я, может, забыл бы, отвык.
603 Тому, кто оказывается по соседству с пожаром,
опасность прямая грозит сгинуть в пламени яром.
Ах, донья Венера! К твоим прибегаю я чарам:
спаси, не позволь мне от страсти погибнуть задаром.

604 Ты видишь людские сердца и, без всяких сомнений,
причины там зришь наших горьких скорбей и мучений.
Ужели в тебе не найду состраданья ни тени?
С надеждой тебе доверяюсь, услышь мои пени!
605 Ужель не наставишь меня на спасительный путь?
Ужель ты не вынешь стрелу, что вонзилась мне в грудь?
Целительницей, госпожа всемогущая, будь:
сердечную рану способна лишь ты затянуть.
606 Ужель, госпожа, так сурова ты, так своевольна,
что мук, причиненных вассалу, еще не довольно?
Владычица мира, смягчись: мне так горько, так больно,
не в силах я больше страдать и терпеть безглагольно.
607 Иссох и зачах я, румянец сошел с моих щек,
не вижу, не слышу, умом и душой изнемог;
спаси, госпожа, а не то меня скрутит злой рок!»
Венера сказала: «Крепись, победишь в должный срок.
608 Амур, мой супруг, с каковым ты беседовал ранее,
покинул тебя, осердясь: были тщетны старания,
к разумным советам его не явил ты внимания;
так слушай мои объяснения и толкования.
609 А если сочтешь, что в словах моих нового нет
и то же тебе говорил мой супруг-сердцевед,
досадовать на повторенье такое не след:
совет, повторяемый многими, — дельный совет.
610 Коль женщина нрава живого, коль нету сомненья,
что чувствует, ежели ей отдают предпочтенье, —
откройся ей честно, без робости или смущенья,
позволь поартачиться, — в ней пробудится влеченье.
611 Во всем угождай, неустанно, упорно служи —
и выслужишь благоволенье своей госпожи;
пусть медленно дело идет, — не сердись, не тужи:
настойчивость преодолеть может все рубежи.
612 Овидий, усвоивший дона Амура заветы,
знал женщин и мудрые подал мужчине советы:[123]
смягчаются дамы, когда поклоненьем согреты,
служи — рано ль, поздно ль внушишь состраданье к себе ты.
613 Пускай поначалу суха, неприветлива, зла,
но ты посвящай все слова ей свои, все дела,
упорствуй — увидишь, как станет тиха и мила;

трудов не жалея, подкапывай, — рухнет скала.
614 Кто стать захотел моряком, но при первом же шквале
сомлел, обессилел и страхи его обуяли,
уж лучше ему и не рваться в заморские дали;
кто женщин боится — в любви преуспеет едва ли.
615 Пусть цену заламывает поначалу купец,
ее покупатель не даст, если он не глупец:
посредника сыщет умелого, и наконец
товар за разумную цену отдаст продавец.
616 Возлюбленную ублажай — ни словца поперек:
пес, лижущий руку, дождется, что кинут кусок;
не редкость, что мощь похвалялась, а ум превозмог:
смекалистый кролик сильнее, чем глупый телок.
617 Умелец над жерновом грузным немало помается,
но, если тот сделан искусно, легко он вращается;
мужчина, который обхаживать даму старается,
смягчает строптивую и своего добивается.
618 В любви без смекалки нельзя и нельзя без труда,
они рушат крепкие стены, берут города;
с умом можно горы свернуть, с ним беда не беда,
ум скажет, когда молвить правду, сфальшивить когда.
619 Смекалист рыбак, — к нему рыба сама в невод вскочит,
умелый по морю пройдет — даже ног не замочит;
кто знает, что делает, — не понапрасну хлопочет:
находчивый может добиться всего, чего хочет.
620 Смышленый, прилежный бедняк может стать богачом,
смышленый преступник бывает оправдан судом;
судьба ворожит тем, кто делает дело с умом:
вчера шел пешком, а сегодня гарцует верхом.
621 Вельможи гневливы, однако слуга осторожный
сумеет смиреньем своим гнев утишить вельможный;
испанцы лишь после победы мечи вложат в ножны, —
ужель в нежной страсти победы для них невозможны?
622 Ни дедовской мудрости не унаследует внук,
ни опыта предков в ремеслах, ни знанья наук, —
вот так и любовь из чужих не получишь ты рук,
ее завоевывают — и не сразу, не вдруг.
623 Услышавши «нет», не показывай ей, что сердит,
пусть ласковым голос твой будет, приветливым вид,

служи ей, не слыша насмешек, не помня обид;
когда раскачаешь ты колокол, — он зазвонит.
624 Поверь, преуспеешь со временем в этом труде,
и дружбой она воспылает, забыв о вражде;
места, где бывает она, посещай — и везде
будь возле нее весел, легок, как рыба в воде.
625 При встрече удобного случая не упусти,
рассказом игривым возлюбленную угости:
и сладкие речи, и пряные шутки — в чести;
на почве удобренной страсть может вмиг расцвести.
626 Известно, красавицы юные склонны к веселью,
возлюбленную позабавить поставь себе целью:
веселая шутка равна приворотному зелью,
а нытику, спорщику не овладеть цитаделью.
627 Веселость мужчине к лицу: пробуждаются в нем
и смелость, и живость, и взор его блещет огнем;
порой повздыхай, но вдвойне будь веселым потом,
не будь молчалив, но прослыть опасайся лгуном.
628 От женской любови до ненависти — только шаг;
внезапно подметит какую-то мелочь, пустяк, —
и вмиг ты, вчерашний возлюбленный, хуже, чем враг;
сам знаешь отлично, что часто случается так.
629 Старайся встречаться с ней всюду, вседневно, всечасно,
любви добивайся умильно, почтительно, страстно;
лишь не отступайся — потрудишься ты не напрасно:
пусть «нет» говорит, а в глазах ты прочтешь: «Да, согласна».
630 Им хочется, чтобы мужчина был смел и силен,
чтоб, их выполняя капризы, не ведал препон;
так, дескать, пол женский изыскан и так утончен, —
они против воли порою сдаются в полон.
631 Немало есть женщин, желающих, чтоб свою милую
влюбленный брал с бою, сказать откровеннее — силою;
тут есть оправданье: не справилась с грубым громилою;
все самочки так — хоть крылатую взять, хоть бескрылую.
632 Ведут себя так все создания женского пола,
вначале разыгрывать гнев — их обычай, их школа;
самца держит самка под страхом укуса, укола;
грозит, но притворно — глядь, страсть и ее поборола.
633 Пусть дама рассердится, топнет ногой, закричит, —

остудит гневливую невозмутимый твой вид;
упорный мужчина строптивейшую укротит:
ты стой на своем — и путь к счастию будет открыт.
634 Запомни, что дамы вначале боятся, стыдятся
желаний своих, хоть навстречу и сами стремятся;
трудясь с прилежаньем, с настойчивостью рудознатца,
сумеешь до клада заветного ты докопаться.
635 Когда ты увидишь, что сдаться она уж готова,
то будь начеку! — чтоб не стала добычей другого;
соседу о том, что творится в дому, — ни полслова:
строжайшая тайна — любовных успехов основа.
636 Бедняк, у которого не обнищала душа,
скрывает нужду — дескать, жизнь у него хороша,
он слезы глотает: что лить их, богатых смеша?
Ведь плачь ли, не плачь, все равно не дадут ни гроша.
637 Что ложь во спасенье бывает — отнюдь не секрет,
в то время как истина часто приносит лишь вред;
дорогою торной идешь, — вдруг теряется след,
а легче бы — сквозь бурелом, через горный хребет.
638 Когда ее родича встретишь ты иль домочадца,
будь ласков в речах, и подарки тут тоже годятся:
похвальное слово служанки, слуги или братца
в глазах твоей дамы возвысят тебя, может статься.
639 Коль с разных концов запалят поджигатели дом,
то сразу же вспыхнет он буйным и ярким огнем;
пусть больше твердят о тебе, и хвалебно притом,
вздыхай — и в ней вспыхнет любовь: это верный прием.
640 К тебе проявлявшая полное пренебрежение,
вдруг слышит она отовсюду тебе восхваления, —
и тут в женском сердце невольно родится влечение;
заметивши это, немедля иди в наступление.
641 Ленивую лошадь хлыстом лишь да шпорой проймешь,
иначе привыкнет плестись, ей цена будет грош;
не стронешь осла ни на шаг, если дротом не ткнешь;
так женщину — кто подтолкнет, тот и станет хорош.
642 Когда над собою утратила женщина власть,
мужчина внушит без труда ей ответную страсть;
как башня — уж коль покачнулась, судьба ей упасть,
так женщина: заколебалась — тут ей и пропасть.

643 Трудней, если матушка есть у твоей у подружки:
знай, ушки издревле у всех матерей на макушке;
грехов своей юности не забывают старушки,
любовные ведомы им западни и ловушки.
644 Как муж ни ревнив, мать-старуха ревнива вдвойне;
не мни, что останешься с дочерью наедине,
готовь себя не к воркованию, а к воркотне:
всегда начеку, кто уже добывал в западне.
645 Соваться не следует в речку, не знаючи брода:
посредницы есть в предприятьях подобного рода,
такую сыщи — и дождешься благого исхода,
был прав дон Амур, что вернейшая это метода.
646 И действуй с оглядкой, о планах своих не трезвонь,
пока не созрела красотка — и пальцем не тронь:
наскок и отважных пугает, не только тихонь;
приманивай, жди — и сама полетит на огонь.
647 Сказав, что хотела сказать, расстаюсь я с тобою;
запомни: победу берут не иначе, как с бою;
есть много дорог, и свободен пойти ты любою,
а время решит: лишь у времени власть над судьбою.
648 Будь ловок и смел, пусть удачным твой будет почин,
и приз ты желанный возьмешь, нет для страха причин.
Вот все. Я спешу: ждут советов так много мужчин».
Тут донья Венера исчезла, гляжу — я один.
649 О сладкие песни! Как сладко б они ни звучали,
не ведал досель, чтоб недуги они врачевали;
Венера, хотя ее речи и нежно журчали,
ничем, кроме слов, утолить не смогла мне печали.
650 Придется, друзья, без оглядки нырнуть в быстрину.
Как с милой вести разговор? И с чего я начну?
На лодке без весел пускаюсь в крутую волну,
один-одинешенек — видно, пойду я ко дну.
651 Беда! Уцелею ли? Страх обуял неуемный:
мой утлый челнок доберется ль до бухты укромной?
А вдруг свет надежды на риф наведет вероломный?
Теряюсь я перед загадкою головоломной.
652 Нет, надобно с ней объясниться. Была не была!
Скажу, как вздыхаю по ней, как она мне мила.
Ведь все-таки сердце в груди у нее, не скала.

От малого слова родятся большие дела.

Здесь повествуется о том, как архипресвитер вступил в беседу с доньей Терниной

653 Ах, донья Тернина слепит красотою своею!
Взираю на стан ее, на лебединую шею,
на кудри, уста и ланиты — и благоговею!
Пронзенный стрелами любви, трепещу перед нею.
654 Когда, где и как о любви ей поведать бы мог?
Нахлынуло множество страхов, волнений, тревог,
от коих совсем я извелся, вконец изнемог,
зачах, побледнел, под собою не чувствую ног.
655 Все думаю, думаю — как разговор заведу?
При людях от страха запутаюсь. Я — как в чаду:
бесцельно слоняюсь, не зная, куда я бреду,
любовные речи твержу про себя на ходу.
656 На улице к ней обратиться — плохое начало:
и слова не молвишь, как сплетня уже побежала.
Нет, лучше сеньору нагнать под укрытьем портала:
там можно за малое время сказать ей немало.
657 «Сеньора, коль к вам обращаюсь, тому есть причина —
приветствие вам из Толедо моя шлет кузина,
к сему добавляя: понять должен каждый мужчина,
что слушать вас и лицезреть — вот блаженства вершина.
658 Родителям нынче женить меня вспало на ум[124]
на некой богачке: отец ее — дон Толстосум;[125]
но разве подругу всей жизни берут наобум?
Свяжу себя лишь с госпожой моих чувств, моих дум».
659 Вполголоса молвил, с улыбкой, так, словно бы шутка:
глядят проходящие зорко и слушают чутко;
однако удобная выдалась все же минутка
сказать, что влюбился — без памяти, мол, без рассудка.
660 «. . . . . .
. . . . . .[126]
никто в мою тайну проникнуть доселе не мог:
молчание — искренней дружбы вернейший залог.
661 Премного на свете чудес и красавиц премного,

но дороги мне только вы; сосчитать если строго,
то больше двух лет саднит сердце мне, как от ожога:
люблю вас воистину больше, чем Господа Бога.
662 О, если б в своей снисходительности вы мне вняли, —
поведал бы вам о любви, о тоске, о печали,
что душу томят и терзают, в полон ее взяли;
мне тем тяжелее, чем я от возлюбленной дале.
663 Боюсь, что речам не внимает сеньора моим,
беседовать же бесполезно и глупо с глухим;
я полон одною заботой и чувством одним:
любовь к вам сжигает мне сердце, сей жар нестерпим.
664 Сказал бы вам больше, однако тут много помех,
едва ль половину привел вам из доводов всех;
жду доброго слова в ответ, откровенность не грех».
Она мне: «Цена сим речам — пустотелый орех.
665 Лукавый сосед, на обман не поддамся я грубый:
знакомы Тернинам все эти кимвалы и трубы,
но льстивые речи простушкам одним только любы,
а мне уж не тщились бы вы заговаривать зубы».
666 В ответ я: «Насмешница, шутите вы надо мной,
хотите сказать, — все мужчины природы одной?
И пальцы руки отличаются формой, длиной,
да взять теплый плащ — ведь у каждого разный подбой.
667 Безвинный страдает подчас от наветов злословных,
безгрешного подозревают в деяньях греховных,
почтительнейшего относят к числу прекословных;
чем всех без разбора корить, обличайте виновных.
668 Чужие пороки мне ставить ненадобно в счет;
беседу хотел бы продолжить под сенью ворот,
дабы нас услышать не мог проходящий народ;
надеюсь, что там меня лучше сеньора поймет».
669 Хоть слушает нехотя, все же я не отстаю,
и донья Тернина уважила просьбу мою:
под сводом садится, потупивши взор, на скамью;
и тут, на свободе, я речь продолжаю свою.
670 «Сеньора, послушайте, страстным снедаем я жаром,
противиться больше не в силах красы вашей чарам;
мне кажется, что громовым я повержен ударом!
Ужель я, жестокая, трачу слова свои даром?

671 Свидетель весь мир и предвечный его властелин,
что ложь мне чужда, что я правды одной паладин;
но холодны вы, будто снег неприступных вершин,
по младости лет слишком строгий блюдете вы чин.
672 Боюсь, вам напрасно свою поверяю заботу,
безвольно отдавшись безумных мечтаний полету;
я вижу, о чувствах беседовать вам не в охоту,
чрезмерно вы юны — милей поиграть вам в пелоту.[127]
673 Да, юность — прекрасная и золотая пора,
когда развлекает и радует душу игра;
но зрелость красна тем, что искушена и мудра,
вникает она в суть вещей — худа нет без добра.
674 Во всем нужен опыт: нет опыта — нет и познания,
учитесь — и опыт вам даст глубину понимания,
без знаний и опыта — надо понять вам заранее —
жизнь это не жизнь, а бессмысленное прозябание.
675 Ах, встретимтесь вновь! — вам о муках любовных рассказ,
увы, непонятен, ненужен и скучен сейчас;
ах, встретимтесь вновь: я застал вас врасплох на сей раз,
научитесь слушать — я скорбью растрогаю вас.
676 Даруйте, сеньора, надежду на новые встречи,
смирюсь ли я с тем, чтоб вздыхать лишь по вас издалече?
Я скромен в желаньях: нужны мне лишь взгляды и речи,
являются в коих душа нам и ум человечий.
677 Ах, встретимтесь вновь: в разговоре откроем сердца,
хочу вас послушать, все высказать вам до конца:
чтоб дружба связала красавицу и удальца,
порою довольно беседы и даже словца.
678 Пусть яблоко я не сорву, пусть его не отведаю —
от формы его и окраски я радость изведаю;
и так же с красавицей: не обольщаясь победою,
я счастлив ее лицезреть, наслаждаюсь беседою».
679 Прекрасная донья Тернина ответила так:
«Дар речи — одно из дарованных свыше нам благ,
беседа с мужчиной не грех, но учтивости знак,
и женщину это унизить не может никак.
680 Не спрячусь, коль вы иль другой попадетесь навстречу,
беседа бывает приятной — вам в том не перечу;
на шутку учтивую тотчас я шуткой отвечу,

но знайте, что ложь и неискренность тут же замечу.
681 Однако признаюсь вам прямо: не по сердцу мне
вести разговор без свидетелей, наедине;
от сплетен зловредных остаться должна в стороне,
бесчестия не нанести ни себе, ни родне». —
682 «Сеньора, согласие ваше ласкает мне слух,
счастливая весть в эмпиреи возносит мой дух;
для слов благодарности беден язык мой и сух,
и выразить тщетно восторг мой пытаюсь я вслух.
683 Свидетель Господь — я вам предан душою и телом,
сие доказать я надеюсь когда-нибудь делом.
Продолжил бы... Но вдруг испорчу словцом неумелым?» —
«Скажите, а я рассужу». И решил я быть смелым.
684 «Сеньора, как я вам сказал, я любовью волнуем;
сейчас лишь случайно мы без посторонних толкуем,
а я и любовь моя милости вашей взыскуем:
молю, на прощанье меня одарить поцелуем».
685 Она же в ответ мне: «Для многих погибелен был
один поцелуй: возжигает сердечный он пыл,
и женщине уж не понять — кто ей мил, кто немил,
и нет у нее для защиты достаточных сил.
686 Итак, не могу оказать вам просимую милость;
мой путь мне известен, с него я покуда не сбилась;
пора мне: от мессы бы матушка не воротилась;
а встретиться, — что ж, не сбежала бы, если б случилось».
687 На этом моя госпожа и рассталась со мной;
блаженство мне хлынуло в душу горячей волной, —
я не был так счастлив с рожденья. Был просто шальной:
Господь и судьба повели меня верной тропой.

Портрет кардинала Хиля де Альборноса из Рыцарской часовни собора города Куэнки.

[688] Но после я вновь омрачился в предвиденье бед:
ведь частые встречи откроют наш общий секрет,
найдутся завистники, злыдни — разнюхают след,
лишусь я любимой, затмится мой солнечный свет.
[689] А коль не стремиться к свиданьям, беда грозит снова:
подумает — я разлюбил и полюбит другого.
Не может любовь процветать без любовного слова,
не явишь усердья — и милая станет сурова.
[690] Подбросишь дровец — твой очаг вспыхнет буйно и ярко,
а дров пожалеешь — не жди ни тепла, ни приварка;
любовь завоюешь, коль сам любишь пылко и жарко,
а если прохладен, не жди от любимой подарка.
[691] От противоречий столь явных мутилось в очах,
тревога душой овладела и разум зачах;
но если ты истинной движим любовью, то страх
не сломит тебя и сомненья рассыпятся в прах.
[692] Известно, что случай порою капризен, жесток
и чаяньям нашим становится вдруг поперек;
поэтому вдоволь ухабистых в мире дорог.
Но Бог и усердие могут смирить злобный рок.

693 Избравшим путь добрый судьба помогает всечасно,
иным же в их целях помехи чинит своевластно;
должно быть усердие с предначертаньем согласно;
однако без помощи божьей все будет напрасно.
694 Лишь с помощью божьей сердечных избегну я смут:
желаниям верный благим, в стороне от причуд,
иду я туда, куда высшие силы ведут;
«аминь!» возгласив, не премину вновь взяться за труд.
695 Не стану в поддержку себе звать ни друга, ни брата:
когда страсть пылает в груди, тут ничто уж не свято;
лишь явится женщина, вмиг исчезают куда-то
честь, дружба, родство, благодарность — и нет им возврата.
696 Нельзя поступать необдуманно в деле таком,
тут надо все взвесить сперва, не идти напролом;
а если кого-нибудь к милой отправишь с письмом —
смотри, чтоб не предал и действовал тонко, с умом.
697 Амур дал совет: выбрать сводню. Была не была!
Искать стал, и снова судьба мне на помощь пришла:
такую нашел, что во сне лишь присниться могла,
из самых больших мастериц своего ремесла.
698 Я понял по виду — хитрюга, пройдоха, ловчила
и вверил ей сразу ладьи моей утлой кормило;
сия для меня старушонка не меньше свершила,
чем донья Венера содеяла встарь для Панфила.
699 Она по домам разносила товар мелочной:
со всякой был всячиной короб у ней за спиной;
но промысел есть у торговок таких потайной,
дневную торговлю они совмещают с ночной.
700 Свой короб несет коробейница из дому в дом:
в том купят какой-то пустяк, мелочишку в другом;
открыты им двери лачуг и роскошных хором,
и всюду без умолку мелют они языком.
701 На зов прибежала она, не заставила ждать;
я к ней обратился: «Ах, достопочтенная мать!
Надеюсь, от вас снизойдет на меня благодать;
не выручите — мне, злосчастному, несдобровать.
702 Рассказывали мне о вашем искусстве не раз:
кудесница вы, да и только — таков общий глас;
кто к вам обратится, тот помощь получит тотчас;

по этой причине позвать я осмелился вас.
703 Вам, как на духу, расскажу про тревоги-печали
меня каковые с недавних времен обуяли,
но распространять мою повесть не следует дале».
В ответ она: «Те, кто мне вверились, — не прогадали.
704 Прошу, чтобы вы без опаски мне сердце открыли;
Уж я постараюсь, я не пожалею усилий
а что до секретов, — посредники не простофили:
коль тайну доверили им, то она как в могиле.
705 Я в городе много сбыла ожерелий, колец
и любящих также немало связала сердец,
нет счета тем парам, которых свела под венец,
сколь сладила игр, хоть не каждый — хороший игрец».
706 Я молвил: «Красавица есть, очарован я ею,
на склонность ответную также надежду лелею,
однако препятствий к свиданьям с любимой моею
столь много, что я поневоле смущаюсь, робею.
707 Когда пересуды начнутся, то их не уймешь;
пусть истины даже и нет в болтовне ни на грош,
завистники распространять будут мерзкую ложь;
управу на сплетников, клеветников не найдешь.
708 Красавица эта живет по соседству, тут рядом,
и я вас покорно прошу к ней наведаться на дом,
ее испытайте, взгляните внимательным взглядом:
возможно ли путь отыскать мне к сердечным усладам?»
709 Она мне в ответ: «Вы, я вижу, учтивый мужчина;
берусь вам помочь, если сушит вам сердце кручина:
я ей пошепчу или зелье ей дам — все едино,
полюбит. А звать ее как?» Я ей: «Донья Тернина».
710 Старуха сказала: семья ей знакома слегка.
Взмолился я: «Но не спугните, — красотка робка». —
«Не бойтесь! Был муж, — схоронила она старика;
кобылка объезженная не стряхнет седока.
711 Воск жесток и тверд в холоду, не берет его нож;
но если в ладонях согреешь его, разомнешь,
лепи из него, что захочется, — с тестом он схож;
и женщину так же смягчишь, коль подход к ней найдешь,
712 Запомните, добрый мой друг, что закон есть такой:
кто к мельнице раньше приехал, тот раньше — с мукой;

известье, пришедшее поздно, чревато бедой;
промедлить с началом — конец будет, верно, худой.
713 Не век будет строить она из себя недотрогу;
там вертится некто, — живет на широкую ногу
и рода хорошего, — вдруг перейдет вам дорогу?
Не медлите, я вам свою обещаю помогу.
714 Не бойтесь, дружок мой, заманим мы вашу голубку.
Богач этот — скряга: сулил мне и платье, и шубку,
но к великодушному склонен едва ли поступку,
отдаст, не жалея, ореховую лишь скорлупку.
715 О вознагражденье за труд не предвижу я спора, —
нет правила, есть только добрая воля сеньора:
встречала клиента и щедрого, и крохобора;
к добру или к злу я тружусь — мы поймем, но не скоро.
716 Я вашу избранницу знаю с ее детских лет.
в любовных потемках лишь я укажу ей, где свет:
не страсть ею правит, но только мой добрый совет,
всё через меня, а иначе к ней подступа нет.
717 Но полно! Все в городе знают, кто я, чего стою, —
вседневно в заботах, ни отдыха нет, ни покою;
конечно, бывает обидно и горько, не скрою,
когда за труды — ни гроша, ни спасиба порою.
718 Коль будет от вас мне хотя невеликая мзда,
для вас, мой дружочек, я не пожалею труда:
красавицу — эту ль, другую ль (в ком будет нужда) —
в моем притащу я вам коробе прямо сюда».
719 Я молвил: «Ценю высоко благородный ваш труд,
отдам вам охотно все, что вам полюбится тут;
вот платье в задаток; не тратьте бесценных минут
и помните, что с нетерпеньем великим вас ждут.
720 Я, добрая матушка, вам доверяюсь всецело,
пустите все ваше искусство, весь опыт ваш в дело;
а на благодарность рассчитывать можете смело:
друзей не бросаю, рука моя не оскудела.
721 К сему предприятью с вниманием надо готовиться:
чуть лишнее скажете — сразу все может расстроиться;
о доброй ведь славе своей мы должны беспокоиться.
Конец — всему делу венец, — говорит нам пословица.
722 Кто на ветер слов не бросает, тот славен и чтим:

тем больше внушим мы вниманье к сужденьям своим,
коль вымолвим редко, но веско, а чаще — смолчим;
чем наобещать понапрасну, быть лучше немым».
723 Идет коробейница, кличет под звон колокольца:
«А вот полотенца! А вот ожерелья и кольца!
И камушки ценные есть, и цветные стекольца!
С шитьем пелена есть и четки есть для богомольца!»
724 Окликнула донья Тернина — и та на порог.
«Чудесный я, доченька, вам припасла перстенек;
вечор вспоминала вас... только уж дайте зарок
не выдать меня...» У красавицы пышет от щек.
725 «Вы, дочка, сидите, смотрю, все одна взаперти;
хотя бы разок вам по улице, что ли, пройти:
краса искони у людей в превеликой чести,
иль вашей красе суждено под замком отцвести?
726 Меж тем в нашем городе много мужчин молодых,
хорошего рода, пригожих, учтивых, живых,
в которых изъянов нельзя отыскать никаких;
могли бы приятно развлечься вы в обществе их.
727 Они почитают меня за мой опыт и честность;
не только весь город я знаю, но также окрестность;
вот дон Арбузиль де Бахчиньо:[128] снискал он известность,
в нем сразу видны красота, благородство, любезность.
728 И по добронравью, достатку — вам слово даю —
нет равных ему в наше время и в нашем краю;
шутник — с шутником, дарит умникам дружбу свою,
а кроток! — обиды не мог бы нанесть муравью.
729 Кто ладит с людьми, в том мы ум признаем испокон,
и дон Арбузиль, вы мне можете верить, умен:
он с резвым резвится, с серьезным серьезен и он,
с глупцом препираться не станет — какой в том резон?
730 Хоть сын богача, он деньгами сорить не привык,
сын выйдет в отца — он прилежный его ученик;
достичь сможет большего он, чем родитель достиг:
к телку приглядясь, понимаем, каков будет бык.
731 Потомки и предки — одна в них и та же основа,
что отпрыск похож на родителя, это не ново;
каков человек — повествует нам дело, не слово:
и в счастье, и в горести добрый отличен от злого.

732 О нем рассказала я правду без всяких прикрас;
он, я полагаю, мечтает жениться на вас,
и если решитесь принять мой совет, — в добрый час!
Меня с благодарностью вспомните оба не раз.
733 Довольно уж мне говорить, говорить без умолку:
меня за пустую вы можете счесть балаболку;
где много словес — поговорка гласит — мало толку;
большие дела совершают как раз втихомолку.
734 Бывает, забавным словечком добьется школяр,
чего и мудрец не добудет при помощи чар;
от искорки малой большой может вспыхнуть пожар,
пустяк может поводом стать нескончаемых свар.
735 Таков мой обычай: от самой зари до заката я
хожу по домам, предлагая товары и сватая;
девицы и вдовушки ищут порою ходатая,
а я много вижу и слышу — и память богатая.
736 Чего хочет ваше сердечко, скажите, сеньора?
По вкусу ли, нет ли предмет вам сего разговора?
Доверьтесь мне, я все устрою секретно и споро:
я тайным желаниям вашим оплот и опора».
737 А донья Тернина ответила тихо, учтиво:
«Хлопочете, добрая женщина, вы столь ретиво,
но все-таки кто он таков, это дивное диво?
И как он богат? Тут решаться нельзя торопливо».
738 В ответ Побегушка: «Как кто? Он — подарок небес;
кто взглянет, тот сразу поймет: благородный замес;
над сверстниками он имеет во всем перевес;
знакомство сие представляет для вас интерес.
739 Он — дон Арбузиль де Бахчиньо, знатнейшего рода,
владелец обширного дома он и огорода,
живет по соседству; стоянье светил небосвода
гласит, что под пару ему создала вас природа».
740 Ей донья Тернина: «Довольно с меня болтовни!
Слов много хвалебных, да только правдивы ль они?
Не раз уже ставили хитрые мне западни,
чтоб я вам поверила — Боже меня сохрани!
741 Вы в то, что мне здесь говорили, не верите сами;
ни вашими лживыми не обольщусь я словами,
ни вздором, который вздыхатель твердит своей даме:

поверишь — так будешь всю жизнь умываться слезами.
742 Закончим беседу: хлопот у меня полон рот,
и так без конца в моем доме толчется народ,
который, чуть я растеряюсь, меня оберет;
а все ваши хитрости знаю я наперечет».
743 Старуха в ответ: «Что вы сердитесь, милое чадо?
Ведь вы же вдова, вы одна — и дичиться не надо:
вдоветь все одно, что корове, отбиться от стада,
вам надобен пастырь, от бед и печалей ограда.
744 Послушайте, доченька, добрая донья Тернина:
опасна житейская девам и вдовам трясина —
то тяжба, то спор, то какая другая кручина;
в подобных невзгодах нам первый помощник — мужчина.
745 Вам, доченька, надо слова мои взять на замету,
в червонце не стоит фальшивую видеть монету;
так, доброму ласточкину не внимая совету,
погибла дрохва: вот послушайте басенку эту,

Пример о дрохве и ласточке[129]

746 Жил-был птицелов, слыл охотником хитрым и рьяным;
засеял однажды он землю зерном конопляным,
чтоб, сняв урожай, мог дрохвам, куропаткам, фазанам
наставить пеньковых силков по окрестным полянам.
747 А ласточка — вроде бы дело ее сторона —
воззвала, сочувствия к сестрам пернатым полна:
«Сестрицы, советую эти склевать семена,
иначе настанут лихие для вас времена».
748 Но те отмахнулись — не верим, мол, ей, пустомеле;
чем могут грозить семена? Так проходят недели,
и дружные всходы уж на поле зазеленели;
а глупые птицы выводят беспечные трели.
749 К дрохве летит ласточка: «Видишь зеленые всходы,
как их поливают, спасая от жаркой погоды?
Попробуй их вырвать: сулят они птицам невзгоды,
особый же вред для твоей предвещают породы». —
750 «Отстань ты с советами, — ей отвечает дрохва, —
болтаешь, хлопочешь, пророчишь — скажи, какова!

Невежда, твои прорицанья — пустые слова,
меня только радует эта густая трава».
751 А ласточка смело под крышей того птицелова
слепила гнездо, рассчитав — нет надежнее крова:
охотник вставал на рассвете для раннего лова,
и ласточкин щебет ему — вроде доброго слова.
752 Поспел урожай, и охотник, наделав силков,
расставил во множестве их средь полей и лугов,
и в петлю дрохва угодила: конец был таков,
как ласточка ей предрекла. То-то рад птицелов.
753 И где же бедняга? В охотный пожалуйте ряд:
там у арбалетчиков перья ее нарасхват:
кто слушать не хочет советов, как вы наприклад,
того поначалу ощиплют, а там и съедят.
754 На вас точат зубы сутяги; их жадная свора
начнет вас таскать по судам из-за всякого вздора,
они вас измучают и доведут до разора;
как эту дрохву, догола вас ощиплют, сеньора.
755 А ваш обожатель подавит все тяжбы в зачатке:
законы он все превзошел, изучил все порядки
и вас защитит от врагов, будь их даже десятки,
он так пуганет их, что души уйдут у них в пятки».
756 Старуха не переставала молоть языком:
«Такой уж рачительный он, уж такой эконом:
кататься вы будете словно сыр в масле при нем;
а дом без мужчины — какой же, скажите, он дом?
757 Послушать — остаться вдовою, сидеть вековушей,
как горлинке без голубка, — вянут, доченька, уши;
безмужняя женщина часто желтее и суше,
чем высохшие на деревьях незрелые груши.
758 А в доме, в котором хозяин хозяйке подстать,
веселье, довольство, господня на нем благодать;
коль скоро уж я за мужчину взялась хлопотать,
в мужья — хоть закрывши глаза — его можете взять».
759 Ей донья Тернина: «Оставьте пустую затею:
я в трауре, года еще не прошло, как вдовею,
и слушать пока о замужестве новом не смею:
под игом вдовства надлежит мне покорно гнуть шею.
760 А если до срока решусь я вступить в новый брак,

меня будет вправе судить и высмеивать всяк,
сам новый супруг — уважать он не сможет никак
вдову, для которой ее вдовий траур — пустяк». —
761 «Что ж, дочка, — сказала старуха, — срок скоро пройдет;
пока же еще не окончился траурный год,
с ним тайно встречайтесь, дабы не судачил народ;
он — суженый ваш, это каждый прочтет звездочет.
762 Расстаться пора уже с платьем вам, доченька, черным,
пора вам расстаться с тоскою, с уныньем упорным;
устройте поминки, прощание с годом прискорбным:
сей ласточкин добрый совет мнить не следует вздорным.
763 Для мертвого — саван, для родичей — траур, все так;
но скорбь для живущих, для юных тем более, — враг;
нельзя поддаваться печали, поэтому всяк
смотри, чтоб источник веселья в тебе не иссяк».
764 Ответила донья Тернина: «Не мучай меня:
не по сердцу все это мне, и осудит родня;
ты слишком бойка, утомила твоя болтовня,
ты больно уж многого хочешь для первого дня.
765 Мне замуж не к спеху, без мужа куда беззаботней;
ты знаешь, что здесь побывали искателей сотни,
не думай, что я твоего стану слушать охотней,
. . . . . »[130]
766 «И волк, поживиться надеясь, укрылся в засаде;
однако ж архары могучие были в том стаде,
они отдубасили спереди волка и сзади
и скрылись из виду — остался разбойник внакладе.
767 Пришедши в сознанье, он взвыл: «Вот подбил меня бес,
с чего это вдруг я к бодливым невежам полез?
Но, мыслю, недаром мне подан был знак от небес,
предзнаменованье благое возьмет перевес».
768 И двинулся дальше, хромая, разбойник наш серый,
глядит — козье стадо под сенью огромной пещеры:
козлята при козах, козлы; он доволен без меры:
«И вправду к поживе чихнул, — всем вам шиш, маловеры!»
769 Увидев, как гость к ним подходит с учтивым оскалом,
все козы с козлятами сгрудились в страхе немалом,
козлы же у входа в пещеру взмостились по скалам;
вожак молвил: «Честь вы, сеньор, оказали вассалам.

770 Визит ваш пришелся на празднество наше как раз;
когда б отслужить пожелали вы мессу для нас,
собрали б мы с паствы посильную дань в добрый час.
Бог в помощь, сеньор, подпоем на козлиный вам глас.
771 Торжественный праздник — и пышный устроим мы пир;
вы мессу начнете, подтягивать будет весь клир;
нет ни пастухов, ни собак — тут царят тишь и мир;
у нас есть козлятки, уже нагулявшие жир».
772 И дурень поверил: издал заунывный он вой,
заблеяли козы — и гам тут поднялся такой,
что псов всполошил; пастухи прихватили с собой
дубье и пращи и к пещере сбежались гурьбой.
773 Удары дубин и каменьев обрушились градом,
удрал от собак серый хищник — с искусанным задом;
как с овцами прежде, и с козьим ошибся он стадом.
«Черт, — буркнул он, — месса была мне подстроена адом».
774 Бредет, оторвавшись с трудом от погони горячей;
вот вышел он к мельнице — двор всех в округе богаче,
заметил большую свинью, слышит визг поросячий.
«Ага, — молвил, — сбудется здесь предсказанье удачи».
775 И волк обратился к свинье: «Дорогая кума!
По виду сужу я — вы благополучны весьма
и детушки тоже: видать, неплохие корма.
Вам рад услужить. Чем бы? Не приложу вот ума!»
776 Свинья отступила на шаг перед гостем незваным:
«Я вижу, что вы, кум, — аббат. Коль хотите добра нам,
моих поросят окрестите: пусть им, басурманам,
дано будет хоть умереть как честным христианам.
777 А вам, отче, после свершенья святого обряда
за труд ваш моя материнская будет награда:
вот дар доброхотный мой — эти невинные чада,
покушайте там, над рекою, где тень и прохлада».
778 Волк выбрал себе порося и взметнулся в прыжке,
но рылом свинья как хватила его по башке, —
сразмаху он плюхнулся в воду — и там, в холодке,
предаться мог досыта злости, унынью, тоске.
779 Крестин не свершив, чуть не справил свои он поминки:
урвал он удар колесом, не урвавши свининки;
такое бывает с любителями даровщинки,

всяк волка узнает, хотя б щеголял он в овчинке.
780 Дан ум человеку, дабы поступал он умно;
презреть то, чем мы обладаем, сочтя, что оно
не вровень с достоинством нашим — смешно и грешно:
довольствоваться надлежит тем, что свыше дано.
781 Иной живет впроголодь дома; однако ж, коль часом
зовут его в гости, то нету конца выкрутасам:
баранина? — к жаворонкам он привык и к бекасам,
свинина? — ее может кушать с куриным лишь мясом.
. . . . . »[131] —
782 «Сынок, если что не дается — махните рукой:
несбыточного добиваться — сломать свой покой;
заехал в тупик — поспешай выбирать путь другой;
есть смысл хлопотать, коль ты полон надежды благой». —
783 «Ах, горе мне! Вести ужасные мне принесла ты!
Скорбей, и печалей, и горестей край непочатый!
О мерзкая вестница невосполнимой утраты!
Не только ты не оживила — убила трикраты!
784 Зловредная сплетница, ты обманула меня!
Хвалилась помочь, мое счастье устроить в три дня,
заманивала, подстрекала, суля и маня;
глупец я, — меня обольстила твоя болтовня.
785 Ах, весь я дрожу, ослабел с головы и до пят,
то в жар меня кинет, то лютый обдаст меня хлад;
ни разум, ни чувства, ни Силы служить не хотят:
утратив надежду, и жизни самой я не рад.
786 Ах, сердце, зачем так забилось, зачем так вскипело?
Зачем умерщвляешь свое обиталище — тело?
Зачем равнодушной красе отдалось ты всецело?
Себя упрекай, что заноза так крепко засела.
787 Ты, сердце, и не заподозрело даже о том,
что дар свой вручаешь не той, кто нуждается в нем;
теперь ты разбито, истерзано — и поделом:
предвидеть бы, что не окончится это добром.
788 Ах, вы, мои горе-глаза! Как дерзнули на это:
красавице в очи глядеть, ожидая ответа?
Вы стоите казни: зимой обернется вам лето,
не зреть красоты вам, не видеть вам белого света!
789 Ах, ты, мой злосчастный язык! Ну зачем ты болтал,

зачем ты красавице льстил, для чего восхвалял?
Тебе не желали внимать — и плачевный финал:
во мнении дамы я только докучный бахвал!
790 О женщины, ваши сердца, как я вижу, из льда:
в них нет сожаленья, ни трепета нет, ни стыда;
свершите предательство — что вам чужая беда?
Жестокие! Нет ни управы на вас, ни суда!
791 В любови моей она видела только докуку?
Коль скоро другому свою отдает она руку,
то жизнь для меня превращается в смертную муку:
мне смерть не тяжеле принять, чем с любимой разлуку».
792 Она мне: «Вот глупый, к чему убиваетесь так?
Ведь горю, сынок, не поможешь слезами никак;
лить слезы да руки ломать может каждый дурак, —
взбодритесь, размыслите, коли себе вы не враг.
793 Кто в крайности — он чудеса в состоянье свершить:
умом пораскинув, найдем путеводную нить;
труды, и немалые, вам предстоят, может быть,
но Бог и познания могут судьбу изменить». —
794 «О чем ты, старуха, толкуешь? — вскричал я в ответ, —
Труд, мужество, ум — все ничто пред лавиною бед!
Она уж просватана, ты же открыла секрет, —
и прахом пошли все надежды, их более нет!
795 Мне доступа нет к ней, пока ее суженый цел:
Всевышний к прелюбодеянью склонять не велел;
старался я втуне, трудился — и не преуспел,
отныне лишь горе и стыд — мой плачевный удел». —
796 «Отчаиваться, — отвечала старушка, — негоже:
срок минет, и рана затянется новою кожей;
ненастье проходит, и вновь настает день погожий;
рассеются тучи — и солнышко вдвое дороже.
797 Здоровье вернется, — забудется тотчас недуг;
вновь радость вкусив, и не вспомнишь испытанных мук;
сдержитесь, печалиться рано, любезнейший друг:
желания сбудутся ваши, хотя и не вдруг.
798 Мне донья Тернина послушна, она будет нашей;
увидите — всех, кто там крутится, выгонит взашей;
вы всех для нее кавалеров приятней и краше,
и вскорости соединитесь вы с вашей милашей». —

799 «Ах, матушка, вы говорите мне это шутя,
так мать утешает расплакавшееся дитя;
хотите утешить меня, побасенки плетя,
надеждам несбыточным и потакая, и льстя.
800 Вы, матушка, право, искусство свое показали,
дабы разогнать мои скорби, тревоги, печали,
дабы я в мечтаньях узрел безмятежные дали.
Ведь это неправда? Вы ложью меня утешали?»
801 Она мне: «Воистину, если влюблен молодец —
он как побывавший в когтях ястребиных скворец:
дрожит перед собственной тенью вчерашний храбрец,
мерещится птахе повсюду печальный конец.
802 Поведала вам я чистейшую правду, сынок:
ваш пламень любовный ответную страсть в ней зажег,
избавиться следует вам от напрасных тревог;
не так уж всесилен, как мнится, безжалостный рок.
803 Конец зачастую нисколько не сходен с началом,
предвидеть судьбу не дано ни в большом нам, ни в малом;
но если ты нрава упорного, с крепким закалом,
Господь приведет тебя к цели путем небывалым.
804 Великому делу нередко мешает пустяк,
минутная слабость толкает на гибельный шаг;
настойчивый все победит: коль упорен бедняк,
он станет в свой срок обладателем всяческих благ.
805 Нам надо надеяться на трудолюбье могучее,
но помнить, что многое также зависит от случая;
начнем хорошо, но желанное благополучие
порою запаздывает, ожиданием мучая». —
806 «Вы, может быть, матушка, просто ошиблись, Бог с вами,
любовь или склонность ко мне увидав в этой даме?
Любовь выражается часто отнюдь не словами,
а взглядом, румянцем и вздохом — вы знаете сами».
807 «Дружок, — отвечала старуха, — вот в этом как раз
уверилась я: влюблена она по уши в вас;
о вас повествуя, с нее не спускала я глаз, —
то в краску, то в бледность бедняжку бросал мой рассказ.
808 Когда же, чтоб дух перевесть, я порой умолкала,
она теребила меня и меня понукала,
и, сколько ни слушала, все-то казалось ей мало,

а кончу — извольте, рассказывай ей все сначала.
809 Намедни она, когда села я рядышком с нею,
руками обеими вдруг обхватив мою шею,
о вас стала спрашивать; ну, рассказать я умею;
когда ж кто входил, — не моргнув, я несла ахинею.
810 Вся в слух превратилась, и губы дрожали у ней,
а щеки — то вспыхнут как пламя, то снега бледней,
сердечко — то вовсе замрет, то забьется быстрей,
до боли сжимала мне пальцы рукою своей.
811 Когда ж ваше имя случалось мне упомянуть, —
поверьте, что не приукрашиваю я ничуть, —
горели глаза ее, бурно вздымалася грудь;
и мысли о вас по ночам не дают ей заснуть.
812 Знакома насквозь мне душа и девичья, и вдовья;
еще рассказала б ей много про вашу любовь я,
но тут позвала ее мать — дай, Господь, ей здоровья;
что ж, случай найдется, и к ней приступлю с этим вновь я». —
813 «Старушка-ведунья, на вас полагаюсь во всем,
и снова надежда воспрянула в сердце моем;
уж вы помогите, мы с вами друг друга поймем;
старайтесь, мамаша, почаще ходить в этот дом. —
814 Немало благих начинаний погублено ленью;
но вы, хитроумию благодаря и уменью,
наш замысел, верю, должны привести к завершенью.
Старайтесь! Ужели, промешкав, придем к пораженью?» —
815 «Дружок, повторяю: я в деле своем мастерица,
послушна во всем мне прелестная эта вдовица;
но вы дали мне только платье, а, как говорится,
кто любит поесть, на припасы не должен скупиться.
816 Посул не всегда нам закон, не всегда нам указ:
щедры на словах, скуповаты на деле подчас;
мы с жаром берем, а отдать — глядь, наш пыл и погас;
и я, потрудившись, ни с чем оставалась не раз». —
817 «Нет, матушка, что обещал, то исполню на деле:
обманывать бедных — на свете греха нет тяжеле;
пусть Бог не позволит достичь вожделенной мне цели,
когда б вы хоть малый урон от меня потерпели.
818 Должны вы мне на слово верить, а я — верить вам;
ужели возможности нет доверяться словам?

А если обманете вы иль слукавлю я сам,
виновному в этом мошенничестве — стыд и срам». —
819 «Златые сулили мне горы, сынок, не одни вы;
сколь сладки рулады сии и сии переливы!
Однако же мы, бедняки, от природы пугливы:
скупы богатеи, а мы лишь трудом своим живы.
820 Бедняк — он бедняк, пусть его мастерство высоко;
коль правду начнет он искать, то шагать далеко;
богач бедняка изобидит, унизит легко:
ведь ценит его как прокисшее он молоко.
821 Иной богатей на тебя взвалит бремя хлопот,
заплатит ли или вкруг пальца тебя обведет?
Порой будешь клянчить заслуженное целый год,
а может нежданно пролиться и ливень щедрот.
822 Что вами обещано — писано то на воде,
что я обещала — исполню, скажу, как и где:
наведаюсь к ней и устрою вам встречу к среде
в дому у себя, хоть живу я в изрядной нужде.
823 Вдвоем вы там будете, проторена вам дорога;
не надо быть мямлей — не будете встречены строго,
я знаю ее: не какая-нибудь недотрога,
за малое время свершить вы успеете много».
824 И сводня торопится к дому, где донья Тернина.
«Откройте!» — «Кто там?» На пороге — мать. Кислая мина...
«Шла мимо, — как, в добром здоровье ли, донья Ветвина?[132]
(Ведь вот незадача, что встретилась ты, образина)».
825 К ней донья Ветвина: «Любезнейшая, вы зачем?» —
«Да что вам, сеньора, сказать? Сбилась с ног я совсем:
гоняюсь с рассвета — не сплю, и не пью, и не ем —
за неким верзилой, по правде — не знаю, за кем.
826 Гоняюсь за ним по округе, встав раннею ранью,
как дьявол за грешником, словно борзая за ланью:
дала я ему перстенек по его пожеланью,
да вряд ли он купит — вещь не по его пониманью».
827 Разгневавшись, бросилась матушка без проволочки
соседок расспрашивать вместе и поодиночке,
а сводня — шмыг в дом: заготовлены были для дочки
сладчайшие ноты в медовом ее голосочке.
828 «Ну вот, наконец-то ушла, и мы с вами вдвоем;

влюбленному через нее вход закрыт в этот дом.
Сеньора еще не совсем позабыла о нем?
Вы все хорошеете, пышная, кровь с молоком!» —
829 «Ну как он?» — «Ах, сердце болит за него у меня:
он — кожа да кости, как после Михайлова дня
проклюнувшийся петушок;[133] извелась вся родня,
зазнобу неведомую и кляня, и браня.
830 В любовную петлю попал он, и узел все туже,
ему от любовной горячки все хуже и хуже;
а вам о дружке бы подумать пора иль о муже, —
и слезы я лью, сострадая обоим вам вчуже.
831 Ведь вашего сердца смогла я постичь глубину:
безумно в него влюблены вы — сказать я рискну;
а он, почерневший, иссохший у страсти в плену,
куда он ни глянет — все вас только видит одну.
832 У вас же к нему нету жалости, нет состраданья,
лишь «нет» слышу я на любое его пожеланье,
хоть редкостное он оказывает вам вниманье;
влачит он несчастное, горькое существованье.
833 Лишь только о вас, ни о чем он не думает боле
и шепчет, стеная и руки ломая до боли:
«Опомнись, жестокая! Иль не смягчишься? Доколе?..»
Ужель угрызенья ни разу вас не укололи?
834 Ужели несчастный скорбеть обречен навсегда?
Пожаловала к нему в облике вашем беда:
он рад вам служить день и ночь, не жалея труда,
но тщетны старанья, пути не ведут никуда.
835 Висит его бренная жизнь на одном волоске,
несчастный безумец, он сеять решил на песке;
влачит свою жизнь он в бесплодных трудах и тоске,
сам зная отлично: пескарь не под пару треске.
836 Сначала пленился он вашим лицом, вашим станом;
вступили в беседу, — от страсти он сделался пьяным;
ему показалось, что будет он избранным, званым,
а коль обманулся, то как примирится с обманом?
837 Стал жертвою страсти он сразу же, в самом начале;
вы тоже влюбились в него, хоть об этом молчали;
признайтесь же, дочка, не то от любовной печали
зачахнете оба и к жизни вернетесь едва ли.

838 Отбросьте стесненье, откройте мне душу свою:
уж я, не жалея стараний, за вас постою;
да — да, нет — так нет, я решенье от всех утаю,
а к вам что ни день заходить — баламутить семью». —
839 «Признаюсь: охвачено сердце огромным пожаром,
но я все пыталась любовным противиться чарам,
боюсь и стыжусь этих чувств и молчу я недаром:
предвидеть дано, что нас ждет, только мудрым и старым». —
840 «О страхе своем неразумном ты, дочка, забудь:
вам соединиться, поверь, не преступно ничуть:
он преданно любит избранницу, в этом вся суть,
вы к браку законному вместе проложите путь.
841 Смотреть не могу на беднягу — в какой он кручине;
рыдая, мне так говорил он не дальше, как ныне:
«Не смей о других мне твердить: брошу вызов судьбине,
но предан останусь навеки лишь донье Тернине».
842 Увидев, какая в душе его боль и тоска,
к тому, чтоб заплакать с ним вместе, была я близка;
но мыслью одною утешилась тут я слегка:
впрямь любит он вас непритворно, впрямь страсть глубока.
843 В сердечных делах многоопытной верьте старушке:
любовное пламя и муки отнюдь не игрушки;
иль счастье двух жизней для вас не дороже полушки?
А если не так, — устремитесь в объятья друг к дружке». —
844 «С великой охотой я твой приняла бы совет,
но не натолкнуться бы на материнский запрет!
А встретиться тайно с ним? Что ж, не отвечу я «нет»,
скажи — где, когда, проложи к наслажденьям след.
845 Мой друг мне приятней, милей, чем мужчины всей Иты,[134]
но мать сторожит меня денно и нощно, пойми ты».
А сводня в ответ ей: «Не бойтесь, нет лучшей защиты,
чем крест и святая вода, от старухи сердитой!
846 Амур — он сдвигает засовы, ломает замки,
в сон стражу вгоняет одним мановеньем руки,
он сводит влюбленных препятствиям всем вопреки,
ваш страх, подозренья, боязнь — это все пустяки».
847 Ответила донья Тернина, помедлив мгновенье,
пронырливой сводне: «Отброшу и стыд, и сомненья!
Я сердце открыла, ты чувств моих видишь смятенье,

подай же совет, научи! Говори без стесненья». —
848 «Сеньора, я ложь уподоблю душевной отраве:
обманывать женщину, — так поступить я не вправе;
не думайте, что проболтаюсь о вашей забаве:
пекусь о своих я делах, о своей доброй славе.
849 Наплел, может, кто — что я с вами лукавлю? Что лгу?
Подайте сюда мне его, болтуна-пустельгу!
Докажет пускай, а не то я ему помогу
отправиться в ад, на съеденье к людскому врагу!
850 Язык у иных — словно ставень, сорвавшийся с петель:
болтается зря и порочит саму добродетель;
но ваш благородный возлюбленный — мой благодетель —
меня защитить в очной ставке готов как свидетель.
851 Уж если мне тайна доверена, значит — молчок;
конечно, на всякий роток не накинешь платок,
но что вам робеть, — кто посмеет вам бросить упрек?
Не вижу причины, сеньора, для ваших тревог». —
852 «О Боже! — воскликнула донья Тернина. — Влюбленные
живут жалкой жизнью, всего трепетать обреченные:
толкают их в разные стороны страхи бессонные,
и всюду мерещатся бедным провалы бездонные.
853 Вот так дни и ночи брожу я по краю провала;
Амур соизволил взять сердце мое под начало,
но страх умеряет мой пыл, робость волю сковала,
и сердце от этих всечасных борений устало.
854 Живу в забытьи и плутаю, не видя дорог;
чем жарче молюсь, тем больнее любовный ожог;
сражалась доселе с Амуром, но вышел, знать, срок,
и в битве неравной жестокий Амур превозмог.
855 Заботы сии подточили совсем мои силы;
все дни для меня, как один, и мрачны, и унылы,
я радуюсь скорби, мне увеселенья постылы,
и жизнь эта горестная безотрадней могилы». —
856 «Бойцами в сраженье слова произносятся бранные,
от коих весьма умножаются подвиги бранные;
любовные речи настойчивые, непрестанные,
красавиц волнуя, врата отпирают желанные.
857 Коль вам не под силу унять свой сердечный пожар,
склонитесь покорно пред властью Венериных чар,

не тщитесь бороться с любовью: ведь в самый разгар
сраженья любовь нанесет вам смертельный удар.
858 Живете вы оба, друг друга взаимно любя,
все, доченька, чувства иные в себе истребя;
вы не исцелитесь, свои упованья сгубя,
напротив — вы тем умертвите его и себя.
859 Под грузом сей скорби вы можете оба сломиться:
потухшие вижу глаза, побледневшие лица;
тут медлить и ждать — что с безвременной смертью смириться;
уж вы мне поверьте: я в этих делах не шутница.
860 Заботитесь, доченька, знаю, о том вы сейчас,
чтоб друга из сердца изгнать, чтоб исчез он из глаз,
хотите, чтоб кто-то из плена любовного спас...
Напрасно! Теперь только смерть разлучить может вас.
861 Отвергнуть свиданья с любимым? О нет, вы не правы!
Куда бы умней — посещали б мой дом иногда вы:
сыграли бы в мяч, и другие нашлись бы забавы.
Ужели на вашу тоску не найдем мы управы?
862 Увидеться можете вы у меня без помехи,
в лавчонке найдутся услады для вас и утехи:
есть яблоки, персики, груши, каштаны, орехи;
полакомьтесь вволю, а после уж — игры да смехи.
863 Всего в двух шагах моя лавка от ваших ворот:
вам в платье домашнем отправиться можно в поход;
здесь людное место, где вечно толчется народ,
за вами следить никому и на ум не придет.
864 Без всякой опаски идите со мною рядком
и в лавку войдете мою, словно в собственный дом, —
вкусите вы, дай вам Господь, разных сладостей в нем;
со мною, сеньора, ни слова — пока не придем».
865 Бывает нередко, что люди стремятся упорно
к тому, что запретно, и даже к тому, что позорно,
уж после зрят плевелы там, где им виделись зерна;
коль в женщине вспыхнула страсть — всё в ней страсти покорно.
866 Что загнанный заяц — что женщина: коль влюблена,
теряет опасливость, благоразумье она,
не видит сетей и силков — на глазах пелена;
стыд, страх позабыты, одна лишь любовь ей важна.
867 И донья Тернина, послушна велениям страсти,

прийти обещала — попробовать фрукты и сласти
и в мяч поиграть. А старуха ей: «Все в нашей власти,
не нынче так завтра обстряпаю — только не сглазьте».
868 На крыльях старуха помчалась в обитель мою:
«Ну, как вы, дружок? Позабудьте тревогу свою:
вот, выманил все ж заклинатель из норки змею!
Придет на свиданье она — я вам слово даю.
869 Присловье, конечно, вам было известно и ранее:
настойчивый нищий промыслит себе пропитание;
напрасными не были ваши, сынок, упования;
но не оплошайте, когда вам устрою свидание.
870 В таких предприятьях отвага нужна и сноровка,
как молвят: козу покупаешь — должна быть веревка;
коль действовать будете быстро, уверенно, ловко,
зазнобушка станет кротка, словно божья коровка».

О том, как донья Тернина пришла в старухин дом и как архипресвитер достиг желанной цели

871 Пришлись те событья на праздник Сантьяго[135] как раз;
назавтра же донью Тернину в обеденный час
хитрющая бабка, исполнив ей данный наказ,
ввела в свой домишко — а я не сводил с него глаз.
872 Увидевши их, я туда же отправился вскоре,
толкнулся, но тут оказалось, что дверь на запоре;
старуха — для виду — вопит: «Кто стучится? Вот горе!
Покою не только что в лавке, нет даже в каморе!
873 Кто там? Нет спасенья от них — шатуны, брандахлысты!
Пошел!.. Кто принес тебя к нам, уж не сам ли нечистый?
Пошел, говорят! Ишь, назойливый. Да провались ты!
Ах, дон Арбузиль? Как бушует, — как конь норовистый!
874 Он, ваш волоокий красавчик! Смотрите, каков:
пронюхал, где дичь — знать, учился у гончих он псов.
Ишь, как разъярился, что дверь заперта на засов:
трясет, напирает, сорвать ее с петель готов.
875 Каков! Добивается, чтобы его я впустила!
Эй, дон Арбузиль! В вас вселилась нечистая сила?
Я дверь от аббата Сан Пабло[136] за труд получила,

а вам ее вышибить надо? Ну, прямо — громила.
876 Полегче! Ведь вы разнесете мою конуру!
Не надо мне двери крушить, я сейчас отопру,
а там и прощайте. Придете поздней, ввечеру:
сейчас недосуг мне... — так, так, продолжайте игру». —
877 «Ах, донья Тернина! Нет женщин милей, грациозней,
чем вы, во вселенной!.. Старуха! Ты строишь мне козни?
Ты прячешь красу, чтоб мне свидеться не довелось с ней?
Но Бог не попустит: меж нас не посеешь ты розни!»
. . . . . [137]
878 «Я вышла, и коль вам помнилось, что вы в западне,
то с ним оставаться зачем было наедине?
Меня не вините! Нет, доченька, я — в стороне.
Помалкивать надо. По мне — так ни слова родне.
879 Получат событья огласку, — скажу я вам прямо, —
сеньора, никак вы тогда не избегнете срама.
Так стоит ли вам за обиду держаться упрямо?
Умнее бы свадьбу сыграть, не подняв тарарама.
880 Молчание ваше — чужого молчанья залог:
шуметь — лишь себе навредишь, или вам невдомек?
Начнут вкривь и вкось толковать — вам с того что за прок?
Молчите! Не следует сор выметать за порог.
881 Сорока болтлива — не ставят ни в грош балаболку,
напротив, скромнейшую ценят весьма перепелку.
Мужчины народ продувной: гонишь в дверь, влезут в щелку,
и дон Арбузиль де Бахчиньо — такого же толку». —
882 «Проклятые сводни! — воскликнула донья Тернина, —
чтоб женщин завлечь, обращаются к сводням мужчины;
вчера лишь мне радужные рисовала картины,
а нынче без помощи я в скорбный час, в час кручины.
883 Ах, глупые птицы! От мыслей о лжи далеки,
не могут они распознать, чем грозят им силки,
и, проданные птицеловами, гибнут с тоски,
лишаются жизни, а льстятся-то на пустяки.
884 Ах, бедные рыбы! Они замечают крючок
тогда лишь, когда их бросает рыбак на песок.
А женщина видит, куда искуситель завлек,
когда не пускают ее мать с отцом на порог.
885 Ведь этот обидчик, лишивший несчастную чести,

покинул ее, он исчез без следа и без вести;
надежды, мечтания, чувства исчезли с ним вместе;
что лучше — позор ли влачить, умереть ли на месте?»
886 Однако не зря говорится про старых людей,
что возраст их делает опытнее и мудрей:
от доньи Тернины наслушавшись горьких речей,
старуха по тяжбе решение вынесла ей:
887 «Разумный не станет оплакивать то, что утрачено:
случилась беда, — знать, судьбою она предназначена;
смиритесь — былое не может быть переиначено,
искуплено будет страданием, скорбью оплачено.
888 Когда неудачи случаются и огорченья,
не бойтесь напасти — душевного бойтесь смятенья:
кто духом не пал, не ослаб, сохранил разуменье,
тот горе осилит, от скорби найдет исцеленье.
889 Нерадостно людям, враждующим между собой,
для любящих худшего нет, чем разлад, разнобой;
и если вы оба проникнитесь мыслью такой, —
рассеется скорбь, воцарятся и мир, и покой.
890 Безмерно растрогана вашим я горестным видом,
не надо печалиться, счет не ведите обидам;
за вас постою, за обидчика замуж вас выдам:
звучать скоро свадебным песням, а не панихидам».
891 На донью Тернину подействовал этот резон,
и тут же был дон Арбузиль женихом наречен,
а вскоре — и свадьба. Кто повестью не восхищен,
простите: ведь в этом повинны Панфил и Назон.[138]

О наставлениях, с коими архипресвитер обращается к дамам, и о многоразличных наименованиях посредницы в любви

892 Мужчин опасайтесь, красотки! Прекрасный ваш пол
от них претерпел и не счесть сколько бед, сколько зол;
уместно, чтоб я на сей случай пример вам привел:
как встретился льву бессердечный, безухий осел.[139]
893 Раз лев заболел, не болел он до этого сроду;
восставши с одра, лев позволил лесному народу
порадоваться сообща столь благому исходу,

отметить весельем прошедшую мимо невзгоду.
894 Все звери сошлись, и в хуглары осел был избран.
Польщенный избранник тщеславием был обуян,
и так он скакал, и ревел, и лупил в барабан,
что всех оглушил. Лев прогневался: «Экий болван!»
895 Ужель издеваться он вздумал, совсем обнаглев?
Осла растерзал бы на месте рассерженный лев,
но наш барабанщик внезапно исчез меж дерев,
и царь счел за лучшее свой не выказывать гнев.
896 Назавтра сказал повелитель, что праздник продлится
и хочет ослиным искусством он вновь насладиться;
позвать музыканта взялась добровольно лисица:
сама ведь в хугларском искусстве она мастерица.
897 Лиса побежала на луг — то был львиный заказник, —
где пасся довольный собой музыкант-безобразник:
«Сеньор, я за вами — такой вы затейник, проказник,
что нам без участия вашего праздник не в праздник.
898 Как пели вы! Как барабанили! Бог мне прости,
других барабанов пяти, а не то и шести
звучнее был ваш барабан. Вы, маэстро, в чести,
и лев мне велел вас и нынче к нему привести».
899 Ушастый поверил лисе и на зов поспешил,
вновь пел и плясал, проявляя удвоенный пыл,
стучал в барабан он копытами что было сил;
не знал дуралей, что тем пуще царя прогневил.
900 У льва были стражники; дан был приказ им заранее
осла изловить, — они выполнили приказание,
и лев его тут же казнил, всем глупцам в назидание;
повергнуто в ужас звериное было собрание.
901 Зубастого волка приставив к распоротой туше,
лев молвил: «Устал я, пройдусь, где потише, поглуше,
ты ж тут присмотри — тебе ведом обычай пастуший».
А волк взял да слопал ослиное сердце и уши.
902 Вернулся властитель назад, нагуляв аппетит,
и к лакомой трапезе сразу; но что же он зрит?
На месте нет сердца, а также ушей — мерзкий вид!
«Эй, что это значит?» — был лев не на шутку сердит.
903 А волк отвечал: «Знать, он был от природы увечный,
как видно, таким уж замыслил его сам Предвечный:

осел так ревел и гремел словно молот кузнечный
затем, что скотиной безухою был, бессердечной».
904 Прошу, дамы, вникните в притчу сию до конца:
свои навострите вы ушки, склоните сердца
к пречистой любви, нам внушаемой волей Творца;
да будет любовь безрассудная целью глупца.
905 Когда ж согрешить доведется нечаянно даме,
пусть впредь бережется: печальный пример перед вами.
Осел он на то и осел, но едва ли вы сами
рискнуть пожелаете сердцем своим и ушами.
906 Те дамы, которым случалось в ловушку попасть,
ума набираются, знают, сколь пагубна страсть;
других — упреждаю, поверить иль нет — ваша власть,
но знайте: упрямство приводит осла в волчью пасть.
907 Слушок — и лишается дама своей доброй славы:
вот так здоровяк погибает от капли отравы,
так мошка ничтожная пышные сводит дубравы,
так кушанье портит крупица прогорклой приправы.
908 Ничто так не тешит людей, как чужие грешки:
преследовать грешницу будут остроты, смешки.
Красотка, твой гнев вызывать мне отнюдь не с руки,
но предостеречь тебя — цель моей каждой строки.
909 Тебе рассказал я о дщери колючего тёрна,
то был лишь пример — ведь героем не я был, бесспорно;
запомни же: сводницы лживы, злословье тлетворно,
доверься мужчине лишь преданному непритворно.
910 Томился с тех пор без любви я, в тоске и печали;
и как-то случилось увидеть мне в праздничной зале
прекрасную девушку, — сразу же чувства взыграли;
ее красоту описать я сумею едва ли.
911 Была миловидна, прекрасно была сложена,
еще почитай что ребенок, невинна, скромна,
сословья к тому ж благородного и не бедна;
спаси меня Бог, — не видал я таких, как она!
912 Собой хороша и при этом — прославленный род;
однако дикарка — ни шагу почти из ворот.
Посредницу бы, чтобы к ней отыскала подход:
вослед за вожатым паломник к святыне идет.
913 Связаться с каким-нибудь новым Ферраном Гарсия?

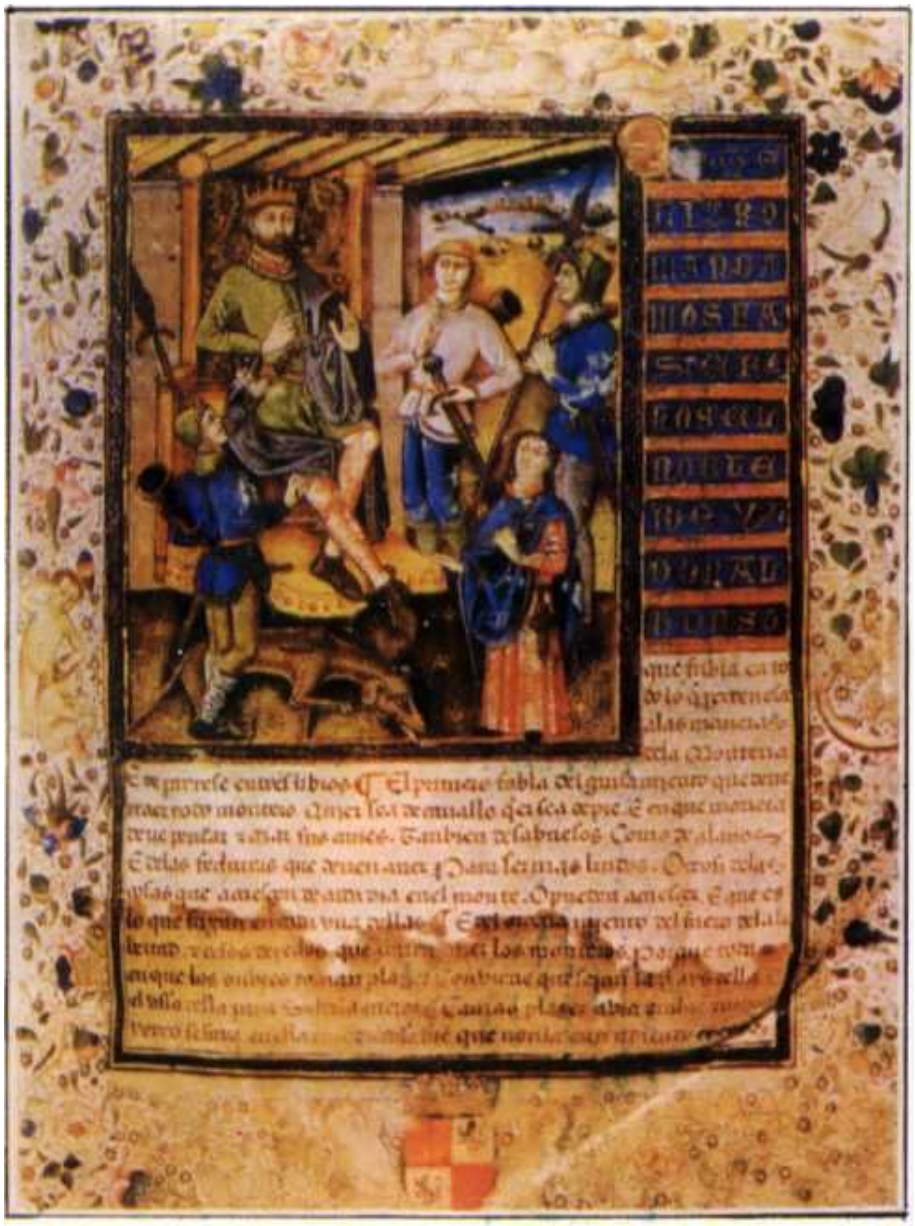
Я этого ввек не забуду коварного змия!
Теперь уж видны мне насквозь все канальи такие.
От ложных друзей огради меня, Дева Мария!
914 Знакомство с умелой посредницей смог все же свесть я;
и ради корысти, но более из любочестья
к нам в город она как на крыльях неслась из предместья,
и я каждодневно имел о красотке известья.
915 Для девы сложил я любовные песни вначале,
их сводня с товаром своим отнесла моей крале,
сказав ей: «Купите, сеньора, есть славные шали», —
красотка ей: «Впрямь, вы хорошую вещь показали».
916 Старуха уже наготове: ей нужен предлог.
«Пожалуйте ручку, надену я вам перстенек,
и если (а та разомлела) дадите зарок
не выдать меня, я вам сделаю тонкий намек.
917 Есть некий сеньор — вы ему словно голубю горлица,
за вас все отдаст, да и сам хоть в колечко продернется;
а как вас увидеть? — ведь вы почитай что затворница!
Иль весь божий мир для вас, доченька, эта лишь горница?»
918 Шептала, жужжала и — как был приказ мною дан —
всучила стишки, опоясала лентой ей стан,
на пальчик надела (с подмигом) кольцо-талисман;
на девушку впрямь напустила любовный туман.
919 Мы знаем: хоть преданно служит пастушья собака,
ей кинуть бараний мосол не мешает однако;
сказала старуха — а имя ей было Уррака,[140] —
все, нет, мол, и нет от красавицы доброго знака.
920 Я, словно бы в шутку, сказал ей: «Я думал, ты дока,
на самом же деле, как видно, болтунья-сорока;
коль чуешь — гони, тут ни отдыха нету, ни срока,
затеян нирог — и тебе, значит, будет припёка».
921 Не знал, не гадал, что шутить со старухой не след:
взвилась — мол, порочу ее, возвожу, мол, навет;
и так разошлась старушонка, что удержу нет:
в отместку взяла да и выболтала мой секрет.
922 Мать дочку держала с тех пор под охраной надежною,
и встреча с красавицей стала совсем невозможною;
я поздно усвоил, что правило есть непреложное:
быть лучше немым, чем словцо брякнуть неосторожное.

923 Усвой сей урок, чтоб не шлепнуться в яму бесславно:
не стоит злословить о людях ни тайно, ни явно;
иной уязвляется тем, что другому забавно,
а если есть истина в шутке — тогда и подавно.
924 Запомни, что, дело имея с подобной старушкой,
нельзя, называть ни сорокой ее, ни болтушкой,
ни сводней, ни сводницей, ни помелом, ни трепушкой,
ни служкой, ни шлюшкой, ни шлендрой и ни побегушкой.
925 Не вздумай назвать пустолайкой ее, пустельгой,
ни злючкой, ни сучкой, ни бабкой, ни старой каргой,
ни ведьмой, ни чертовой перечницей, ни ягой,
не кличь ни дырявой бадьей, ни кривой кочергой.
926 Ни язвой ее не зови, ни чумой, ни проказой,
коростой, чесоткой, холерой, хворобой, заразой,
не кличь подлипалой, втирушей, пройдохой, пролазой,
не кличь слепой курицей или совой лупоглазой.
927 Не станешь дразниться, не будешь вступать с нею в стычки,
откроет все двери она тебе лучше отмычки;
но здесь перечесть я не мог все старушкины клички:
их больше, чем прозвищ у хитрой лисички-сестрички.
928 Старинный устав говорит: «На тоску нет управы»;
тоской донимает Амур, мой властитель лукавый:
к любимой не сунешься — всюду рогатки, заставы,
родители дочек блюдут, как овец гуртоправы.
929 Пошел я с повинной к старухе в ее конуру:
словцо неудачное, дескать, обратно беру;
припомним как ласка и кролик делили нору,[141] —
обиды, попреки, разлад не приводят к добру.
930 «Ах, архипресвитер, — сказала она, — вот и он!
Смотрите, как скромен и тих — знать, судьбой умудрен.
Не из-за гордыни ли вы потерпели урон?
Нужда гнет нам спину: явился-таки на поклон.
931 Еще никого не морочила я отродясь
и слов не бросала на ветер, скажу не хвалясь;
сулила — исполню, ты сам лишь не струсь и не сглазь,
свое же искусство не дам я затаптывать в грязь.
932 Не след прибегать к бранным кличкам, к попрекам, к злословью;
мне ищете кличку? — зовите «благою любовью»:

когда мне мужчина почтительность явит сыновью,
уж я расстараюсь, в ущерб своему хоть здоровью».
933 «Благая любовь» — я ее восхваляю всегда;
карга мне на благо потратила столько труда,
что если исполню я прихоть ее — не беда:
за зло и за благо должна быть достойная мзда.
934 Старуха была и хитра, и отважна притом:
вдруг вышла на улицу чуть ли что не нагишом;
дивятся соседи — глядите, вот стыд, вот сором,
бедняга от старости вовсе ослабла умом!
935 Всем сплетникам радость, взвилась их досужая братья:
«Слыла всех умней, а теперь, знать, совсем без понятья!»
Все в ней разуверились сразу, и тут мог сказать я:
«Нужда гнет нам спину, порой же велит скинуть платье».
936 Ну что взять с безумной? Прошло только несколько дней —
и снят неусыпный надзор был с любимой моей:
и челядь, и мать перестали шпионить за ней;
такая старуха — вот клад для мужчины, ей-ей!
937 Торговлишкою промышляла она мелочной
и короб с товаром таскала всегда за спиной;
но — как говорил я — был промысел и потайной:
дневную торговлю она совмещала с ночной.
938 Торговки — я сказывал — тащатся из дому в дом:
в том купят у них пустячок, мелочишку в другом;
открыты им двери лачуг и господских хором,
и всюду без умолку мелют они языком.
939 Уррака клялась, что мне верность покажет на деле,
сказала: «Сеньор, если только вы не охладели,
я слово сдержу, все устрою в теченье недели,
уж будьте спокойны: ваш мяч не пройдет мимо цели.
940 Теперь от меня вашу милую не стерегут;
к ней с коробом я заявлюсь — мой обыденный труд, —
о вас речь зайдет, а уж я не промешкаю тут:
ловцы не повздорят, — не вырвется птичка из пут».
941 Старуха и вправду сработала все без помарки:
то ль знала какие она корешки для заварки,
шептала ль Какие заклятья, дарила ль подарки, —
но отклик на пыл мой у девушки вызвала жаркий.
942 Свершится ли? Этой лишь мыслью тогда был я занят.

Но сокола опытный ловчий вабилом приманит,
а сводня умелая девичий ум затуманит:
впустую брехать старый пес, как известно, не станет.
943 Увы, всяк рожденный на свет умирает в свой срок,
и вскоре меня обездолил безжалостный рок,
любимую смерть вдруг постигла. Удар был жесток!
О Боже, прости ее душу, прими в свой чертог!
944 Сразила меня столь внезапная эта утрата,
я сам слег и к жизни постылой не чаял возврата:
два дня пролежал, было сердце как обручем сжато;
ах, радость не в радость, Коль так беспощадна расплата!

Общий вид города Иты. Современная фотография.



Король Альфонс XI в окружении слуг. Миниатюра из средневековой рукописи.

О том, как сводня пришла к архипресвитеру и о чем говорил он с нею

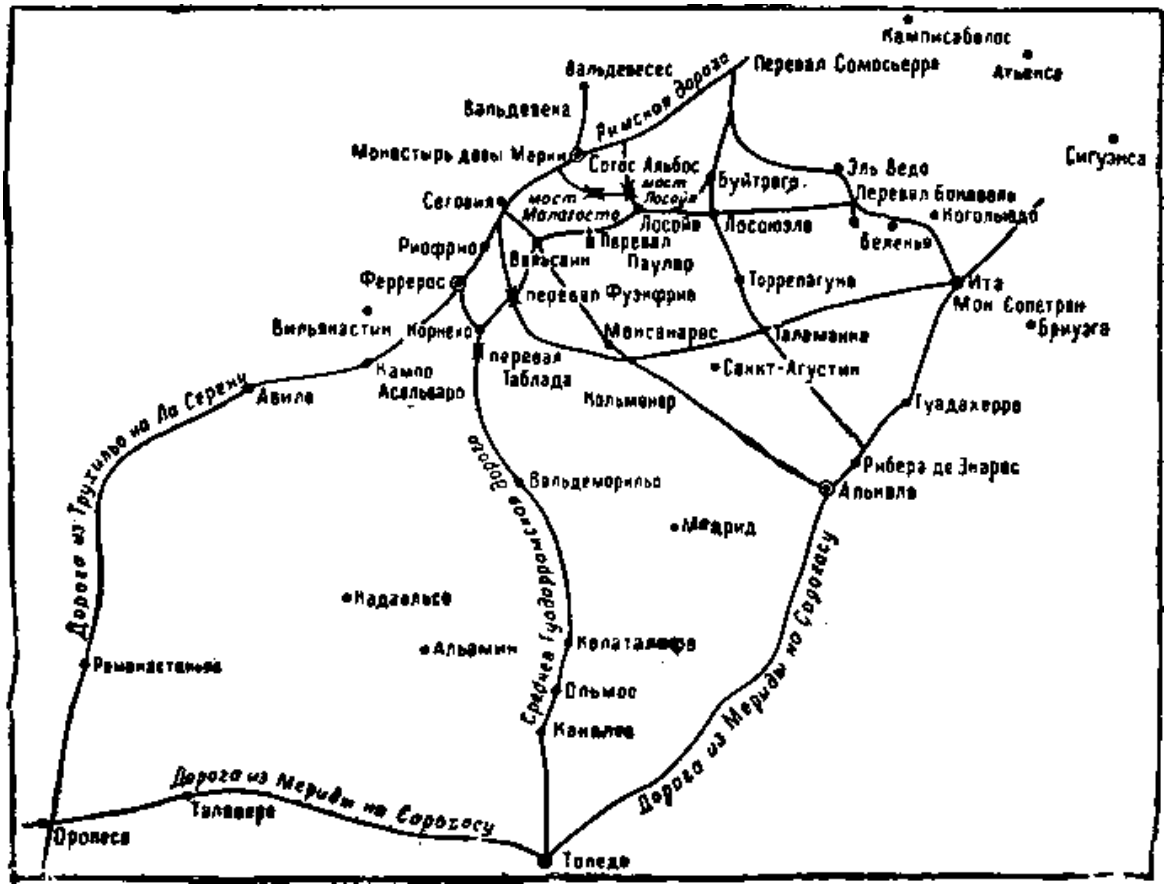
945 Стоял месяц март, и повеяло явственно летом;
старуха однажды ко мне заявилась с приветом:
«Шалун прихворнул, так шалить будет меньше при этом».
Вспылил я, — с тоски был схватиться готов с целым светом.
946 Старуха однако же все еще не унялась:

«Эх, архипресвитер, чего убиваться? Не сглазь, —
другую найдем». Я ответил: «Ты, чертова мразь!
Несешь околесицу — верно, уже напилась?»
947 Ища от печали своей и от скорби забвенья,
в ту пору сложил грубоватые я песнопенья;
отнюдь не питали красавицы к ним отвращенья,
напротив, смеялись: я им доставлял развлеченье.
948 Прошу снисхожденья у великодушнейших дам:
повергнуть решил эти глупости к вашим стопам,
чтоб ведали вы, чем отвлечься пытался я сам,
мнил: шутка для ран для сердечных — целебный бальзам.
949 И все же о муках душевных пишу и пишу,
в уме и слова, и поступки свои ворошу;
а если при этом, увы, многословьем грешу,
у тех, кто читает, покорно прощенья прошу.

О том, как архипресвитер порешил отправиться в горы, и о том, что там произошло между ним и горянкой

950 Апостол сказал — должно все испытать самому;
я в горы поехать решил, вняв совету сему;
пропал там мой мул, сам лишений изведал я тьму.
Вкуснее чужих пирогов хлеб в родимом дому.
951 Был март, день святого Медера:[142] тишь, солнце, прохлада.
Лосойским ущельем я ехал, но вдруг — вот досада —
метель поднялась; нет укрытья от снега и града.
Искать то, чего не терял, человече, не надо!
952 Когда, обессилев совсем, я достиг перевала,
увидел крестьянку-горянку, что путь преграждала,
«Ты кто?» — я спросил. «Я горянка, — она отвечала, —
таких поджидаю как ты, их встречала немало.
953 Сбираю я пошлину, мзду за проезд и провоз;
не знаю, какой тебя ветер к нам в горы занес;
изволь, пропущу, коль ответишь добром на мой спрос,
а нет — покажу, как мы, горцы, молотим овес».
954 Была очень узкой и обледенелой стезя,
по коей я плелся едва, оступаясь, скользя;
горянка мне путь преграждала, дубиной грозя.

Я молвил: «Продрогшего пса гнать, сестрица, нельзя».
955 Я понял, как небезопасно поссориться с нею.
«Чего тебе надобно, — вдруг угодить не сумею?
Что ценится в ваших местах — мне скажи, дуралею,
и дай мне, сестрица, приют: я совсем коченею».
956 Она мне: «Кто просит — не должен он быть привередой;
подаришь мне то, что захочешь; однако же ведай:
обидишь меня — отплачу тебе той же монетой,
а коль угодишь, будешь сытый, сухой и согретый».
957 Я вспомнил, как бабка ворчала, слюнявя кудель:
«Жить тошно, а в смертную, ох, неохота постель».
От глада, и хлада, и страха тут сгинуть ужель?
«Дам брошку-застежку, — сказал я, — и шитый кошель».
958 Коль скоро до дела дошло — ни к чему отговорки,
без слова деваха взвалила меня на закорки
и рысью пустилась — ничто ей ни речки, ни взгорки;
все это воспел я потом, уже в теплой каморке,



Предполагаемый маршрут путешествий героя «Книги благой любви»

Песнопение горянке[143]

959 Я пустился спозаранку
к перевалу Малангосто,[144]
вдруг наткнулся на горянку
силы редкостной и роста:
«Ты куда? Смотри, несчастный,
пропадешь! Здесь путь опасный,
горы перейти не просто».
960 Я ответствовал учтиво:
«В Сотосальвос путь держу я».[145] —
«Ишь, ты малый не пугливый,
черт подбил тебя, гляжу я.
Хоть проезжий, хоть прохожий,
не спросить меня — негоже:
эту тропку сторожу я».
961 Я воззрился на деваху —
неуклюжа, косорыла,
молвит: «Не помри со страху,
я тропу загородила:
выкуп дай — не понял, что ли?
Дать проход в моей лишь воле,
не буянь, за мною сила».
962 Я ответил: «Ах, сестрица,
затевать не стоит ссору;
рад с тобою поделиться,
но мое — тебе не впору».
А она: «Уж не посетуй,
но за так дорогой этой
не пройдешь ты через гору».
963 Ишь, чертовка! Ишь, скотина!
Сантильян, пошли спасенье![146]
Вижу я: при ней дубина,
и праща есть, и каменья.
«Выбирать твое, брат, дело, —
и пращою завертела, —
ждать могу хоть целый день я».

964 То метель, то град... От стужи
у меня стучали зубы.
«Раскошеливайся, друже!» —
слышу вновь я окрик грубый.
Я пастушке молвил кротко:
«Сладим мы с тобой, красотка,
но сейчас мне к очагу бы». —
965 «Отведу в мою лачужку,
дров нам хватит, будет жарко,
хлеба дам тебе краюшку
и винца найдется чарка;
покажу потом дорогу,
но клянись, что за помогу
не останусь без подарка».
966 Кто бы вынес эту пытку?
Вымокнув, дрожа от страха,
ей нарядную накидку
я пообещал с размаха,
сверх того застежку-брошку.
«Если ты не понарошку,
ладно!» — молвила деваха.
967 Подошла ко мне милашка
и одной рукой девичьей
подняла, словно барашка,
вмиг на свой загривок бычий:
«Ишь, продрог! Небось, бедняга,
накормлю — ведь я не скряга,
здесь, в горах, такой обычай».
968 В очаге трещат поленья,
вот — натоплена хибара;
на столе без промедленья
горы снеди с пыла, с жара:
деревенская лепешка,
кролик и баранья ножка,
жирных куропаток пара,
969 доброго винишка фляга,
две печеные форели,
масло, сыр... «Ну вот, бедняга,
оба мы давно не ели,

прежде подкрепиться нужно,
а потом мы вечер вьюжный
будем коротать в постели».
970 Я согрелся, подкрепился
и теперь уж не боялся,
телом и душой взбодрился
и, довольный, рассмеялся;
а пастушка поглядела
и сказала: «Это — дело!
Славный мне дружок попался.
971 Ты, — промолвила пастушка, —
должно, в этих играх ловкий;
раздевайся: я резвушка,
так померимся в сноровке».
Чуть не погребен под снегом,
ужин заодно с ночлегом
получил я по дешевке.

EL CONDE LVCANOR.
Compueſto por el excelentiſsimo principe
don Iuan Manuel, hijo del infante don Manuel,
y nieto del ſancto rey don Fernando.
Dirigido
Por Gonçalo de Argote y de Molina, al muy Illuſtre ſeñor
DON PEDRO MANVEL
Gentil hombre de la Camara de ſu Ma-
geſtad, y de ſu Conſejo.
Impreſſo en Seuilla, en caſa de Hernando
Diaz. Año de 1575.
CON PRIVILEGIO REAL.

Титульный лист первого издания «Графа Луканора» Хуана Мануэля, современника Хуана Руиса. Об этой книге см. в статье З. И. Плавскина, с. 313.

О том, как архипресвитер беседовал с горянкой

972 Заутра в Сеговью направился я с перевала,
причем о подарках пастушке не думал нимало,
там видел скелет той змеи,[147] чье смертельное жало

дни старого Рандо, как сказывают, оборвало.
973 Жилось там нескучно, да поистощил я суму:
бездонного кладезя не отыскать никому;
свой взвесив кошель, я напомнил себе самому:
«В гостях хорошо, а все ж лучше в родимом дому».
974 На третий день утром пустился в обратный я путь;
Лосойской тропой — без подарка? Нет, надо свернуть!
Что ж, через проход Фуэнтфриас[148] пройду как-нибудь...
Но сбился с дороги — тут было с чего мне струхнуть.
975 Взобрался наверх оглядеться, смотрю — недалечко
пастушка с коровами, сосны, поляна и речка;
«Эй, — крикнул я, — дева-краса, золотое сердечко,
Шел мимо, подумал — зайду: недурное местечко». —
976 «А кто тебя звал? Ну и дурья ж твоя голова!
Чем сразу лезть в воду, о броде узнал бы сперва.
Нелюбо мне слушать нахальные эти слова,
огрею — не скоро забудешь, ведь я здорова».
977 Не знает никто, где он будет настигнут судьбиной:
живет себе курица жизнью счастливой куриной,
ан вдруг сел типун! Пошутить захотел я с девчиной,
да по уху как получу суковатой дубиной!..
978 Упал и лежу, ошалев, — ни туда, ни сюда:
коль смаху, да по уху, это, признаться, беда;
«О господи! — вымолвил я, — у тебя нет стыда,
так аисты лишних птенцов гонят вон из гнезда».
979 Сознанье мое помутилось, душа ушла в пятки;
дубина — оружие грозное в девичьей хватке;
подходит драчунья: «Вставай-ка, не мни мои грядки,
поучим — накормим, у нас уж такие порядки.
980 Тебя отведу я в лачугу. Шатун мой ушел;
да не упирайся ты, словно упрямый козел,
небось тебе всяческой снеди поставлю на стол».
Будь впрямь я сердит, тут бы мир все равно предпочел.
981 Взяла меня за руку и повела за собою;
обеденный час был, я проголодался, не скрою.
Лачужка пуста. «Ну, теперь, — говорит, — нам с тобою
никто не мешает заняться любовной игрою».
982 Я молвил: «Клянусь, не в своем ты, подруга, рассудке:
играть не согревшись и не подкрепившись? Нет, дудки!

Ну как я уважу тебя, если пусто в желудке?»
Она рассердилась; я вспомнил, что плохи с пей шутки.
983 Старался как мог. «Вот, — сказал я, — известно давно:
не шелк и сукно тут потребны, а хлеб и вино».
Поели, — и стало тревожить меня лишь одно:
дорогу узнать бы, в горах-то ведь тропок полно.
984 Она домогалась, чтоб мы с ней продолжили дело:
коль пакля зажглась — не погасишь, пока не сгорела.
«Спешу в путь-дорогу, покуда еще не стемнело».
Обиделась: действую, мол, второпях и несмело.
985 Она до развилки до самой меня провожала:
две тропки в горах были выбиты, знать, изначала;
я выбрал одну — несмотря, что изрядно петляла,
в деревне Феррерос[149] был засветло, близ перевала.
986 Скропал я стишок про таких как она сердцеедок;
не слишком он пресен, однако не так уж он едок;
читай, но смолчи, а сужденье оставь напоследок:
сейчас ты стишок поймешь так, а прочтя книгу, — эдак.

Песнопение о горянке[150]

987 Не забыть вовек подружку,
риофрийскую пастушку,[151]
здоровущую Гадею.
988 Как-то на лужайке, рядом
с тем сельцом, укрытом в логе,
встретилась с коровьим стадом
мне бабеночка. «О боги!» —
я вскричал, окинув взглядом
в два обхвата руки, ноги,
восхищенный дивным задом.
Слышу: «Сбился, знать, с дороги?
Не сломай, гляди-кось, шею». —
989 «Шею не хочу напрасно
я ломать, моя красотка,
но судьба — она всевластна:
тут потеря, там находка;
заблудился, это ясно,

все ж при том, коль ты, молодка,
поиграть со мной согласна, —
шел я долго иль коротко,
на судьбу пенять не смею».
990 Смеючись, мне отвечала
своенравная пастушка:
«Ты подумал бы сначала,
что горянка — не простушка;
было случаев немало —
если глупая телушка
в лес от стада забредала,
вразумляла ее клюшка.
Только сунься — так огрею!»
991 Так огрела! Прямо в ухо
мне заехала чертовка!
Я свалился — ну и плюха!
А она, взглянув с издевкой,
молвила: «Ты слаб, как муха:
что игра, что потасовка
для таких, как ты, — поруха;
нужны сила и сноровка
на приятную затею».
992 Повела меня в лачугу,
накормила до отвала;
на ответную услугу
был я скуп, она серчала:
«Я в обиду милу другу
недотепу привечала,
он же вдруг сомлел с испугу!
Где сучок, а где мочало —
различить уж я сумею».

О том, как архипресвитер встретился с другой горянкой

993 С зарей в понедельник я двинулся дальше на юг.
Чу — возле Корнехо[152] лес рубят; пошел я на стук
и крепкую вижу горянку; и вот она вдруг
решила, что я для нее подходящий супруг.

994 С девахой такой красномордой, такой толстомясой
точил я, признаться, с большим удовольствием лясы:
пытала, кто я, — ведь встречались ей лишь козопасы,
в диковинку были словесные ей выкрутасы.
995 Забыла о правиле мудром — оно непреложно:
гоняясь за лучшим, утратить хорошее можно,
мечтаниям смелым своим доверяй осторожно:
сон хоть и прекрасен, да лжив, явь проста, да надежна.
996 Стишок я сложил — вы прочесть его можете тут —
об этом событье: вам стих повергаю на суд;
холодный был день, а мой путь каменист был и крут,
скорей бы пройти перевал, да найти бы приют.

Песнопение о горянке[153]

997 Спал я в доме постоялом;
только заиграли краски
в небесах над перевалом,
вышел в путь я без опаски;
глядь — горянка в платье алом,
вышивка на опояске,
мне умильно строит глазки.
998 Я ей: «Добрый день, сестрица!»
А она: «Ты кто, откуда?
Иль случилось заблудиться?» —
«Нет, есть у меня причуда:
здесь, в горах, решил жениться». —
«Что ж, придумал ты не худо
взять себе жену отсюда.
999 Но в горах свои порядки,
что с тебя тут, братец, толку?» —
«Я вскопать сумею грядки,
мигом освежую телку,
не боюсь со зверем схватки
и намять сумею холку
дерзкому не в меру волку.
1000 Я могу пасти коровок,
укрощать бычков, мять кожи,

из ремней и из веревок
обувь плесть — хоть для вельможи,
объезжать коней я ловок,
масло сбить умею тоже:
всякие труды мне гожи.
1001 Я играю на свирели,
редкостный искусник в пляске,
мне не ровня в этом деле
пастухи или подпаски;
первый я в борьбе — доселе
мне никто не задал встряски.
Знай, все это быль, не сказки». —
1002 «Вижу я — ты бравый малый,
мы здесь тоже не дикарки,
выйду за тебя, пожалуй,
только, женишок мой жаркий,
чем-нибудь меня побалуй». —
«Пожелай лишь — и подарки
я куплю моей сударке». —
1003 «Подари меня, голубчик,
лентой в волоса пунцовой
и чепец купи мне в рубчик —
желтый цвет и цвет лиловый, —
праздничный купи тулупчик,
а на будни нужен новый
с капюшоном плащ холщовый.
1004 Пряжку медную с насечкой,
да латунные сережки,
да таких же два колечка;
до колен купи сапожки,
чтоб услышать мне словечко:
„Менга не дала оплошки,
накупил ей муж одежки!”»
1005 Я ей: «Все куплю голубке,
все, что ей пришлось по нраву;
будут кольца, серьги, шубки,
разодену, словно паву;
вот как принесу покупки,
созовем гостей ораву,

справим свадебку на славу».

О том, как архипресвитер повстречался еще с одной горянкой и о наружности ее

1006 Коль в горы идешь, претерпеть приготовься злосчастья:
тепла не бывает там, холод всегда и ненастье;
и на перевале попал словно в чертову пасть я:
слепила метель, буйный ветер творил самовластье.
1007 Согреться б чуть-чуть — под уклон перешел я на рысь,
забыв о присловье: «Помедленнее торопись».
Но как же спешить, коль на тропке то наледь, то склизь?
«Ну, — мыслю, — без помощи божьей мне тут не спастись».
1008 Мне сроду еще не бывало так скверно, так худо,
и думал — замерзну, не выйти живым мне отсюда,
как вдруг я на склоне горы увидал чудо-юдо:
не зверя и не человека, а впрямь страхолюда.
1009 Я бабу-табунщицу счел порождением ада;
однако ж, хоть вид ее был оскорбленьем для взгляда,
она согласилась помочь — заплатить только надо, —
и вот уж в хибарке я, у перевала Таблада.
1010 Да, вид у бабенции этой и впрямь был таков,
что стоит, ей-ей, посвятить ему несколько слов.
Рост, силища!.. С ней, укротительницей табунов,
мужчине не сладить, будь даже как бык он здоров.
1011 Дано описание было святым Иоанном
в его Апокалипсисе многим чудищам странным;
и та, встреча с кем оказалась спасеньем нежданным,
помнилась мне мороком дьявольским, блазном туманным.
1012 Огромнейшая голова, и волосья на ней
короткие, черные, жесткие — черный репей,
запавшие бусины-глазки, малины красней,
медвежий печатала след она лапой своей.
1013 Короткая шея, обхватом в две пяди без малого,
и уши торчащие, как у осла годовалого,
а нос — словно клюв кулика, что в глуши краснoталовой
водицу привычен цедить из болота стоялого.
1014 Одутлые жирные щеки, толстенные губы,

собачья огромная пасть, лошадиные зубы,
насупленный лоб, подбородок тяжелый и грубый, —
такие невесты навряд ли молодчикам любы.
1015 Вокруг этой морды чернела, как смоль, борода.
Нет, бабы страшнее не видывал я никогда.
Не знаю, — ты, может, польстишься, однако ж тогда
работай не глядя, чтоб не было здравью вреда.
1016 И снизу не лучше: колени — точь-в-точь два котла,
а икры — как два неохватных шершавых ствола,
ступня — покривил бы душою, сказав, что мала,
лодыжки — покрепче, пожилистей, чем у вола.
1017 Запястье девицы — пошире ладони моей,
рука заросла черной шерстью до самых ногтей;
а голос — гнусавый и хриплый: беседуя с ней,
внимаешь ты словно бы скрежету ржавых цепей.
1018 Мизинец ее с мой большой толщиною был ровно,
а прочие пальцы и называть-то греховно;
случись, тебе голову ручкой почешет любовно,
подумаешь — это в давильне работают бревна.
1019 Плащом перехваченные необъятные груди
вздымались подобно какой-то бесформенной груде
до пояса, а отпустить их, так — верьте мне, люди, —
пустились бы в пляс они сходу без всяких прелюдий.
1020 Ее непомерные ляжки, крутые бока
одним вы обняли бы взглядом лишь издалека,
о прелестях менее явных смолчу я пока:
боюсь, не достанет тут сил моего языка.
1021 О том, что я молвил, о том, что она отвечала,
три песни сложил я,[154] а именно: два «мадригала»
и песню попутную; но, хоть трудился немало,
уменья ее описать у меня недостало.

Песнопение горянке[155]

1022 В селенье Таблада,
в горах, где отрада
для вольного взгляда,
увидел я стадо.

1023 Там, близ перевала,
метель завывала,
и ждал я, поверьте,
мучительной смерти
от глада и хлада.
1024 Спасаясь от снега
бегом, — я с разбега
попал на полянку;
там вижу горянку
приятного склада.
1025 Завидев красотку,
кричу во всю глотку,
взываю к ней слезно;
она же мне грозно:
«Чего тебе надо?»
1026 Я молвил: «Продрог я,
совсем изнемог я,
ужели приюта
иззябшему люто
не дашь ты, о чадо?»
1027 Сказала пастушка:
«Вон, видишь — лачужка,
двоим там есть место,
с тобой как невеста
делить ее рада». —
1028 «Увы, моя прелесть!
В деревне Феррерос
меня ждет супруга;
но будет услуга —
так будет награда». —
1029 « Пойдем!» — я, покорный, —
за ней тропкой горной;
пылают поленья —
вот мне избавленье
от снега и града.
1030 Обед начинаем
ржаным караваем,
куском солонины:
тут много скотины —

бараны, говяда.
1031 Дает сыр овечий:
«Поешь, человече!»
Вино — хуже нету,
но дрянь хвалю эту:
и в нем мне услада.
1032 «Во здравье, друг милый,
поддерживай силы;
вернешься с дарами
поздней — и меж нами
не будет разлада.
1033 Попили, поели, —
понежься в постели;
вновь свидишься с ладой —
подарком порадуй:
ведь я — твоя лада». —
1034 «Сама бы спросила,
что душеньке мило!» —
«Сказала бы сразу, —
боялась отказу:
застенчива смлада.
1035 Ну что ж — лентой алой
меня ты пожалуй
да белой сорочкой
с цветной оторочкой —
нет лучше наряда.
1036 Побалуй голубку —
купи ты мне юбку;
порадуй милашку —
колечко да пряжку
купи для приклада.
1037 Еще подари ты
чепец мне расшитый,
сафьянны сапожки,
чтоб в них без оплошки
плясать до упада.
1038 Как купишь подарки —
знай, в этой хибарке
тебя ждет подружка,

горянка-пастушка
для брачна обряда». —
1039 «С дарами, сеньора,
вернусь к тебе скоро:
дружок не обманет;
с собой же — гроша нет,
такая досада!»
1040 В ответ мне дурнушка:
«Хоть, я и пастушка,
мы тоже учены
и знаем законы
торгового ряда.
1041 Мы щедрым посулам
не верим огулом,
пришел за товаром —
не думай взять даром:
пустая надсада.
1042 На деньги вы, хваты,
всегда скуповаты,
а я скажу кратко:
не будет задатка
без должного вклада».

О восхвалении архипресвитером Святой Марии у Брода

1043 Как древле изрек присночтимый апостол Сантьяго,[156]
творит нам добро лишь Господь, только он шлет нам блага;
и я, как уладилась эта моя передряга,
Творца восхвалить порешил в виде первого шага.
1044 Близ горного кряжа прославленное средь народа
есть место — зовется Святая Мария у Брода;
там в память свершившегося моего перехода
Пречистой вознес я хвалу: миновала невзгода.
1045 Тебе, Приснодева, тебе, милосердная мать,
чей образ пресветлый дарует земле благодать,
тебе в прославленье стихи не устану слагать,
а ты удостой, госпожа, с благосклонностью внять.
1046 Пречистая Матерь Христова,

ты благословенна стократ,
замолви за грешника слово
пред тем, кто за нас был распят.[157]
1047 Я, Дева, тебя восхваляю,
опора ты мне и помога,
заступницей мне, уповаю,
стоишь у господня порога:
ведь нет ни конца и ни краю
терпению Господа Бога,
так пусть наш Спаситель, твой сын
милосердный подарит мне взгляд.
1048 Благая царица вселенной,
в небесной немеркнущей славе
сияет твой образ нетленный;
ужель я добавить не вправе
бесхитростный дар и смиренный
к его многоцветной оправе?
Сказанье про страсти Христовы
прими как посильный мой вклад.

О страстях Господа нашего Иисуса Христа

1049 То в среду свершилось, в час третий:
синклит порешил иудейский
Христа изловить в свои сети;
хоть скромным посул был судейский,
имелся у них на примете
готовый на шаг сей злодейский —
Иуда, Христов ученик,
но втайне ему супостат.
1050 Предатель не стал дорожиться,
они сторговались с ним скоро:
учителя продал за тридцать
серебренников тот провора,
и легкой победой гордиться
могла окаянная свора:
покупка им дешево стала,
казне невелик был наклад.

1051 В час утрени злым иудеям
Иудиным предан лобзаньем
твой сын, умащенный елеем;
ему был открыт путь к страданьям,
а им удалось, лиходеям,
воспользоваться злодеяньем:
был пастырь отторгнут от паствы
и, связанный, стражею взят.
1052 За сына была без предела
ты скорбью, тревогой объята;
в час первый воочью узрела —
введен он в чертоги Пилата.
Но им, власть имущим, нет дела
до правды! Ничто им не свято.
И ликом пресветлым Христовым
не мог быть растроган Пилат.
1053 В час третий Христос, твое чадо,
предстал перед синедрионом:[158]
безвинный — по букве уклада
судим был неправым законом;
толпа, разъяренное стадо,
глумилась над приговоренным;
а после суда заточен был
страдалец в глухой каземат.
1054 Христу расточали проклятья,
и бранью его осыпали
во время пути на распятье,
и жребии жадно кидали,
деля меж собой его платье.
О, не было горшей печали!
Что скорби такой не бывало —
все люди тебе подтвердят.
1055 Божественный и человечный
в шестой час он отдан на муки:
прибил кат тупой, бессердечный
к кресту ему ноги и руки;
твой сын путь земной, быстротечный
кончая, земле при разлуке
навеки оставил сиянье

небесных распахнутых врат.
1056 Скончался Христос в час девятый,
и солнце в миг скорби толикой
затмилось; воззрились солдаты,
один прободал его пикой:
уверились — умер Распятый.
И тут от печали великой
вздрогнула земля: кровь святую
он пролил за всех земных чад.
1057 К вечерне с креста его сняли,
обмыли кровавые раны,
елеем покров пропитали,
и в той пелене полотняной
положен он в склеп, что подале
был выбит в скале; для охраны
встал центурион:[159] приближаться
не должен ни стар был, ни млад.
1058 Что наши земные страданья
в сравнении с мукою крестной?
И сдерживаю я стенанья —
ведь пени мои неуместны;
однако в слезах упованья
гляжу на твой образ небесный:
заступница, ныне и присно
слугою твоим быть я рад.

О страстях Господа нашего Иисуса Христа[160]

1059 Мы все, кто стезю свою правим,
Христов соблюдая наказ,
оплачем и вместе восславим
того, кто смерть принял за нас.
1060 Пророчества были благие,[161]
исполнившиеся потом:
сперва еще Иеремия
поведал живущим о том,
что явится миру Мессия;
Исайя добавил о нем,

что будет рожден он от Девы —
таков был пророческий глас.
1061 Свидетельствует нам Писанье,
ведется прямая там речь,
что Агнец пойдет на закланье,
дабы свое стадо сберечь;
и помнятся мне прорицанья
других отдаленных предтеч:
сей царь Даниилом, Давидом
был миру предсказан не раз.
1062 Исполнилось верно и точно,
что было предсказано встарь,
и Девой зачат непорочно
Христос, наш спаситель и царь;
вовеки веков будет прочно
стоять его славы алтарь;
ему, человеку и богу
хвалы мы возносим сейчас.
1063 Содеять явился он чудо:
спасти от грехов род людской;
учителя предал Иуда,
прельстившийся скудною мздой;
под выкрики темного люда
подвергся в тот день роковой
наш пастырь, Христос, бичеванью —
таков был жестокий приказ.
1064 Дабы насмеяться, сначала
надели терновый венец;
толпа в лик пресветлый плевала, —
ведь много есть грубых сердец, —
страдальца распятие ждало,
мучительный, скорбный конец;
сей жребий посланца господня
всех нас, его паству, потряс.
1065 Спасителю ноги и руки
гвоздями прибили к кресту;
чтоб жаждой умножились муки,
желчь с оцетом дали Христу —
к страданьям распятого глухи;

он крестную снес маету
за тех, кому трогают душу
об этих страданьях рассказ.
За нас претерпел он мученья,
за нас на кресте изнемог;
чтоб не было в смерти сомненья,
пронзили копьем ему бок;
и жертвенности, и смиренья
всем нам преподал он урок;
мы знаем, что смертью своею
он мир от погибели спас.

О баталии промеж доном Мясоедом и доньей Четыредесятницей[162]

1067 Уж близилось празднованье Воскресенья Христова,
когда с облегченьем достиг я родимого крова,
семь дней до Поста до Великого; каждый год снова
людей он страшит, их в грехах уличая сурово.
1068 Когда ж с доном Масленичным Четвергом, я в жилище
сидел, услаждая утробу скоромною пищей,
явился гонец, мне вручил два огромных письмища,
я их пересказываю, опустив слов с полтыщи,
1069 «Я, божья служанка, святая Четыредесятница,
предтеча господнего дня, светлой Пасхи привратница,
мирянам и клирикам, всем, кто грешит и кто кается,
сим благовествую — великий к вам день приближается.
1070 Узнайте, что мне сообщили: без малого год,
как дон Мясоед, этот зверь, душегуб, живоглот,
который — мне в пику — потоки кровавые льет,
на земли мои наложил свой неправедный гнет.
1071 Вам напоминаю я сим про обет послушанья:
должны вы под страхом суровейшего наказанья
меня, также присных моих — сиречь Пост, Покаянье —
чтить свято: имею права с вас взимать эту дань я.
1072 Предуведомляю, что минет всего лишь семь дней —
на недруга двинусь я вкупе с дружиной моей,
и верю: без кровопролития оный злодей
признает себя побежденным в баталии сей.
1073 Посланье прочтя, ты гонцу возврати его снова,
чтоб весть добежала до всякого и до любого.
Дано в Кастро де Урдиалес,[163] в час рыбного лова,
пусть в Бургосе люди прочтут все от слова до слова».
1074 Засим я второе послание начал читать, —
огромная раковина заменяла печать;
отчет и о нем не премину вам тотчас же дать:
то был Мясоеду решительный вызов на рать.
1075 «Я, донья Четыредесятница, та, в чьей охране
нуждаются души, чьей воды покорствуют длани,

тебе, Мясоед ненасытный, шлю вызов заране:
предел положу я чреде твоих гнусных деяний.
1076 Неделю спустя я войну начинаю с тобой.
С дружиной своей выходи на решительный бой
и знай, сыроядец, еще до Субботы Святой
ты будешь во прахе лежать под моею пятой».
1077 Прочли эти грамоты мы, перечли их вторично
и поняли, что к ним нельзя отнестись безразлично:
составлены были столь грозно они, столь владычно,
а нас с моим гостем касалось реченное лично.

Инфант дон Педро после удачной охоты. Средневековая миниатюра.

Боевой строй войск (король Хуан II в сражении). Миниатюра из средневековой рукописи.

1078 Со мной, как сказал я, сидел дон Четверг за столом,
вскочил он: я вижу, как гнев загорается в нем.
«Докучница! Каждый-то год поднимает содом!
Я у Мясоеда знаменщик, — ее мы прижмем».
1079 Обедом довольный весьма, поспешивши откланяться,
те грамоты для Мясоеда он передал Пятнице.
«Добавь, чтоб ко вторнику,[164] — так наказал он соратнице, —
готовил войска для сраженья с Четыредесятницей».
1080 Сим вызовом дон Мясоед был напуган немало,
хоть гордость наружная внутренний страх и скрывала;
чем зря отвечать, стал он войско сбирать для начала,
на то драгоценного вдосталь имел он металла.
1081 И к сроку назначенному вывел в поле он рать;
на войско его любо-дорого было взирать:
и спереди были бойцы на подбор, и позадь, —
не смог бы и сам Александр столь могучих собрать.[165]
1082 Всем прочим в строю боевом предстояла пехота,
там перья пестрели, слепила глаза позолота,
в начальниках птицы высокого были полета,

а уток, гусей, куропаток — тех было без счета.[166]
1083 Стояли, держа вертела, опираясь на блюда;
сраженье завяжется — первым придется им худо:
ведь знает любой пехотинец, — чистейшее чудо,
вступив в рукопашную, целым вернуться оттуда.
1084 Затем арбалетчики встали в шеренгу, стрелки:
копченые ребрышки, вяленые полотки,
бараньи лопатки и жареные индюки...
Их залп сокрушительный выдержать — не пустяки.
1085 За ними был выстроен легкоподвижный отряд
из кроликов и поросят, из ягнят и козлят;
потом щитоносцев — закусок, приправ — целый ряд:
они подстрекают бойцов, их вином горячат.
1086 Внушительный воинский строй замыкался дворянами:
разряженными, в медно-кованых латах фазанами,
сверкающими снаряженьем павлинами чванными, —
на бой они вышли под стягами золототкаными.
1087 Бойцы-молодцы были в этой воинственной сходке:
им только скомандуй — противнику вцепятся в глотки;
грохочет оружье — кастрюли, котлы, сковородки.
Ну-ну, трепещите, сардинки, дрожите, селедки!
1088 Явились косули, явился свирепый кабан:
«Прими и меня в свое войско, сеньор капитан, —
в кровавых побоищах неукротим я и рьян,
бывало, не раз я давил и крушил басурман».[167]
1089 Едва лишь кабан замолчал, как примчался олень:
«Воитель преславный, слуга твой явился под сень
хоругвей твоих; я упорен в бою как кремень;
да будет победой твоей осиян этот день»,
1090 в строй заяц вскочил: «Я, сеньор, хоть не силой, так сметкой
тебе помогу в столкновении с вредною теткой:
гнездится заразный недуг в моей шерстке короткой,
противницу чирьями я награжу и чесоткой».
1091 Спустился с утесов отчаянный горный козел
и грозным, могучим блеяньем наполнил весь дол:
«Сеньор, я с твоею враждебницей биться пришел,
чешуйчатое ее войско пущу я в размол».
1092 Приплелся и вол-работяга, усталый, понурый.
«Сеньор, — промычал он, — я мощным был создан натурой,

теперь же не сладить уже мне ни с плугом, ни с фурой,
но рад послужить я тебе своим мясом и шкурой».
1093 Явился дон Окорок, с ним его шустрые шкварки:
они прихватили для рыболюбивой сударки
скоромные — сальные, скажем точнее, — подарки;
кипят, и лишь знак подадут им — в бой ринутся жаркий.
1094 Поскольку могучим владыкой был дон Мясоед,
поскольку привык быть в его подчиненье весь свет,
мня, будто управы на деспота оного нет,
все звери и птицы явились к нему на обед.
1095 Властитель был в чревоугодии неутомим,
ломился от яств утонченнейших стол перед ним,
и счет был потерян давно переменам мясным;
хуглары его услаждали искусством своим.[168]
1096 Знаменщик монарха пред ним на колено припал,
бочонок держал он в руке и вино подливал,
дабы до краев был наполнен монарший фиал;
все отдано было в тот вечер вину под начал.

Народные музыканты. Миниатюра из средневековой рукописи.

1097 Как мрак опустился ночной, по скончании ужина,
когда дополна было каждое чрево нагружено,
ничто в глотку лезть не могло, даже рябчиков дюжина,
все рухнули в сон. Будет злыдня в бою оконфужена!
1098 Не спали в ту ночь петухи, не сомкнули и глаз:
подружек своих дорогих потеряли все враз;
дрожали, что скоро пробьет и для них смертный час,
гул пиршества яко надгробный им слышался глас.
1099 Вот полночь настала. По залам гремит: «С нами Бог!» —
и донья Четыредесятница шасть на порог;
кричат петухи, бьют крылами — спасение в срок;
а для Мясоеда — весть грозная, горький итог.
1100 Бойцов, по природе могучих, сломило обжорство,
а чревоугодью вино оказало потворство,
и воины впали в дремоту, утратив проворство;
могучая рать негодна уже для ратоборства.

1101 Как спящих взбодрить? Полководец на битву зовет,
но отклика нету — дремотный не сбросить им гнет;
а постное воинство время не тратит, не ждет,
оно устремилось в атаку под клики «вперед!».
1102 Был первым порей белоглавый: вонзился с налету
он в глотку врага-Мясоеда и вызвал харкоту;
ликует Воительница: все идет по расчету,
теперь надо конницу вражью сломить и пехоту.
1103 Сардинка соленая тут подскочила бочком
и жирную курочку как саданет плавником;
бедняжка в бочонок с рассолом летит кувырком,
а дон Мясоед от расстройства теряет шелом.
1104 Рванулись в атаку лихие акулы и скаты,
на флангах — моллюски и крабы, одетые в латы;
схватились два воинства, остервененьем объяты,
несут оба воинства тягостнейшие утраты.
1105 Угри валенсьянские стаей в сраженье влетели,
соленые, вяленые их поддержали макрели,
имевшие опыт достаточный в воинском деле;
в загривок впились Мясоеду речные форели.
1106 В сраженье как яростный лев устремился тунец;
дон Окорок, хоть он и сам был изрядный боец,
подумал, что тут и придет ему скорбный конец;
но спас его, щит свой подставив, дон Шпиг-удалец.
1107 Меч-рыбы приплыли тотчас на воинственный зов:
оружье у них смертоносное, нрав их суров,
пронзают с размаху навылет индеек и дроф,
цыплят в каплунов превращают, ягнят — в валухов.
1108 От самого Гуадалкивира приплыли креветки,
удары их были не столько сильны, сколько метки;
ехидный мерлан поросенку сказал: «Твои предки
в мечеть, знать, ходили, — обрезаться жаждут их детки».
1109 Тут в жаркую схватку вступил и колючий катран,
на недругов грудью он бросился, словно таран,
им кожей шершавой великое множество ран
нанес этот воин — бесстрашен, и ловок, и рьян.
1110 Прислали морские, речные, озерные воды
отважных воителей; были там разной породы —
большие и малые, быстрые и тихоходы;

бой злее был, чем при Аларкосе в оные годы.[169]
1111 Из вод Сантандера[170] — отряды лангустов румяных
с пучками огромными стрел смертоносных в колчанах
засели в проливах скалистых, на мелях песчаных,
чтоб страх поселить в мясоедовых жирных буянах.
1112 Как раз в эту пору был провозглашен юбилей,[171]
все были заботой полны о душе о своей,
и кинулись рыбы на битву из глуби морей;
пожаловала из Бермео[172] армада сельдей.
1113 Свирепый зубан, взбаламутивший водную гладь,
своих подначальных повел на скоромную рать;
дельфин сбил быка, как ни мощна была бычья стать,
а бешенки перепелов стали бешено рвать.
1114 Простая плотва и утонченнейшие миноги
пожаловали из Севильи — и прямо с дороги
вступили в сраженье; успехи их были столь многи,
что скрючился дон Мясоед от страшнейшей изжоги.
1115 Сумел отличиться в бою грубиян хвостокол:
он, тяжкой взмахнув булавой, в наступленье пошел
и треснул по рылу хряка; тот за лучшее счел
удрать в Вильенчон,[173] — получился отменный засол.
1116 Опутал павлинов, фазанов скрутил осьминог,
сдалась ему лань и пустился козел наутек:
поскольку у спрута имеется множество ног,
то с многими одновременно сражаться он мог.
1117 Щипали там устрицы кроликов паки и паки,
а зайцев хватали клешнями шершавые раки;
друг дружку рубили, кололи, крушили вояки;
и кровь с чешуей — в каждой яме, в любом буераке.
1118 Вот граф де Ларедо,[174] чудовищный угорь морской:
соленый ли, свежий ли — мощи он полон такой,
что дон Мясоед приуныл и взирает с тоской, —
смертельной угрозой чреват для него этот бой.
1119 Однако взбодриться ему наконец удалось,
вновь стяг он подъял — и увидел, что мчится лосось.
(родню в Кастро де Урдиалес он бросил, небось),
воитель на рыбу с копьем: продырявит насквозь!
1120 Мгновенье — и рыбину грозный воитель пронзит;
но тут на него преогромный набросился кит.

Схватились, и дон Мясоед — о плачевнейший вид! —
врагом опрокинут, на бреге песчаном лежит.
1121 «Прости» видно должен сказать он военному счастью!
Соратники верные пали костьми большей частью,
кто цел — далеко уж не с прежней сражаются страстью
и выю готовы согнуть перед вражьею властью.
1122 Олень и кабан, потерявшие в ратной потехе
товарищей лучших своих, усомнились в успехе
и в лес подались; а остались одни неумехи,
которые в дело годны как пустые орехи.
1123 Глядь — шпиг пожелтел, испускает душок буженина:
им, тучным, нужны в подкрепление добрые вина;
копченое сало да жилистая солонина
крепятся еще, держут стяг своего властелина.
1124 Все новых бойцов из глубин своих шлет океан,
армада сметает препятствия, как ураган;
приказ взять живьем неприятеля воинам дан,
на войско скоромное прочный накинуть аркан.
1125 Приказ был сей в точности выполнен: с должной сноровкой
все взятые в плен туго связаны были веревкой;
Четыредесятница на Мясоеда с издевкой
взглянула и луковичной покачала головкой.
1126 Его сторожить повелела и приговорила
колбасы, шпиг, окорок — в них его главная сила —
к повешенью; молвил палач, вздернув их на стропила:
«Ну, вот тебе, свинская рать, поделом получила».
1127 Так дон Мясоед был упрятан в надежный тайник,
и Пост на посту был, к нему чтоб никто не проник,
лишь разве что лекарь, а будет нужда — духовник;
кормежку единожды в день получал бунтовщик.

О том, как некий монах наложил на дона Мясоеда епитимью, об исповеди грешника и об отпущении ему грехов

1128 Однажды пришел к Мясоеду в темницу монах,
стал увещевать, дабы тот ощутил божий страх;
а узник в узилище скорбном смирился, зачах,
готов был покаяться в им совершенных грехах.

1129 В пространном письме описал он свои прегрешения,
дабы от святого отца получить отпущение;
на это монах возразил ему, что всего менее
прилично от кающегося такое прошение:
1130 «Грехи искупаются устным признаньем, небоже,
а письменное представлять покаянье негоже;
и грешнику кающемуся прощение тоже
изустно дает духовник, отпущенье — глас божий».[175]
1131 Коль скоро уж о покаянье зашла у нас речь,
позвольте напомнить вам снова и вновь остеречь:
случись, что греху удалось в свою сеть вас завлечь,
одно покаянье поможет тенета рассечь.
1132 И раз вы постигли, сколь ценно для вас покаянье,
друзья, неусыпно ему уделяйте вниманье,
да будут обильны и чистосердечны признанья:
чем большее рвенье, тем большее и воздаянье.
1133 Пускаться в сии рассуждения мне не по чину,
в бездонную, сам сознаю, я ныряю пучину;
в свое оправданье одну приведу я причину:
пусть я и невежда, но чтить мудрецов не премину.
1134 Решаюсь размыслить о том, о чем сердце скорбит,
однако на дерзость свою сам при этом сердит:
в невежестве каждый меня без труда уличит;
солгал бы, сеньоры, сказав, что не мучает стыд.
1135 Ведь я не ученый, не доктор — не вышел умом,
я лишь понаслышке сужу и о том и о сем;
вы лучше меня разбираетесь, верю, во всем;
ошибки мои вы исправите сами потом.
1136 В священном Декрете пространное есть рассуждение —
как епитимья помогает избыть прегрешение:
от исповеди происходит в душе очищение
и кающийся получает грехов отпущение.[176]
1137 Напомнить про истину эту хочу лишний раз:
случается в жизни споткнуться любому из нас, —
покайтесь, пока в прегрешениях дух не погряз;
а без покаянья никто свою душу не спас.
1138 Всеведущ Господь, волен грех отпустить он нам всякий;
для церкви же наши грехи пребывают во мраке,
и грешник обязан явить ей раскаянья знаки:

и жестами скорбь выражать, и стенаньями паки.
1139 Бия себя в грудь и воздев к небесам свои длани,
ни стонов не сдерживай горестных, ни воздыханий,
пусть слезоточат твои очи — и в слезном тумане,
поникнув главою, ступай по стезе покаяний.
1140 Отвергший раскаянье лишь в преисподнюю гож;
свершив покаянье, в чистилище ты попадешь,
очистишься там, с тебя смоются скверна и ложь,
и с помощью божьей блаженство в раю обретешь.
1141 Святейшая церковь пример нам дает не единый,
как слезы раскаянья, слезы сердечной кручины
грехи искупают: слезами святой Магдалины
с нее были смыты ее прегрешенья[177] и вины.
1142 А Петр?[178] Нам известно о нашем святейшем владыке —
отречься его от Христа страх принудил великий;
но слез покаяния пролил поток он толикий,
что первым у трона господня стал в ангельском лике.
1143 Еще приведу вам в пример из библейских времен
царя Езекию:[179] уж был он на смерть обречен;
к стене отвернувшись, лил слезы раскаянья он,
и был Вседержителем срок его жизни продлен.
1144 Священников много простых, неученых; их сан
им право дает, исповедав своих прихожан,
грехи отпустить им, но если и с прочих мирян
снимают грехи — это дерзостный самообман.
1145 Да остерегутся они заблужденья такого:
не всё они могут, отнюдь не всесильно их слово;
ведь если слепец станет поводырем у слепого,
в ров сверзятся оба — по притче Писанья святого.
1146 Какую власть в Риме имеет судья картахенский?
В уставах французских алькальд много ль смыслит рекенский?[180]
Пристойно ль, чтоб клирик невежественный, деревенский
помнил себя мудростию осененным вселенской?
1147 Есть казусы тонкие, сложные, что подлежат
суду лишь особ просвещенных: тут нужен прелат —
епископ иль архиепископ грехи разрешат;
порой лишь сам папа греховных простить может чад.
1148 Грехи есть особые, тяжкие есть прегрешения,
которым один только папа дает отпущение;

заполнило б свиток огромный их перечисление,
читают о сем декреталии нам в поучение.
1149 Когда архипастыри, свыше даются которым
святые права вместе с митрой, жезлом, омофором,[181]
не все прегрешенья снимают благим приговором, —
как клирик простой стать посмеет столь смелым и скорым?
1150 А ежели и дозволяет епископский сан
от многих и многих грехов разрешать христиан,
то низший священник проявит себя как профан,
берясь те же вины снимать своей властью с мирян.
1151 Хоть сведущих много, однако несведущих — тьма;
так не упускайте возможность набраться ума,
читайте: ведь к вашим услугам тома и тома;
напомню: учение — свет, неучение — тьма.
1152 Вникайте в Зерцало,[182] есть польза для вас в Репертории,
прочтите и Остийский свод, и труды консистории,
труд, что Иннокентий четвертый оставил истории;
премудрости много в Розариуме, в Декретории.
1153 Штук сто докторов, знатоков богословья завзятых,
об этих материях спорят в ученых трактатах,
но в мненьях расходятся; мне о высоких собратах
невместно судить, да и слов нет таких мудроватых.
1154 Ты, клирик не слишком ученый, совету последуй:
моих прихожан понапрасну ты не исповедуй, —
сам время не трать, их не мучай бесплодной беседой
и, если не столь умудрен, хоть не будь надоедой.
1155 От чистого сердца совет иерею даю:
умерь, коль ты не архипастырь, ретивость свою;
подумай: уместно иль нет превращаться в судью,
прощать иль, напротив, накладывать епитимью.
1156 Вот правило твердое, следуй ему непреложно;
однако бывает, что помощь нужна неотложно:
вдруг при смерти грешник, и медлить опасно, тревожно,
тогда отклониться от строгого правила можно.
1157 Коль смерть у дверей и нужда чрезвычайная, спешная, —
ты архиепископ, ты папа: ведь слово утешное
должна воспринять при уходе душа многогрешная,
чтоб оною не завладела геенна кромешная.
1158 Но все же бывает и так, что кончина близка,

однако болящий способен дождаться, пока
все скажет и примет напутствие духовника:
опора сия особливо тверда и крепка.
1159 Когда же такому больному ты дашь отпущенье,
добавь напоследок, чтоб в случае выздоровленья
отправился тяжкие он отмывать прегрешенья
к источнику или к реке — там свершил омовенье.
1160 Нам Бог всемогущий, в котором начало начал,
источник несякнущий — папу святейшего дал;
а реки — мужи, коих он себе в помощь избрал:
епископ, или патриарх, или же кардинал.
1161 Монах, о котором я с вами повел разговор,
не из архипастырей был, но из архиобжор,
респект к Мясоеду питал сей монах с давних пор;
на узника он обратил снисходительный взор.
1162 Монах покаянную речь Мясоеда прослушал:
грешил тот немало и множество правил нарушил,
за что исповедник суровую кару обрушил —
велел, чтобы грешник говел, яств любимых не кушал.
1163 «За алчность твою ненасытную ешь в день воскресный
один лишь вареный горох, с постным маслом и пресный;
и выход тебе разрешаю из келейки тесной
лишь в церковь, чтоб шалости не учинил неуместной.
1164 А на понедельник тебе назначаю, дабы
гордыню умерить твою, — есть одни лишь бобы;
прослушай часы, вознеси о прощенье мольбы,
не спорь, не бранись, воздержись от любовной борьбы.
1165 Воздастся тебе и за скупость, не будет поблажки:
во вторник не ешь ничего, кроме жиденькой кашки,
однако ж и той не досыта, всего лишь полчашки;
полхлеба съешь сам, половину отдай побродяжке.
1166 А в среду кормежкой твоей будет только шпинат
в возмездье за то, что вкушал ты немало услад, —
за похоть твою ненасытную, буйный разврат:
ни жен, ни монахинь ведь ты не щадил, супостат.
1167 В четверг и за гнев, и за ложь должен ты поплатиться:
с утра и до вечера будешь усердно молиться
и каяться, дабы все поняли, что ты за птица;
соленая будет на ужин тебе чечевица.

1168 А в пятницу пища твоя — только хлеб и вода
за чревоугодье, которым грешил ты всегда;
бичуй, в знак раскаянья, плетью себя — и тогда
умеришь, быть может, суровость господня суда.
1169 В субботу весь твой рацион — только миска фасоли,
с приправой единственной — лишь со щепоткою соли:
тем зависть искупишь, грешил каковою дотоле,
и, может, прощенье получишь: оно в божьей воле.
1170 При сем каждодневно молись, посещай божий храм,
ходи по часовням, по кладбищам, монастырям,
псалмы по утрам распевая и по вечерам,
Бог даст — прегрешенья замолишь, искупишь свой срам».
1171 Покаялся дон Мясоед в совершенных грехах,
зане в его душу проник наконец божий страх,
стеная, твердя «mea culpa»,[183] повергся во прах;
и, перекрестив его, келью покинул монах.
1172 Вот дон Мясоед взаперти: скорбь, смущенье, кручина
гнетут от столь тягостного покаянного чина;
теперь он, досель почитавшийся за властелина,
невидим для каждого доброго христианина.

О тому что случилось в первый день поста и во время Четыредесятницы

1173 Воительница, учинивши разгром Мясоеду,
велела достойно отпраздновать эту победу;
объявлен был мир:[184] пусть сосед будет другом соседу.
Она сим означила первый свой день, сиречь среду.
1174 Велела, чтоб каждый из жителей градов и сел
отринул мясное и дом свой в порядок привел:
от пятен чтоб жирных отмыт был и выскоблен стол,
чтоб вымыт был противень каждый и каждый котел;
1175 чтоб вычищены были миски, кастрюли и плошки,
бочонки, лоханки, горшки, сковородки и ложки,
кувшины и кружки, ковши, вертела, поварешки,
чтоб в доме — ни грязной тряпицы, ни сальной ветошки.
1176 Настал Пост Великий, а в самом начале поста
да будет в домах благолепие и чистота;

прийтись не по вкусу могла бы, скажу вам спроста,
единственно лишь Мясоеду сия лепота.
1177 Когда же в домах воцарится приятность для тела,
то надобно, чтобы душа о себе порадела:
отправиться в церковь пора христианам приспела
и с совестью чистой отдаться молитве всецело.
1178 Входящие в храмы должны ощутить божий страх:
пусть пеплом ветвей прошлогодних, сожженных в кострах,
начертят кресты на челе — как признанье в грехах;
всяк создан из праха и всяк превратится во прах.
1179 Католик пусть знаменьем крестным во всяк день поста
себя осенит, пусть очистит молитвой уста:
отступят грехи от него, убоявшись креста,
душа загрубелая станет мягка и чиста.
1180 Четыредесятница так христиан наставляла;
а дон Мясоед, присмиревший изрядно сначала,
немного взбодрился: боец он такого закала,
что верил — еще порезвится, как прежде бывало.
1181 И дону Посту молвил в Вербное он воскресенье:
«Сеньор, не пойти ли нам в церковь на богослуженье?
Послушаете благозвучные вы песнопенья,
а я посчитаю на четках свои прегрешенья».
1182 Дон Пост согласился, пошли они вместе во храм,
и дон Мясоед соблюдал все приличия там;
но кончилась месса, истаял святой фимиам,
и грешник явил, что привержен к былым он грехам.
1183 Тайком он, обманщик, из божьего храма удрал
и тотчас направился прямо в еврейский квартал:
в разгаре был праздник опресноков,[185] и ублажал
там пищей мясною утробу свою стар и мал.
1184 Приветливо встретил его равви дон Асевин;
лошадку свою беглецу предоставил раввин,
и рысью на ней поспешил Мясоед в Медельин;[186]
заблеяли овцы: «Бе... беды сулит властелин!»
1185 Козлята и козы, равно как овечки, барашки,
взывали о помощи, были стенанья их тяжки:
«Пожаловал дон Мясоед, нам не будет поблажки,
погибель приходит...» — так блеяли хором бедняжки.
1186 Лошадка раввина трусила совсем без усилья,

как будто ездок необычный приделал ей крылья;
объехал он пастбища Касареса и Трухильо,
угодья Серены, Пласенсии, Вальдеморильо.
1187 Он за три дня много увидел, ездок этот бравый:
луга близ Алькудии, пастбища близ Калатравы,[187]
асальварские, вальсаинские тучные травы,
приметил — где лучшие есть пастухи, гуртоправы.
1188 Он вызвал тревогу среди многочисленных стад:
быки и коровы вовсю бубенцами звенят,
луга огласились мычанием телок, телят:
«Скорей, пастухи! Му... му... мучить пришел супостат!»
1189 Укрытие дон Мясоед за горами нашел;
до крайности был он на Четыредесятницу зол,
но, прячась до времени, ей написать предпочел
письмо, с коим к ней был отправлен надежный посол.
1190 Враждебнице он написал таковое посланье;
«Мы, дон Мясоед, кто повсюду свершает закланья,
желаем тебе, немочь бледная, не процветанья,
а нужного хилым, гнилым, хворым кровопусканья.
1191 О том, что мы с Постницей скучной, иссохшей и пресной
в смертельной вражде состоим, всему миру известно;
четыре дня минет — тебя упреждаем мы честно, —
с тобой вновь поборемся, будет сие в день воскресный.
1192 Напала на нас ты, коварная, как тать в нощи;
а мы не скрываясь идем воевать — трепещи!
Не спрячешься в крепости от смертоносной пращи:
карга, мы помнем тебе ребра, мослы и хрящи»,
1193 Еще написал он посланье своим добродеям:
«Мы, дон Мясоед, шлем друзьям, о чьем благе радеем,
католикам всем, и всем маврам, и всем иудеям
привет заодно со свиным и говяжьим филеем.
1194 Друзья, вам известно о давнем и тяжком раздоре:
сегодня уже семь недель, как напали — о горе! —
Четыредесятница злая и ярое море
на нас; и тогда взяли верх они в воинском споре.
1195 Восстаньте же против нее, не давайте ей спуска!
Ужель не обрыдли еще вам морковка, капустка?
Иль вы не хотите филея, грудинки, огузка?
Послание наше доставит вам донья Закуска.

1196 Пусть знает дон Завтрак, который всех раньше встает,
что мы в день воскресный, пока не зардел небосвод,
на Постницу двинемся, пустим оружие в ход;
услышит, когда затрубят наши трубы поход.
1197 Посланье прочтя, вы о нем растрезвоньте повсюду,
дон Завтрак пускай сообщит эту весть всему люду
и пусть поспешит — нам на благо, врагам нашим к худу;
в своей резиденции ждать — в Вальдевакасе — буду». [188]
1198 Написаны с живостью были посланья, с огнем;
к Четыредесятнице жалости нету ни в ком,
твердят ей злорадно: «Вот будет разгром так разгром;
придется, бедняга, убраться из пышных хором».
1199 Еще не прочтя столь язвительного письмеца,
о коем вокруг толковали уже без конца,
струхнула Четыредесятница, спала с лица
и молвила: «Я уповаю на милость Творца!»
1200 Всем издавна ведом образчик житейской науки:
врага не щади, если оный попал тебе в руки;
оставишь в живых — от него будет много докуки,
он сам обречет тебя позже на смертные муки.
1201 Ученый вам скажет: пуглива не только корова,
но всякая женская особь — и это не ново;
мужчина — что камень, а женщина — словно полова;
отважна лишь веприца: с каждым подраться готова.
1202 Отнюдь не похожа на дикую эту свинью
Четыредесятница: шкуру спасая свою,
в путь за море спешно она снаряжает ладью:
«В Иерусалиме я, — дескать, — верней устою».
1203 Она Мясоеда на битву сама вызывала,
как знаете вы, и победу над ним одержала;
зачем с побежденным борьбу начинать ей сначала?
Отказ от борьбы не пятнал ее чести нимало.
1204 К тому же, заметим, уже наступила весна,
у рыб на уме в эту пору отнюдь не война,
без войска Четыредесятница, вовсе одна —
могла ли надеяться вновь на победу она?
1205 В Великую Пятницу постная вышла старушка
в обличье паломницы: скрыта седая макушка
широкою шляпой, на шляпе — морская ракушка;

котомка и посох, корзина, где миска и кружка.
1206 Плащ с теплым подбоем: паломник укроется им
от холода ночью, днем солнцем не будет палим.
Добротная обувь, лепешки... Запасом таким
не может в скитаньях своих пренебречь пилигрим.
1207 Под мышкой держала из тыквы долбленную флягу,
живительную (и в достатке) вмещавшую влагу:
случается и пилигриму попасть в передрягу,
тогда сей припас обернется скитальцу ко благу.
1208 В субботнюю ночь, кончив приготовления эти,
она через стену скакнула, промолвив: «Вы, дети,
меня караулите? Долго живу я на свете,
а опытный перепел не попадается в сети».
1209 Из города выбравшись ловко и скрытно, как тать,
сказала: «Хвастун Мясоед, зря усилий не трать,
к утру в Росасвальесе[189] буду, не думай догнать!»
Ступай себе с богом, тебя мы не будем держать.

О том, как возвратились дон Амур и дон Мясоед и какую устроили им почетную встречу

1210 Вот светлая Пасха пришла, был апрель на исходе,
и солнце горело уже целый день в небосводе,
веселие звонкое вновь возвращая природе;
явления двух повелителей ждали в народе.
1211 Один триумфатор — Амур, а другой — Мясоед;
воспрянули все, кто их ждал и желал им побед,
встречают их трели пичужек, деревьев расцвет,
Амуру приверженцы шлют свой сердечный привет.
1212 Встречать Мясоеда все высыпали мясники
(а также раввины, поскольку они — резники),
ножами приветно звеня; колотили в лотки
торговки вразнос требухой, коим пост не с руки,
1213 Отарщики ждали давно этой славной недели;
пастух в честь властителя гимн заиграл на свирели;
подпаски на дудке подыгрывают и на сопели,
забухал им в такт барабан, бубенцы зазвенели.
1214 Вот над перевалом уж стяг развевается алый,

в середке его вроде агнец красуется малый;
вслед, радостно блея, толпою валят разудалой
козлята, барашки — то шествия было начало.
1215 Вслед — козы с козлами и овцы с баранами, в стаде
скотов было, верно, не меньше, чем мавров в Гранаде;[190]
потом шли коровы, пред ними быки, волы — сзади,
и не было счета упитанной, жирной говяде.
1216 Потом, в колеснице роскошной, сам дон Мясоед,
над ним балдахин: шкуры, кожи, меха — знак побед;
был в полный свой ратный доспех триумфатор одет,
а блеску оружья завидовал солнечный свет.
1217 Тяжелый топор повелитель в деснице держал,
которым он четвероногих валил наповал;
за поясом нож, чтоб вершить до конца ритуал:
он резал им скот, им колол, потрошил, свежевал.
1218 На фартуке белом алели кровавые пятна;
под мышкою козлик упитанный блеял невнятно:
«ме... ме...», но при том, что фальшивил он невероятно,
мелодия эта была Мясоеду приятна.
1219 На голову был поварской нахлобучен колпак,
плащ, с плеч ниспадая, за ним полоскался как стяг;
он сам управлял колесницей; коль заяц-простак
путь пересекал, на него напускал он собак.
1220 А псов провожала владыку бессчетная свора —
одних прихватил для гоньбы, а других для дозора:
ищейки, борзые, овчарки; по знаку сеньора
вынюхивать будут, преследовать, рвать — без разбора.
1221 Имел Мясоед при себе и орудья свои:
веревки и крючья, прилавки, столы и скамьи,
чурбаны, колоды, лохани, корыта, бадьи, —
не ими ль всегда предзастольные вел он бои?
1222 В Кастилии ни городка не нашлось, ни села,
где б встречена холодно та колесница была:
забыв повседневные тяготы, скорби, дела,
народ веселился; трезвонили колокола.
1223 Так кровопролителю, весельчаку и повесе
опять изъявили покорность все грады и веси;
забыт его прежний разгром, он не сбил с него спеси:
уверился вновь триумфатор в своем перевесе.

1224 Занятью излюбленному предаваясь — резне,
он мясом охотно снабжал англичан,[191] наравне
с кастильцами; вскоре ущерб возместил он вполне,
Великим Постом нанесенный мясницкой казне.

Изображение месяца сентября в средневековой рукописи.

О том, как клирики и миряне, монахи и монахини, дамы и хуглары вышли встречать дона Амура

1225 В день Пасхи святой, что с зимою покончила хмурой,
под солнцем сияющим возликовала натура,
и весь род людской — от вельможи и до смолокура —
все вышли встречать долгожданного дона Амура.
1226 Вот праздник для птиц, для крылатой, певучей семьи:
и жаворонки голосистые, и соловьи,
нарядные сойки и серенькие воробьи

владыке Амуру поют славословья своп.
1227 Поля его встретили всходами свеже-зелеными,
деревья — цветущими благоуханными кронами,
мужчины и женщины — парами нежно влюбленными,
игрою и пеньем — мелодиями сладкозвонными.
1228 Без музыки не обойтись, если праздник в разгаре:
визгливость прощал добрый люд мавританской гитаре,
пузатая лютня подыгрывала с нею в паре,
была и гитара латинская тоже в ударе.
1229 Скрипучий рабель выводил высочайшие ноты,
иные любители в них находили красоты;
там слышался звук вигуэлы, там — пение роты,
они с широтою свои рассыпали щедроты.[192]
1230 Там малая пела псалтирь, арфа с ней в унисон,
их звучным бряцаньем поддерживал псалтерион;
они задавали веселью изысканный тон,
а пряность всему придавал бубенцов перезвон.
1231 Любовно приникнув к послушной виоле, смычок
звучанье извлечь из нее разнородное мог:
то весел был голос ее, то печален и строг,
то словно гремел водопад, то журчал ручеек.
1232 Гармониум вдруг разыгрался на старости лет,
у них с тамбурином составился дружный дуэт;
и если один заводил величавый мотет,
другой превращал песнопенье в игривый куплет.
1233 Трубили рожки, и рога, и длиннющие трубы,
у тех голоса были звонки, у тех были грубы,
но люду ликующему были все они любы;
трещотки и бубны восторг вызывали сугубый.
1234 Свистели цевницы — сдружившиеся камышинки,
пищалки и дудки, сработанные по старинке,
раздутые от самомненья гудели волынки;
хуглары заполнили пустоши, площади, рынки.
1235 Встречальные шествия вдоль по дорогам пылят;
весь клир здесь представлен, и высший, и низший разряд;
и служки, и благословляющий паству прелат;
участвует в шествии даже бордонский аббат.[193]
1236 В процессии — бенедектинцы и цистерцианцы;[194]
тайком от святого Франциска[195] пришли францисканцы;

за ними вослед от Клюнийского братства посланцы;
«Придите, восславим!» — выводят певцы-горлодранцы.
1237 Идут ордена: и Алькантара, и Калатрава,
Сантьяго и Госпитальеры — уверенно, браво,
с аббатами, кои блюдут предписанья устава;
они возглашают: «Амуру пресветлому слава!»
1238 Монахи из разных обителей, разных провинций,
отцы-настоятели, иноки и челядинцы
толпами идут: тринитарии и бернардинцы;
«Возрадуемся, возликуем!» — поют августинцы.
1239 Идут из обителей, монастырей и пустынь;
«Осанна, грядущий!» — взывают — «Ты нас не отринь!»,
поют «Присноправный Амур, ждем твоих благостынь!».[196]
И многоголосо в ответ раздается: «Аминь!»
1240 Участвуют в шествии рыцари, лихо гарцуя, —
не столь ладны сами, сколь ладны их кони и сбруя;
их оруженосцы бряцают оружьем, ликуя.
Кастилия вся восхищенно поет: «Аллилуйя!»
1241 Монахини всех орденов тут — кто в темном, кто в белом;
поют сестры юные, вторя игуменьям зрелым,
выводит согласный монашеский хор грешным делом:
«Господь наш, останься при нас! Ждем душою и телом!»
1242 Вот в выси белеет хоругвь, солнцем озарена;
а посередине хоругви изображена,
искусно расшита — державная чудо-жена:[197]
сплошь нити златые, и не разглядеть полотна.
1243 Осыпанная самоцветами, в дивной короне,
с дарами бесценными щедро раскрыты ладони;
и воздух окрестный исполнен таких благовоний,
каких ни в Париже не купите, ни в Барселоне.[198]
1244 А после узрел я того, кто вздымал в своей длани
златую хоругвь, кто причиной сих был ликований.
Как был он одет! Во всей Франции нет таких тканей.
А конь! Нет таких — обыщите хоть десять Испаний.
1245 Властитель соратников верных ведет за собой,
и первыми архипресвитеры валят гурьбой
и дамы, конечно, как может расчислить любой;
во славу Амура поют и кричат вперебой.
1246 Вот вновь дон Амур — государь своих давних владений;

все руки целуют ему, преклоняя колени,
а кто не желает — того обвиняют в измене;
пора тут настала для споров и для словопрений.
1247 Где будет Амур обитать — вот материя спорная;
тягаются белое тут духовенство и черное;
мужской монастырь зазывает — в нем удаль задорная,
дает понять женский, что в нем есть готовность покорная.
1248 Твердят вперебой все монашеские ордена:
«Сеньор, в наш иди монастырь: тут и честь, и казна,
в трапезных и утварь богата, и пища вкусна
и в опочивальнях простор для услад и для сна.
1249 А клирики — ну их! Не переступай их порога:
для празднеств и пиршеств твоих их жилище убого,
властителю жалкая не подобает берлога;
они могут мало, хотя похваляются много.
1250 Они, не посеяв, желают собрать урожай;
тебя не уважат ничем, но кричать будут «дай!»;
ты их зазываниям не уступи невзначай:
владыке приличен дворец, а никак не сарай». —
1251 «Сеньор, — молвят клирики, — сих сторонись изобилий,
о коих монахи все уши тебе протрубили;
пышны их посулы в отличье от скаредной были:
им лишь бы прикладываться — не к мощам, а к бутыли.
1252 Смотри, господин, чтоб тебя монастырь не провел:
в посулах у них пересол, а в делах недосол;
роскошные скатерти, только роскошный ли стол?
Огромный котел, но в нем варится голый мосол». —
1253 «Сеньор, — молвят гордые рыцари, — просим к нам в гости!»
Идальго смеются: «Сеньор, эти мысли отбросьте:
у них за душой ничего, кроме спеси и злости,
играть — мастера: со свинцом их игральные кости.
1254 Затянут в игру вас, и мигом лишитесь казны вы:
на ратных полях неуклюжи и неторопливы,
на поле игорном и ловки они, и ретивы;
не славы взыскуют они, но одной лишь поживы.
1255 Не слушайте их, господин, а пожалуйте к нам».
Монахини шепчут: «У них лишь распутство и срам;
бедны мы, но тихи, скромны, нам претят шум и гам;
к нам просим, — свою непорочность докажем мы вам».

1256 Вот так все его зазывали и ниц пред ним падали,
заискивали, лебезили, вертелись и прядали;
что тут не любовь, а притворство, втолковывать надо ли?
Закаркали вороны — значит, зовут они к падали.
1257 Любовь на уме у них? Нет, — баловство, пустяки:
словесные выверты, вычуры и завитки,
притворные вздохи, гримасы, ухмылки, смешки:
на эти приманки плывут косяком простаки.
1258 «Сеньор дон Амур, — я подумал, — на вашем бы месте
я внял приглашенью монахинь: есть тайные вести, —
в обителях сих больше разных услад и нечестий.
чем были способны придумать все грешники вместе.
1259 Однако властителю, коего люди так ждут,
не место среди перепалок и женских причуд;
прострет он свою благосклонность на весь честный люд;
я первый мечтаю ему предоставить приют».
1260 Увидев, что шествует к нам государь знаменитый
и что не имеет он крова, с душою открытой
я пал на колени пред ним и его пышной свитой
и молвил: «Властитель, к словам моим слух преклони ты!
1261 Славнейший, которого все мы, живущие, чтим,
с младых я ногтей не тобою ли руководим?
Стараюсь я следовать мудрым советам твоим;
так не откажи, в светлый праздник будь гостем моим».
1262 Он внял моей просьбе, хотя быть могло по-иному:
со свитой своей к моему он направился дому,
и не передать, сколько было тут шуму и грому;
по правде, нашествию я удивлен был такому.
1263 Смущало меня то, что с воинством был он огромным;
но мало кто был из воителей этих бездомным;
сказал дон Амур: «Хоть пришелся по нраву сей дом нам,
столь многим гостям будет тесно в жилище столь скромном».
1264 Он молвил: «На этом лугу мне поставьте шатер,
отсюда смогу озирать я бескрайний простор,
дабы на всех любящих мог обратиться мой взор:
пусть радость царит, да исчезнут печаль и раздор!»
1265 И вот, только-только мы трапезу кончили, — глядь,
шатер уж поставлен! — ведь только успели начать!
Не ангельская ли споспешествовала тут рать?

Такие деянья мы, люди, не в силах свершать.
1266 Об этом шатре я хотел бы поведать сейчас;
боюсь одного: не отвлечь бы от трапезы вас;
однако же, как говорится, хороший рассказ
не хуже, чем блюдо, состряпанное на заказ.
1267 Шест белого цвета шатру становым был хребтом;
из мрамора цоколь его восьмигранный; притом
был так самоцветами цоколь осыпан кругом,
что в оном шатре все сверкало, как солнечным днем.
1268 Вершину шеста драгоценный увенчивал камень,
должно быть, рубин это был: он горел словно пламень,
казалось, что солнце другое сияло над нами;
полотнища шелковыми прикреплялись шнурами.
1269 Подробностями докучать — недостанет отваги,
описывать все — и в Толедо не хватит бумаги;[199]
скажу, что творилось внутри, — и хуглару-бедняге
за труд вы, должно быть, плеснете живительной влаги.
1270 Когда бы вошли вы в шатер, то узрели бы в нем
по правую руку очаг, полыхавший огнем,
и стол перед ним — он был тонким накрыт полотном;
трапезовали три сеньора за этим столом.[200]
1271 Хоть вместе за общим столом сидит троица эта,
рядком (меж локтями бы не проскочила монета),
хоть жаром она одного очага и согрета, —
всяк сам по себе, и тому не одна есть примета.
1272 Сидевший правее поспевшим хрустел пастернаком,[201] —
сеньор особливо до этого овоща лаком;
скотину он кормит в хлеву овощами и злаком;
свежи его утра, и свет побеждается мраком.
1273 Он режет бычков и свиней, беспощаден и лют;
при нем собирают орехи, каштаны пекут;
с ним сеет пшеницу, и с ним рубит лес сельский люд,
и сказки старушечьи слушает, кончивши труд.
1274 Второй ел похлебку капустную и солонину;[202]
он пасмурен был и хранил недовольную мину;
иззябнув, на пальцы дышал он и жался к камину,
при этом огню то бока подставляя, то спину.
1275 Он спелые давит оливки — и масла полно,
пригоршнями сыплет он гипс, осветляя вино;

а общее свойство обоих сеньоров одно:
их встретить без теплой одежды весьма мудрено.
1276 Двуликим был, на удивленье, их третий сосед,[203]
уписывал курицу он — записной куроед;
он пробует вина на запах, на вкус и на цвет,
чтоб, в бочки разлито, оно сохраняло букет.
1277 Возводят ограды в полях его верные слуги,
зерно сыпят в ямы, сбирают солому в округе,
посуду и утварь себе мастерят на досуге
и рады, что ходят в овчине они, не в кольчуге.
1278 За первым — второй стол; он так же безмолвен и тих,
за этим столом, как за первым, мы видим троих:
вплотную сидят (волосок не продернешь меж них),
но каждый — отдельно и не задевает других.
1279 Был первый сеньор из тех трех коротышкой;[204] при этом
то с грустью, то с гневом глядел, то с веселым приветом;
плащи травяные лугам раздавал он раздетым;
прощаясь с зимой уходящей, здоровался с летом.
1280 Приказы, что слугам своим отдает он, просты:
срывать прошлогодние с лоз виноградных листы;
должны виноградники прибраны быть, быть чисты,
чтоб осенью не были винные бочки пусты.
1281 Рыхлить виноградник сеньор заставляет второй:[205]
подрезка, отводка — вассалам его не впервой,
он их обучает подвой выбирать и привой.
Людей, птиц, зверей горячит он любовью живой.
1282 Трех бесов сеньор на цепи за собою ведет:
один из них девушек юных — такой греховод! —
щекочет, давая их мыслям дурной оборот,
едва лишь пушистый овес на пригорках взойдет.
1283 Второй из трех демонов сих докучает аббатам;
и архипресвитер, введенный в соблазн супостатом,
становится, стыдно сказать, женолюбцем завзятым,
аббатов же можно и вовсе причесть к пустосвятам.
1284 Из них рассудительного повстречаешь не чаще,
чем белого ворона: глупости им всего слаще;
а бесы подзуживают, и — к их радости вящей —
в обителях женских, мужских — кавардак настоящий.
1285 А третьему бесу не нужен отнюдь богослов,

поскольку он предпочитает вселяться в ослов;
в ослиной башке производит он встряску мозгов:
ослиный до самого августа слышится рев.
1286 Последний сеньор, кто сидит за столом тем богатым,
украшен цветами, медвяным пьянит ароматом;[206]
ветрам с благотворным дождем он доводится братом,
пугливых детей громовым устрашает раскатом.
1287 А там плывут в танце еще трое важных господ,
вплотную друг к дружке (меж них и копье не пройдет);
за первым второй поспешает, но не достает,
а третий труды их совместные движет вперед.
1288 На завтрак у первого овощи с хлебным ломтем,[207]
обедает же он козлятиною с ревенем,
а в полдник — от страха курятник идет ходунам,
на ужин шлет свежую рыбу ему водоем.
1289 От зноя сеньору докука одна и досада,
лишь боль головная — жары ему вовсе не надо,
милей ему горная свежесть, лесная прохлада;
пышнее, наряднее он, чем павлин среди сада.
1290 Второму из этих троих поработать не лень:[208]
умело с серпом управляется, жнет им ячмень
и рис убирает; потеет в полях целый день,
пока не окутает землю вечерняя тень.
1291 В садах черенки приживляет к деревьям плодовым;
пьет свежую воду, приникнув к ручьям родниковым,
питается зеленью, медом питается новым,
и руки его перепачканы соком вишневым.
1292 У третьего хлеб поспевает,[209] и он на гумно
привозит снопы и в амбар засыпает зерно;
с фруктовых деревьев стрясает плоды на рядно;
ослам от слепней, им рожденных, спастись мудрено.
1293 На вертел к нему попадают уже куропатки,
со снегом из горных ущелий привозятся кадки;
скотина в песок мордой тычется, бьется в припадке:
ей в ноздри впиваются мошки, до кровушки падки.
1294 А далее шествуют три земледельца гуськом,
вплотную друг к другу, но держатся особняком;
след в след поспешая, они подступают втроем
к той мете, что служит границей для них, рубежом.

1295 Питается первый созревшим уже виноградом[210]
И спелыми фигами; мерит заботливым взглядом
амбары с зерном и сараи с соломою рядом;
а осень нет-нет и дохнет на него своим хладом.
1296 Снимает все гроздья второй;[211] дружат с ним бочары:
сбивая бочонки, в округе стучат топоры;
орехи сбирает он, скотные чистит дворы
и щедро потом удобряет навозом пары.
1297 А третий обязан давить виноград[212] и день целый
ворочает бочки, как добрые все виноделы;
велит землепашцам пахать, засевать их наделы;
зима зачастую в его залетает пределы.
1298 Признаюсь, подобного я не видал испокон
и зрелищем дивным до крайности был поражен;
воззвал я к властителю, чтобы ответил мне он:
все то, что я вам описал, — это явь или сон?
1299 Могущественный повелитель не стал уклоняться,
ответил одним он куплетом, но смысл, может статься,
поглубже был в нем, чем в ином философском трактатце;
мысль часто выигрывает, коль изложена вкратце:
1300 «Тебе суждено было чести большой удостоиться,
четырежды трех ты увидел — пусть тайна откроется, —
ты зрел череду времен года, где каждая троица —
зима, весна, лето и осень — из месяцев строится».
1301 И много еще в том шатре я увидел чудес;
однако боюсь, как бы ваш не угас интерес
к рассказу: и так чересчур я в подробности влез;
боюсь утомить вас обильным потоком словес.
1302 Как только воздвигнут был великолепный шатер,
на ложе возлег отдохнуть дон Амур, мой сеньор;
восстав, он узрел, что один он, что весь его двор
сбежал: Мясоед пригласил к себе в гости обжор.
1303 Увидев, что он в одиночестве — слуги пропали,
решился спросить (прогневлю властелина едва ли):
где был он так долго, в какие отправился дали?
Со вздохом ответил Амур, был он явно в печали:
1304 «Всю зиму провел я в приветливой Андалусии;
в Севилье и всюду мне почести были такие,
что в этом краю развлекался и ночи, и дни я:

вельможи — и те предо мною склоняли там выи.
1305 В Толедо решил перебраться Великим постом,
надеялся — встречу радушный и теплый прием;
однако вниманья не видел почти что ни в ком,
бубнили там все о возвышенном, постном, святом.
1306 Амура в окрашенный красным дворец запихнули;
явились карги: руки — крюки, а ноги — ходули;
гнусавя молитвы, грозясь, что прибегнут к феруле,
меня чрез ворота Висагры[213] из града турнули.
1307 Не стал заводить я с невежами этими прю
и в поисках крова направился к монастырю;
вид девственниц, преданных требнику и псалтырю,
смутил меня: ну, среди этих совсем захандрю!
1308 Толкнулся в другой монастырь: хоть какая бы щелка
нашлась бесприютному! Но не добился я толка:
водь каждая — постница, праведница, богомолка,
шарахаются от Амура, как овцы от волка.
1309 Есть много на свете людей — поболтать мастера:
витийствует о милосердии эта «сестра»,
а сунься бездомный — прогонит его со двора;
не зря говорят: не ищи в новом месте добра.
1310 В тоске я по городу брел, но взбодрился, узрев,
как много на стогнах его юных женщин и дев;
однако, потупясь, молитвы бубня нараспев,
обрушивали на меня они праведный гнев.
1311 Сердца их для радости и для веселья закрыты;
сие уяснив, я решил перебраться со свитой
на время поста в город Кастро, не столь знаменитый,
но там от хулы и нападок я мог ждать защиты.
1312 Уведомлен я, что тоску разогнал Мясоед,
простыл, мол, святоши-Четыредесятницы след;
теперь в Алькала поспешу,[214] этой вестью согрет,
и сызнова заговорит об Амуре весь свет».
1313 И вправду — назавтра, едва лишь забрезжил восход,
Амур свою поднял дружину и двинул в поход,
оставив меня средь надежд, и тревог, и забот:
сеньор мой поблажки вассалам своим не дает.
1314 Когда бы и где бы Амур ни изволил явиться,
служить ему трудно, будь жрец ты его или жрица:

всем радоваться надлежит, ликовать, веселиться,
ему неугодны ни злые, ни грустные лица.

О том, как архипресвитер просил сводню приискать ему достойный предмет любви

1315 В веселый и радостный день[215] — Фомино воскресенье —
венчальные всюду звучали в церквах песнопенья;
со свадьбы на свадьбу, кто зван, а кто без приглашенья,
шел клир, шли хуглары, почуявшие угощенье.
1316 Вчерашние холостяки, замухрышки невзрачные,
сегодня сияют восторгом: они — новобрачные;
и я вспоминал все попытки свои неудачные:
увы, одинокого мысли преследуют мрачные.
1317 Опять Побегушку позвал, продувную куму,
решившись довериться знаньям ее и уму:
подружку себе не найти мне никак самому,
пусть сводня поможет — так тягостно быть одному!
1318 Старуха ответила: «Есть у меня на примете
вдовица богатая, видная, в самом расцвете;
начну с нею завтра же переговоры я эти,
коль выгорит — знай, ты счастливейшим будешь на свете».
1319 Велел старушенции я: пусть вдовице ввернет
хвалебный стишок, заготовленный мной наперед;
однако же вышла промашка у нас на сей счет:
не слишком потрудишься, малый получишь доход.
1320 Хотя и с усердьем старуха за дело взялась,
плела и вязала, а все ж не наладилась связь;
«Насильно не будешь ведь мил», — так карга, рассердясь,
промолвила. Да, невезучим я был отродясь.

О том, как архипресвитер влюбился в даму, которую увидел за молитвою

1321 Был праздничный день — день святого апостола Марка;[216]
кресты и хоругви на солнце сверкали так ярко,
от гласов весенних мне сделалось томно и жарко,
и тут от судьбы я, помнилось, дождался подарка.
1322 Узрел я красавицу: с набожностью она истой

очей не сводила со статуи Девы Пречистой;
спросил я о ней у старухи своей сноровистой,
жалевшей меня: путь любви для меня — путь тернистый.
1323 Помочь мне старуха взялась, поломавшись слегка:
«Боюсь, — мол, — опять ошибиться, свалять дурака,
как с той марокканкой,[217] недавно мне давшей пинка;
но так уж и быть, постараюсь для мила дружка».
1324 В таких предприятьях не делала сводня оплошки:
вошла как разносчица в дом, у ней были в лукошке
безделицы разные — кольца, браслеты, сережки, —
не встретила ни человека, ни пса и ни кошки.
1325 Старуха слова заготовила первоначальные:
«Сеньора, — сказала, — мы что-то сегодня печальные;
извольте, могу предложить вам простынки двуспальные?» —
«Уррака, — ответила та, — что за речи нахальные?»
1326 Старуха ей: «Дочка, пришла, вам желаючи благ». —
«Лукавишь, Уррака! Зачем мне вступать в новый брак?» —
«Вы судите здраво. Чем с мужем попасться впросак,
умней жить вдовою; но мы обойдемся и так.
1327 Доверьтесь мне, дочка: ведь пользы, скажу я вам вчуже,
в хорошем любовнике больше, чем в плохоньком муже;
пославший меня в вас влюблен как безумный, к тому же
не скажет худого о нем даже сплетник досужий»,
1328 С подарочком или же нет, — я не знал до конца, —
вернулась старуха — таилась в глазах хитреца;
утешного все ж не преминула бросить словца:
«Кто волку отпор не дает, — сам охоч до мясца».
1329 Присловье напомнила про постоянство и мужество:
«Лесная голубка до смерти верна узам дружества,
а женщина, лишь овдовеет, вновь ищет замужества».
И впрямь: некий рыцарь ту даму склонил на супружество.
1330 Понеже у них состоялось уже обручение,
то встреча со мною была ей нужна всего менее;
что делать, — я тоже пошел на сие отречение:
она спасла честь, остерегся и я прегрешения.
1331 Итак, в упованьях своих обманувшись, я вновь
послал за старухой; осклабилась: «Не суесловь!
Терпенье, дружочек, — уж больно кипит в тебе кровь;

подружку найду, с ней познаешь благую любовь».

О том, как Побегушка дала архипресвитеру совет слюбиться с монашенкой и какой при этом меж них произошел разговор

1332 Старуха сказала: «Совет дам, мой друг щедровитый:
в согласье любовное с юной монашкой вступи ты —
и замуж не выйдет, и все будет шито да крыто,
любиться вы можете с ней без помех и досыта,
1333 Бывала я в монастырях, там жила десять лет;
и то, что их там навещают дружки — не секрет;
а как они стряпают, — можешь обрыскать весь свет,
нигде таких вкусностей, лакомств и сладостей нет.
1334 В ходу там варенья, настойки, а также бальзамы,
нуждаются в коих порою мужчины и дамы:
к примеру, отвар из моркови — дешевый он самый, —
сим средством всех лечим от многих недугов всегда мы.
1335 Есть более тонкие средства, и тут идут в ход
цветы, листья, корни и ягоды разных пород:
имбирь, валерьяна, гвоздика, тмин, розовый мед,
с которого сей начинать полагалось бы счет.
1336 Умеют там делать крупинки, облатки, пастилки,
от коих мужчины в любови особенно пылки,
от коих в миг должный у дамы слабеют поджилки,
от коих жеребчик поскачет резвей на кобылке.
1337 Недуг прогоняем ли мы, разжигаем ли страсть,
в лекарстве должна быть не польза одна, но и сласть;
так сахар — куском, порошком — надо в снадобья класть,
цветочный же сахар придаст им особую власть.
1338 В Валенсии, ни в Монпелье, ниже в Александрии[218]
не знают тех снадобий, ведомы там каковые;
премногие дамы, девицы, мужчины младые
с их помощью сладость любви ощутили впервые.
1339 Я, архипресвитер, достаточно искушена:
отведавших «торо»[219] мутит от простого вина;
я там как сыр в шасле каталась, а нынче — бедна;
кому не по вкусу монашки, тому грош цена.
1340 Коль слюбишься с дамой — тут дрязги, и сплетни, и слухи;

а те не трещат, не ворчат, не бывают не в духе;
у всех монастырок — до самой последней стряпухи —
в любовных делах никогда не бывает порухи.
1341 Красавицы писаные чуть не все, на мой взгляд;
они благородны, щедры, не солгут, не схитрят,
во всем знают меру, меж ними всегда мир и лад,
такая возлюбленная для влюбленного — клад.
1342 А их постоянство в любви — это дар их особый,
тут будешь спокоен, не то что со светской особой;
с монашенкой лучше в сто раз, чем с другою зазнобой;
да что мне тебе говорить — вот возьми и попробуй!»
1343 Я ей говорю: «Побегушка, слова твои — мед,
но как отыщу я в обитель блаженную вход?»
Она мне: «Дай срок, я избавлю тебя от хлопот:
кто невод умеет плести — и тенета сплетет».
1344 К знакомой монахине в гости старуха пошла,
и с ней, мол, была та монашка отменно мила;
«Ну, как поживаешь, — спросила она, — как дела?» —
«Как я поживаю, сеньора? Кручусь, как юла.
1345 Есть архипресвитер один, славный малый, без спора,
он ждет, трепеща, благосклонного вашего взора
и мнит, что ему в уповании сем я опора;
от кельи своей вы его не гоните, сеньора».
1346 А донья Гароса[220] на это ответила: «Что ж,
послал тебя сам?» — «Нет, от робости бьет его дрожь;
забочусь о вас, не о нем: малый больно хорош,
второго такого, пожалуй, теперь не найдешь».
1347 Отнюдь не была сладострастницей дама сия,
явила она здравомыслие, тонкость чутья
и молвила: «Не ухищряйся! Уверена я,
вползла в мою келью ты, как к селянину змея.

Пример о селянине и змее[221]

1348 Жил-был селянин, мягкосерд и чуть-чуть простоват;
в январское вьюжное утро он вышел в свой сад,
под древом змееныша вдруг различил его взгляд,
и жалость внушил добряку замерзающий гад.

1349 Была вся земля пеленою укутана белой,
а ветер крепчал, сыпал снег, стужа все свирепела;
несчастная змейка почти уже окоченела,
и муж милосердный решил сделать доброе дело.
1350 Взяв змейку полою плаща, он принес ее в дом,
ее отогрел перед жарко пылавшим огнем;
змея ожила, поползла и, сыскавши потом
щель близ очага, водворилась в убежище сем.
1351 Добряк стал кормить свою гостью: делился он с ней
и хлебом, и млеком, и прочею пищей своей;
змее рацион пошел впрок, и с течением дней
глядь — вырос из змейки-заморыша подлинный змей.
1352 Но вот о весне возвестили уже птичьи трели
и стало тепло, позади холода и метели;
откормленный, пышущий злобой, змей вылез из щели,
и ядом наполнился дом, столь приветный доселе.
1353 Сказал селянин постояльцу: «Ступай-ка ты вон,
зачем отравляешь ты дом мой?» Змей был разъярен,
с шипеньем накинулся на благодетеля он,
обвился вкруг шеи, сдавил!.. Вот какой компаньон!
1354 Что ж, неблагодарность есть свойство, присущее гадам;
однако и люди порою за мед платят ядом:
иные охочи вредить тем, кто близко, кто рядом;
не с целью такою ль явилась и ты ко мне на дом?
1355 В тебе благодарности тоже не вижу ничуть:
ты нищей, бездомной была, не безгрешной отнюдь,
тогда здесь нашла ты приют; ты же хочешь столкнуть
ту, кто поддержала тебя, на погибельный путь».
1356 Ответила сводня: «Зачем вы бранитесь, сеньора?
Являлась с подарками встарь — не слыхала укора,
с пустыми руками пришла — гонят прочь; что ж, коль скоро
борзая состарилась, надобно звать живодера.

Пример о борзой, и ее хозяине[222]

1357 Была у охотника добрая псовая стая,
из коей особо одна отличалась борзая:
грудь, лапы, клыки!.. И покуда была молодая,

за зайцами мчалась как вихрь, дичь легко настигая.
1358 Уж если сеньор с ней охотился, то не впустую:
хоть малую дичь, а добудет, но чаще — большую;
довольный хозяин нахваливал чудо-борзую
и перед соседями хвастался напропалую.
1359 Но старость подкралась, увы, как ко всем, и к борзой:
и выпали зубы, и резвости нету былой;
охотились как-то, вдруг заяц мелькнул стороной...
Схватила, да выпустила, и умчался косой.
1360 Сеньор обозленный прибег без стесненья к хлысту;
собака скулила: «Сносить это невмоготу!
Давно ль он меня так хвалил: молодчина! ату! —
состарившись, вижу людскую я недоброту.
1361 Будь я молода, заяц не был бы так сноровист:
завидя меня вдалеке, дичь дрожала как лист;
встарь слышала я похвалы, одобрительный свист,
а нынче хозяйский свистит по спине моей хлыст».
1362 Все любят лишь сильных да юных, за ними успех,
за стыд почитается слабость, а старость за грех;
меж тем я замечу, хоть, может быть, вызову смех,
разумные старцы нужней молодых неумех.
1363 И тот, кто во всем отдает молодым предпочтенье,
а к старым являет обидное пренебреженье,
глупец и невежда: питать надлежит уваженье
к тем, кто в старину был примером усердья п рвенья.
1364 Корыстен наш мир, таково, знать, веленье природы;
коль выгодна дружба, она длится годы и годы:
ты — мне, я — тебе; все придерживаются методы —
не стоит дружить, если дружба не множит доходы.
1365 Уменье дарить всех важнее искусств и наук:
приносишь подарки — и любят тебя все вокруг;
приходишь ни с чем — и неласков ближайший твой друг;
дар нынешний ценят, но давних не ценят заслуг.
1366 Былого добра в наше время никто не вспомянет;
кто служит дурному сеньору, в ничтожество канет:
пока ноги носят — хорош, а как старость настанет,
оглянешься, нет ни друзей у тебя, ни угла нет.
1367 Сеньора, старалась я в прежние дни ради вас,
служу я вам верно и преданно и на сей раз;

однако за то, что пришла без подарка сейчас,
вы сердитесь — то ли воистину, то ль напоказ».
1368 Монахиня молвила: «Может быть, я неправа,
но надо признаться, что впрямь рассердилась сперва,
с досады и вырвались резкие слишком слова;
теперь-то поверила я, что тут нет плутовства.
1369 Да, ты мне служила, но все ж ты немного плутовка;
боялась я: вдруг тут обман, ухищренье, уловка.
Ты знаешь, как в город пришла как-то мышка-полевка?
Послушай — и кончим наш спор, моя божья коровка.

Изображение месяца октября в средневековой рукописи.

Пример о мыши монферрандской и мыши гвадалахарской[223]

1370 В село Монферрандо на сельскую ярмарку летом
раз гвадалахарская мышь заявилась с рассветом;
полевка радушная встретила гостью с приветом,

горошину ей на обед предложила при этом.
1371 Они за обедом свои обсуждали дела,
за трапезой скромной беседа привольно текла,
им радостной встречи не портила скудость стола,
и мышь городская довольна приемом была.
1372 Обед деревенский сдружил и сплотил эту пару:
беседа была столь живой, столь исполненной жару!
И гостья хозяйку зовет к себе в Гвадалахару,
во вторник — дабы сей визит приурочить к базару.
1373 Мышь гвадалахарская гостью в кладовке встречала:
закуски она подала поселянке сначала —
и хлеб тут печеный, и сыр, и свежайшее сало;
таких разносолов полевка еще не едала.
1374 Мукой, до которой все мыши охочи особо,
полевку вконец потрясла городская особа;
от запахов этих и мертвый восстал бы из гроба;
взыграл дух у гостьи и возликовала утроба.
1375 Сидели за трапезой, кушаний было не счесть,
и сельская жительница отдавала им честь;
журчали застольные речи — о чем? Да бог весть!
Что может быть в жизни приятней, чем вкусно поесть?
1376 Вдруг скрипнула дверь: заглянула хозяйка в кладовку —
взять то ли бобов, то ли луковку, то ли морковку;
домовая мышь, проявив быстроту и сноровку,
шмыг в норку свою, без укрытия бросив полевку.
1377 Увидев, что мышка-норушка была такова,
полевка за ней в ее норку метнулась сперва,
но видит — нет места: «Пропала моя голова!» —
забилась она в уголок, ни жива, ни мертва.
1378 В углу она вся на виду, и могло быть ей худо,
однако ж сошло: дверь закрылась — воистину чудо;
норушка выходит: «Продолжим! Сейчас из-под спуда
достану я мед — это самое сладкое блюдо».
1379 Полевка подруге в ответ: «Да меня всю трясет,
от страха сладчайший кусок не полезет мне в рот;
прости, но бежать от твоих мне придется щедрот:
напуганному горше желчи покажется мед.
1380 Напуганный — он ест урывками, ест второпях,
не зря о таком говорится: от страха исчах;

когда над тобой повседневный господствует страх,
не чувствуешь сладости ты в сахарах и медах.
1381 Мне дорог покой: предпочту до последнего вздоха
не есть вообще ничегошеньки, кроме гороха,
чем лакомиться, и дрожать, и ждать переполоха;
что в страхе проглочено, то переварится плохо.
1382 Сюда б не пришла, кабы знала я все наперед:
дом — полная чаша, но много, должно быть, господ,
опасность грозит отовсюду. А если вдруг — кот?
Он сразу накинется, не церемонясь, сожрет.
1383 Спешу. Все никак мне в себя не прийти от испуга;
и вправду, богато и сытно живешь ты, подруга,
однако моя хоть тесна и невзрачна лачуга,
там нет ни людей, ни котов: дышит миром округа».
1384 Коль должен бояться богатый — богатство не впрок,
а бедный доволен, когда от боязни далек;
богач неимущ: он от страха совсем изнемог,
бедняк же богат: он живет без забот и тревог.
1385 Милей мне жить в келье и рыбой питаться соленой,
часы проводя за молитвой, в беседе ученой,
чем жареных есть куропаток и взвар пить сычёный,
но слепо шагать по тропинке, грехами мощенной». —
1386 «Сеньора, — сказала старуха, — ваш суд слишком скор:
дают вам сокровище, это, по-вашему, — сор;
позвольте напомнить историю, вам не в укор,
о том петухе, о ком память жива с давних пор.

Пример о петухе, нашедшем сапфир в мусорной куче[224]

1387 Однажды с усердьем петух рылся в мусорной куче
и выкопал вдруг из нее своей шпорой колючей
граненый сапфир, — глупой птице такой выпал случай;
с досадой промолвил петух: «Экий я невезучий!
1388 Добро бы нашел виноградину или зерно —
я их проглотил бы, а с этим что делать? Чудно!»
Сапфир усмехнулся: «Глупец, ты умеешь одно —
глотать, а о большем помыслить тебе не дано.
1389 Невежде я отдан зловредной судьбой на расправу,

случись же не так, попади к знатоку я по праву,
меня б он отмыл, в драгоценную вставил оправу,
и, радуя взоры, обрел бы я должную славу».
1390 Случается — есть у кого-то бесценная книга,
но втуне лежит: ему чтенье — тяжелое иго;
иной над какою-то вещью дрожит, как сквалыга,
однако она не услада ему, а верига.
1391 Иному пошлет Бог удачу, но слаб его дух:
схватить бы фортуну, а он, ротозей, ловит мух,
ему бы увидеть, услышать, а он слеп и глух,
такой человек — он как тот неразумный петух.
1392 Сеньора, и вы из таких же, как я посмотрю:
вы слепо и глухо привержены монастырю;
о юности, о воздыхателе вам говорю,
а вам бы молиться, поститься по календарю.
1393 С еды монастырской — капусты, соленых сардин —
тоскуете, злитесь; зачем отреклись без причин
от милого, от каплунов, куропаток и вин?
Ах, бедные девы, невесело жить без мужчин!
1394 Да, много лишений вам выпало, много страданий:
есть скудную пищу, ходить в грубошерстной сутане;
а с милым — довольство и всех исполненье желаний
и яства изысканные, и малинские ткани».[225]
1395 Ей донья Гароса: «С сим нынче покончим предметом;
уж раз мне тебя не спровадить решительным нетом,
изволь, соглашаюсь еще поразмыслить об этом;
ступай же, а завтра ко мне приходи за ответом».
1396 Назавтра — как велено — утром, чуть не на заре,
была старушенция на монастырском дворе;
но келья пуста: месса ранняя в монастыре.
«Ох, вечно, сеньора, вы в требнике иль в псалтыре.
1397 Живете, псалмы распевая, молитвы бубня;
гляжу, чем вы заняты на протяжении дня:
ни игр нет, ни смеха, пустая одна хлопотня;
нет, правильно судит мужчина, приславший меня:
1398 «Десяток гусей гоготаньем своим у пруда
способен легко заглушить все в округе стада».
Зачем гоготать? Месса кончилась; что за беда,
коль явится некто для мирной беседы сюда?»

1399 Монахиня, мессу отпев, спешит к келейке тесной,
монах убыстряет шаги к монастырской трапезной:
монахиня ждет — что-то друг ей промолвит любезный,
монах почитает еду службой душеполезной.
1400 «Сеньора, — лукаво сказала моя старушонка, —
я словно осел, а вы словно игрунья-болонка:
о них стародавняя вспомнилась мне побасёнка;
мне будет наградой, когда рассмеетесь вы звонко.

Пример об осле и болонке[226]

1401 Болонка, резвясь, наполняя весельем весь дом,
лизала хозяйкины руки, виляла хвостом,
вставала на задние лапки — и так день за днем
она проводила в занятии этом простом.
1402 Любимицей у домочадцев собачка была,
а гости лишь ахали: «Ах, как резва! Как мила!» —
и лакомые ей давали куски со стола;
весьма удивляло сие дуралея-осла.
1403 Осел был глупцом, в обращении не был он тонок;
«Ишь, — он проворчал, — тут не надобно много силенок:
попляшет собачка, поспит, позевает спросонок;
осел-то в хозяйстве полезней, чем сотня болонок.
1404 Кто возит дрова да муку? По капризу судьбы
трудяги ослы — на господ мы весь день гнем горбы;
случись все иначе, да ежели бы, да кабы —
не хуже нее станцевал бы я, встав на дыбы».
1405 Осел был скотиною глупой и вместе нахальной,
сие совмещение — случай особо печальный;
взревев, он помчался из стойла, а путь был недальний:
ушастый протиснулся в двери хозяйкиной спальной.
1406 Мохнатою мордой он к спящей хозяйке приник;
сеньора проснулась, осла увидала и — в крик;
тут слуги сбежались — кто с камнем, кто с палкой, — и вмиг
избитый был в стойло свое водворен бунтовщик.
1407 Урок здесь преподан такой, мое милое чадо:
в то дело, в котором не смыслишь, соваться не надо,
способностей если к чему не имеешь ты смлада,

ты в это не лезь, иль тебе же и выйдет досада.
1408 Когда дуралей из намерений самых благих
начнет опекать, обихаживать ближних своих,
те мыслят: не впору напал на него этот стих,
уж лучше бы угомонился болван и затих.
1409 Коль скоро уж по неразумию — будь я неладна! —
сеньору намедни я перепугала изрядно,
то, думаю, вам на меня и смотреть-то досадно;
спросить не дерзну, но решения ждать буду жадно». —
1410 «Старуха, — монашка в ответ, — со вчерашнего дня
пытаешься ты, так иль этак, сбить с толку меня;
надеялась я уклониться, молчанье храня,
но очень уж мне докучает твоя болтовня.
1411 Меня совратить, полагаешь, тебе по плечу?
Быть может, тебя, моя старая, я огорчу,
однако слова, что лисица сказала врачу
по поводу сердца, в пример привести я хочу.

Пример о лисице, которая повадилась воровать кур в деревне[227]

1412 Деревню одну от пришельцев стена ограждала,
однако к курятникам тропку лиса протоптала;
куриному роду она навредила немало,
зато — что ни ночка — бывала сыта до отвала.
1413 Решили селяне поймать лиходейку на деле:
закрыли ворота, заткнули все окна и щели;
поняв, что попалась, сказала кума: «Неужели
грозит мне расплата за сытные эти недели?»
1414 Добравшись до запертых наглухо сельских ворот,
лисица прикинулась мертвой: оскаленный рот,
сведенные лапы, невидящий взор... И народ
был рад: как веревка ни вейся, конец ей придет.
1415 Башмачник, увидевши кумушку окоченелую,
сказал: «Ну и хвост! Из него ремешков я наделаю,
завязок для туфель нарядных на дюжину целую!» —
оставил он куцей разбойницу заматерелую.
1416 Цирюльник потом подошел; он подумал слегка

и молвил: «Нужны лисьи зубы мне для порошка
от боли зубной»; и, поскольку набита рука,
он вырвал из пасти лисы все четыре клыка.
1417 Старуха потом подошла, в чей курятник как раз
в минувшую ночку проделала кумушка лаз.
«Вот средство от сглаза, — сказала, — ну как на заказ!»
И не без усилья у кумушки вырвала глаз.
1418 И лекарь потом подошел, вскоре после старухи:
«Вот уши! Искал я чего-нибудь в этаком духе:
целебный отвар выйдет от воспаления в ухе», —
отрезал он ушки от тушки лукавой рыжухи.
1419 Подумав, ученый добавил: «Рецепт есть простой
от слабости сердца: из лисьего сердца настой».
Но тут возопила калека: «Ах, изверг, постой!» —
вскочила и мигом шмыгнула в проулок пустой.
1420 Вот так, говорю, всякий многие стерпит лишенья,
любые печали снесет и любые мученья,
но сердце (и жизнь) не отдаст он в чужое владенье:
того, что утрачено, не возвратят сокрушенья.
1421 Поступки свои человек, наделенный умом,
рассчитывает, чтобы не сокрушаться потом;
и, видя, какие расставлены сети кругом,
обязан заботиться он о спасенье своем.
1422 Когда удается мужчине с дороги прямой
сбить женщину, — тут же ее покидает покой:
Господь отвергает ее, приговор же людской
лишает и славы, и чести, и жизни самой.
1423 Во мне расшатать ты духовную тщишься основу,
и заповедь ты подстрекаешь нарушить Христову;
старанья напрасны: ступай подобру-поздорову,
не то по заслугам получишь — верь честному слову».
1424 Старуха струхнула, услышав такие слова:
«Сеньора, не гневайтесь! Может, я в чем не права,
но знайте, служить вам готова покуда жива,
а вдруг пригожусь: случай был, когда мышь спасла льва.

Пример о льве и мыши[228]

1425 В прохладной пещере, сокрытой в чащобе дремучей,
спал послеобеденным сном лев, владыка могучий,
а мыши, которым удобный представился случай,
резвились, набившись в то логово целою кучей.
1426 Шум льва разбудил. Кто нарушил блаженную тишь?
Разгневанный лев ухватил одну дерзкую мышь;
Та пискнула: «Если, сеньор, ты меня умертвишь,
какой тебе с этого будет — подумай — барыш?
1427 Коль слабое, жалкое, маленькое существо
убьешь, — не прибавишь ты к славе своей ничего;
напротив — ужель не уронит сие торжество
достоинства всеустрашающего твоего?
1428 Все любят одерживать верх, только много ли славы
от тех одолений, где были противники слабы?
Победа над сильным тебя возвеличить могла бы,
к победе над слабым подходит названье расправы».
1429 Горячею речью смогла убедить она льва,
и когти разжал он, прочувствовав мышьи слова;
на радостях мышь дала клятву: покуда жива,
служанкой останется льву, — и была такова.
1430 Мышь в норку шмыгнула, а льву предстояла охота;
но, дичь промышляя, как видно, отвлекся он что-то
и в сети попал; столь прочна была эта работа,
что лев-исполин разорвать был не в силах тенета.
1431 Донесся отчаянный рев до мышиной норы,
и мышь прибежала: «Сеньор, не горюй до поры:
увидишь, что зубы мои хоть малы, да остры,
я сеть прогрызу, чтобы начал ты с малой дыры,
1432 а там пустишь в ход свою силу — к благому исходу,
тебе не в пример, я бессильна, но славлю природу,
мне давшую острые зубы: осилим невзгоду.
Ты жизнь подарил мне; тебе возвращу я свободу».
1433 Послушай, богач и вельможа, чья власть велика, —
не надо на простолюдина смотреть свысока:
оступишься вдруг — кабы чья поддержала рука! —
тут рад будешь помощи немощного бедняка.
1434 Случается так, что ничтожное с виду созданье
способно на многое, стоит большого вниманья:
ни силы, ни власти, ни знатности, ни состоянья,

зато есть искусство и опыт, есть ум и познанья».
1435 Сеньоре понравилась эта разумная речь:
«Не бойся, старушка, — она ей ответила встречь, —
не мнила рассориться, словом обидным обжечь,
но знай, — я хочу от обмана себя уберечь.
1436 Не верю я льстивым подходам по веской причине:
их сладость нередко становится горше полыни;
примеров есть много, из коих напомню я ныне
историю с хитрой лисой и вороной-разиней.

Пример о лисе и вороне[229]

1437 Бежала голодная кумушка через лесок,
вдруг видит ворону: взмостясь на высокий сучок,
та в клюве своем держит сыру изрядный кусок;
лисица ей молвит — как мед был ее голосок:
1438 «Любуюсь, ворона, твоей красотою и статью;
и с лебедем, и с попугаем, со всей птичьей знатью
сравнение выдержишь, по моему ты понятью,
а голосом ты превосходишь всю певчую братью.
1439 Сегодня мне грустно, прошу, эту грусть ты развей;
ни жаворонок, и ни дрозд, и ни сам соловей
утешить не смогут, — лишь ты бодрой песнью своей
мне радость былую сумеешь вернуть, ей-же-ей!»
1440 Расписывала так цветисто вороне лисица,
как карканьем хриплым мечтает она насладиться
и сколь мелодичней оно, чем свирель и цевница, —
и лести бесстыдной поверила глупая птица.
1441 Ворона решила запеть, клюв раскрыла широко,
сыр выпал, лисой был подхвачен в мгновение ока;
из этого грех не извлечь и нам, людям, урока:
поглубже вникать, какова у похвал подоплека.
1442 Притворные слушать хвалы — невеликая честь,
тщеславью служа, вредоносна и пагубна лесть;
иной возомнит, что он вовсе не то, что он есть:
так пугало за виноградаря могут почесть,
1443 Нет, я не поддамся: хоть речь твоя приторно льстива,
но сладость начальная горечью сменится живо;

греховного я твоего не приемлю призыва:
монахиня падшая — это что сгнившая слива». —
1444 «Сеньора, — сказала старуха, — пугаться не след:
тот, кто в вас влюблен, не поступит ни в чем вам во вред;
монахинь, как зайцев, любой незнакомый предмет
пугает, хотя никакой в нем опасности нет.

Пример о зайцах[230]

1445 Зайчата соскучились прыгать по ближнему лугу
и в лес побежали, оставив родную округу;
глядь — озеро, и в тростниках крики, вопли… С испугу
прижались дрожащие зайцы вплотную друг к другу.
1446 Зайчишки кумекают: то ли назад им дать ходу,
то ль спрятаться в ямку какую, не то под колоду...
И тут увидали — такого не видели сроду, —
как в страхе лягушки от зайцев попрыгали в воду.
1447 Один из зайчишек сородичам молвил своим:
«Не только мы, зайцы, все время от страха дрожим,
знакома боязнь, как мы видим, и тварям другим:
лягушки внушили нам страх, страх внушили мы — им.
1448 Мы робки чрезмерно, чрезмерно трусливы мы, братцы,
нам надо держаться храбрее и зря не пугаться,
от недругов выдуманных наутек не пускаться:
ведь прежде, чем в колокол бухать, глядеть надо в святцы».
1449 Как ветром оттуда их сдуло, зайчат-дурачин.
Из этой истории вывод есть только один:
бояться не следует, если на то нет причин;
жить в страхе всегдашнем — что проку от долгих годин?
1450 Несчастлив, кто страхом единственно руководим,
а мужественный и уверенный — неуязвим;
в сражении гибнет скорей трус, вопящий «бежим!»,
чем тот, кто бросается в бой с кличем: «Мы победим!»
1451 Пример сей для вас и для прочих монахинь годится:
ведь ваша сестра все дрожит, все чего-то боится;
случится разок честной девушке вдруг оступиться —
и эта девица для вас все равно что блудница.
1452 А я полагаю так, доченька: проще живи —

и выбери друга, благой не чуждайся любви,
а сплетничать станут — намеки ты их оборви
и смело скажи: „Боже, грешников благослови!”» —
1453 «Старуха, — сказала монахиня, — ты словно бес,
который к отпетому вору в советчики влез,
отправил на виселицу и бесследно исчез;
иль хочешь навлечь на меня ты проклятье небес?

Пример о воре, продавшем душу дьяволу[231]

1454 В державе одной развелось много скверных людишек,
и судьям король приказал сократить сей излишек,
ловить и на смерть осуждать всех воров и воришек:
да скажут, что порчу каленым железом он выжег.
1455 Один из воров сокрушался: «И вправду я трушу:
недавно пришлось ублажить крючкотвора-чинушу,
расставшись с ушами; теперь — лишь закон я нарушу,
судья-лиходей меня вздернет за милую душу».
1456 Хотел уж оставить свое ремесло этот вор,
но дьявол, давно устремивший на оного взор,
явился к нему, подписать предложил договор —
чтоб вор воровал безбоязненно, как до сих пор.
1457 Во всем обещал помогать ему бес! «Что ж, пожалуй!» —
поддавшись на удочку опытного надувалы,
с нечистым вступил в соглашенье отчаянный малый
и тут же ограбил богатую лавку менялы.
1458 Поймали молодчика и посадили в тюрьму;
оттуда воззвал к покровителю он своему,
и друг вредоносный немедля явился к нему;
«Небось, не казнят, — он промолвил, — я меры приму.
1459 Послушай, приятель: когда приведут тебя в суд,
сунь руку за пазуху и подмигни, там поймут:
судья — свойский малый, он тоже порядочный плут,
подмажешь его, не особенно будет он крут».
1460 Вор понял, что и правосудье готово к уступкам,
что зиждется истина на основании хрупком;
судью одарил золотым он с чеканкою кубком,
а тот, думать надо, сие счел достойным поступком.

1461 Вор молча подарок вручил, молча принял судья;
как суд начался, громогласно изрек он: «Друзья!
должны от воров мы очистить родные края,
но тут — нет улик, и велю отпустить его я».
1462 Так вор был оправдан и освобожден из-под стражи.
С тех пор совершал он все более дерзкие кражи;
хватали не раз, повторялась история та же,
и белым как снег выходил тот, кто был черней сажи.
1463 Шло время; нечистому духу давно уж наскучило,
что все еще небо коптит и коптит это чучело.
Вот друга вор снова зовет: правосудье прищучило.
«Дай взятку!» — рек дьявол, подумав: «Ах, чтоб тебя скрючило!»
1464 Вор вновь пред судьей; прибегая к привычной уловке,
за пазуху лезет. Судья в предвкушенье обновки;
но вор вынимает... обрывок пеньковой веревки.
Судья взбеленился: не ждал он подобной издевки.
1465 «Повесить!» — безжалостный был на сей раз приговор.
Когда повели, «Что ж ты, друг, не помог?» — крикнул вор.
И дьявол предстал: «Ты, приятель, и смел и хитер,
зачем допустил, чтоб с поличным тебя взял дозор?
1466 Я буду с тобою; как только монах и монашка
молитву прочтут (а ее мне выслушивать тяжко),
лишь кликни: «Хватай меня!» Не опасайся, дурашка,
ступай за танцмейстером этим послушней барашка».
1467 Когда же на лобное место вор был приведен,
«Эй, друг, меня вешают!» — крикнул в отчаянье он;
нечистый явился: «Ну, что же, не трусь, охламон, —
сказал, — не оставлю тебя до скончанья времен.
1468 Не бойся, спокойно дай вздернуть себя, человече,
а я за тобой присмотрю, буду здесь, недалече;
лишь только повесят, ногами упрись в мои плечи,
как делали все твои — коим нет счета — предтечи».
1469 Палач с подмастерьями дело сработали споро,
потом удалились, качаться оставивши вора;
и два гнусных друга на том гнусном месте позора
имели теперь пропасть времени для разговора.
1470 «Однако, тяжел ты, приятель, — нечистый кряхтел, —
и то сказать, много висит на тебе грязных дел».
А висельник молвил: «Не этого ль сам ты хотел?

Ведь я лишь с поддержкой твоей был так дерзок и смел».
1471 Бес молвил: «Не ты один, многие так-то повисли;
ты лучше, приятель, теперь собери свои мысли,
оттуда все видно отлично: вокруг, вверх ли, вниз ли;
в подробностях все, что увидишь ты, мне перечисли». —
1472 «Клянусь, — молвил висельник, — не доводилось мне ране
увидеть картину гнуснее, мерзее, поганей;
куда ни взгляну — ничего, кроме гнили и дряни:
тут — сбитые ноги твои, а вон там — куча рвани;
1473 Гора башмаков — старых, грязных, разбитых, вонючих,
великое множество кошек — хитрюг невезучих
висит на когтях твоих загнутых, будто на крючьях...»
Бес молвил: «Прочел ты рассказ о своих злополучьях.
1474 Те крючья — уловки, которыми я соблазнил
великое множество душ, их к себе заманил,
как кошек; притом горы обуви я износил,
весь пообтрепался, стер ноги, потратил тьму сил».
1475 Окончивши речь, растворился бес в воздухе вдруг,
остался качаться на виселице его друг.
Поверишь нечистому — глядь, и попался на крюк:
вот так сатана умножает число своих слуг.
1476 Нет, дружба с нечистым опаснее лютой вражды;
кто с дьяволом свяжется, тот не избудет нужды;
зловредное древо приносит дурные плоды.
Чего от неверных друзей ждать? Лишь верной беды.
1477 В сужденье моем никаких нет особых открытий:
как я убеждаюсь, наш мир из гнилых соткан нитей;
счастливчик друзьями изнежен, полны они прыти,
а вот неудачник напрасно кричит: «Помогите!»
1478 Неискренний друг уверяет, что ты ему дорог,
но если попросишь помочь, он придумает сорок
различных уловок, уверток, причин, отговорок;
он слеп в дни твоих неудач, в дни удач твоих — зорок.
1479 Дающий дурные советы — не друг, а злодей;
пусть в дружбе клянется, — он враг твой заклятый скорей,
врага распознать под личиною друга умей.
Избави нас, боже, от лживых, фальшивых друзей!» —
1480 «Вы знаете тьму подходящих историй, нет спора, —
старуха в ответ, — есть сомненья у вас; но, сеньора,

не лучше ль до честного с ним снизойти разговора,
чем тратить в беседе со мной столько сил для отпора?» —
1481 «Боюсь, ты, старуха, в ловушку меня завлечешь,
как вора нечистый; боюсь, что слова твои — ложь:
его в мою келью введешь, за ним двери замкнешь —
и вот уж потеряна честь! Даже бросило в дрожь». —
1482 «Сеньора, вы что? — не замедлила сводня с ответом. —
Иль каждого смертного мните лжецом вы отпетым?
Клянусь, что свидетельницей я останусь при этом,
а коль обману вас — пусть проклята буду всем светом». —
1483 «А вдруг, — молвит донья Гароса, — меня тут морочат?
Мужчину позвать — это женщину вмиг опорочит;
пусть скажет твой архипресвитер: чего же он хочет?»
Старуха ей: «Птичка молчит — как поймешь, что пророчит?»
1484 Монашенка молвила: «Верно, уж несколько лет
ты архипресвитера знаешь; пролей же мне свет,
его опиши, не тая всех наружных примет,
да ты не шути, на вопрос дай мне честный ответ».

О наружности архипресвитера

1485 Старуха ответила: «Да, мы с ним видимся часто;
мужчина он рослый и видный, таких — один на сто.
Он черноволосый, с большой головою, лобастый,
с короткою шеей и, надо признаться, ушастый.
1486 Достойно, уверенно держится он, грудь вперед;
широкие плечи, рукою подкову согнет;
румяные губы, красиво очерченный рот;
черны словно уголь широкие брови вразлет.
1487 Могу с трубным гласом сравнить я его голосину;
нога мускулиста, ступня же мала; не премину
сказать, что он ходит вальяжно, подобно павлину;
вот нос длинноват, это несколько портит картину.
1488 Смышлены и живы его темно-карие глазки;
нрав легкий, веселый; доверьтесь ему без опаски.
Таков он на вид; может, более яркие краски
откроются вам, коль ему не откажете в ласке.
1489 Молодчик в соку по здоровью он и по годам;

играет и песни поет в прославление дам;
нет в мире мужчины, — любую присягу я дам, —
чтоб так был, как он, подходящим по всем вам статьям».
1490 Старуха моя убеждала монахиню с жаром,
трудясь мне на пользу и, как вам понятно, не даром:
«Сеньора, столь ценным не стоит бросаться товаром,
сам Бог вам велит загореться любовным пожаром!
1491 Монахини сдержанны, ушки у них на макушке,
а пылким священникам любы резвушки-вострушки;
все плавать хотят, те — как рыбы, а те — как лягушки...
Кто долго постился, тот рад и засохшей горбушке».
1492 Ей донья Гароса: «Подумаю я на сей счет».
Старуха от радости аж подскочила: «Ну вот!
Я знала — любовь она верх рано ль, поздно ль возьмет.
Спасибо! Скажу ему: пусть к вам сюда и придет». —
1493 «С тобою, — сказала Гароса, — водиться опасно.
Лишь на людях — помни! — увидеться с ним я согласна;
что хочет сказать — пусть он скажет мне просто и ясно,
а баснями потчевать — значит стараться напрасно».
1494 Старуха вернулась; приветного даже словца
не вымолвив мне, начала она прямо с конца:
«Ну, если кто к волку, дружок, посылает гонца,
он, стало быть, вовсе не прочь сам отведать мясца.
1495 Господь вам на помощь, сеньора принять вас готова,
но только не наедине, — в том взяла с меня слово;
смотрите, держитесь скромней, ничего, мол, такого:
с развязным аббатом монахиня будет сурова.
1496 Я так расписала вас, — благо, язык без костей!
Обдумайте нынче, что завтра вы скажете ей;
Прийти надо к ранней обедне; держитесь смелей,
сумейте увлечь ее, сделать подружкой своей»,
1497 Я молвил: «А ты, Побегушка, и впрямь преуспела,
и я на искусство твое полагаюсь всецело;
снеси ей теперь письмецо, действуй столь же умело;
ответит — пойму, что за словом последует дело».
1498 К вечерне письмо вручено было ей для начала,
и донья Гароса ответ со старухой прислала,
к тому же — в стихах; и меня удивило немало,
насколько искусно мой выпад она отражала.

1499 Во имя господне, назавтра я, сильно робея,
пошел к ранней мессе, чтоб видеть ее поскорее.
Стан стройный, свежа, молода, лебединая шея
и платье монашеское! Нет насмешки грубее.
1500 Святая Мария! Глядел — и молился без слов.
На белую розу накинули черный покров!
Красавице сей дочерей бы рожать и сынов,
а не коротать дни и годы под пенье псалмов.
1501 Мужчине ввести в искушенье монашку! Заметим,
сколь тяжко сие прегрешенье: пред Богом ответим!
И все же, Господь, быть хотел бы я грешником этим,
потом бы покаялся: ты к своим милостив детям.
1502 Она только глянула — и запылал я огнем!
И что есть любовь, сразу понял я в сердце своем.
Я молвил словцо, она — мне, сам не помню, о чем,
и дивные узы связали нас крепким узлом.
1503 Так с нею я видеться начал, вседневно к ней вхожий,
в любви этой чистой я черпал восторг, она тоже;
Господь мне послал то, что всяких сокровищ дороже,
при жизни ее меня правым путем вел перст Божий.
1504 Молилась она за меня, соблюдала посты,
монашеской не нарушала своей чистоты
и сей чистотою мои обеляла мечты,
служа только Богу, чуждаясь мирской суеты.
1505 Любовью такою лишь, не оскверняя святыни,
любить могут женщины, кои в монашеском чине;
любовь же иная, мирская, влеченье к мужчине,
запретна, опасна и лжива в своей сердцевине.
1506 Увы, отродясь у судьбы не бывал я в чести:
мы только два месяца светлых смогли провести;
любимая занемогла, не сумели спасти.
Прими ее душу, Господь, и грехи нам прости!
1507 С истерзанным горестью сердцем, объятый тоской,
почтил я любимую гимнами заупокой;
заблудший и грешный, к любви прикоснувшись благой,
не может не стать благородней и чище душой.

О том, как Побегушка вела беседу об архипресвитере с мавританкой, и о том, какой она получила ответ

1508 Желая забыть эту скорбь, эту боль, это горе,
я вновь Побегушку позвал; удалось ей, проворе,
знакомство свести с молодой мавританкою вскоре,
но как ни стучались мы к ней — дверь была на запоре.
1509 Хлопочет, старается ради меня Побегушка:
«Давно мы не виделись, как вы живете, подружка?
Один есть мужчина, уж так он, — скажу вам на ушко, —
влюблен в вас!» — «Я не понимай», — отвечала простушка.
1510 «В вас, дочка, влюбился мужчина, он из Алькала,[232]
письмо от него и подарочек я принесла;
не будет он скуп, если с ним у вас будут дела».
Но ей мавританка в ответ: «Не позволит Алла!» —
1511 «Бог, милая дочка, не будет на это в обиде,
скажите — согласны, своей не противьтесь планиде
и с этим сеньором поладите вы в лучшем виде».
На это ответила ей мавританка: «Отыди!»
1512 Старуха, поняв, что уж здесь мне никак не помочь,
сказала в сердцах: «Разговаривать с вами — точь-в-точь,
что, — вы уж простите меня, — воду в ступе толочь».
А ей мавританка в ответ: «Пошла прочь! Пошла прочь!»

О том, какие инструменты не подходят к арабским песнопениям[233]

1513 Тьму песен, что сложены мной, пели девы испанские,
а также плясуньи еврейские и мавританские,
и чуть ли не все инструменты мне их басурманские
знакомы, равно как привычные нам христианские.
1514 Слепцам сочинял — чтоб промыслили пищу и кров;
потешные песенки я сочинять был здоров,
куплеты соленые для забулдыг-школяров;
на дюжину стоп хватит мною написанных строф.
1515 Я вник в инструменты и знаю: для этой вот песни
годится такой-то, для этой — такой-то уместней,

с таким-то мелодия будет еще полновесней,
а с этим не будет в согласье звучать — хоть ты тресни!
1516 Арабский напев не подходит смычковой виоле,
рылею, гитаре и цитре подходит не боле,
они вторят пенью гортанному лишь поневоле,
для плясок они рождены, для веселых застолий.
1517 Свирель, как волынка, напевам арабским чужда;
для мавра же песня школярская — белиберда;
бывает, поёшь через силу, горишь от стыда,
одно тут певцу утешенье — приличная мзда.
1518 В трактате своем растолковывал некий мудрец,
что пагубна грусть и печаль для умов и сердец;
и днесь должен смолкнуть я — на сердце тяжкий свинец:
увы, беготне Побегушки вдруг вышел конец.
1519 Свершилось! Скончалась старушка, помощница верная, —
печаль для меня несказанная, скорбь непомерная!
Теперь уж навеки захлопнет судьба моя скверная
врата, кои мне б отперла Побегушка наверное.

Светский учитель в средневековой школе, Из рукописи XIV в.

О том, как умерла Побегушка и как архипресвитер сочинил надгробный плач, укоряющий и клянущий смерть[234]

1520 О смерть! Всех сметает с земли твоя длань бедоносная!
Смела ты старушку мою, беспощадная, косная!
Сметешь и меня: всем живым ты противница злостная;
всех мысль о тебе в дрожь бросает, хозяйка погостная.
1521 О смерть! Пред тобою сильнейший ничтожен и слаб,
никто из твоих беспощадных не вырвется лап,
равны пред тобой злой и праведный, рыцарь и раб,

ты в жалкую персть обращаешь монархов и пап.
1522 Ты немилосердна, бесчувственна ты и черства,
ты злейший враг каждого дышущего существа,
не слышишь ты голоса дружбы, любви и родства,
но любы тебе стон и плач у могильного рва,
1523 Нельзя от тебя убежать, невозможно укрыться,
нельзя с тобой спорить, нельзя от тебя откупиться.
Кто знает, когда к его полю пожалует жница?
Когда же нагрянет, отсрочку дать не согласится.
1524 Ты дух исхищаешь из тела, бездушный же прах
бросаешь в могилу, где черви пируют впотьмах;
не ведаем, смерть, мы о целях твоих и путях;
когда говорю о тебе, леденит меня страх.
1525 Ты столь отвратительна, ты столь мерзка всему свету,
что скрыть не умеют живущие ненависть эту;
нагрянешь, постылая, к милому сердцу предмету —
и труп ужаснет, ничего кроме ужаса нету.
1526 Любовью супругу свою окружает супруг,
но вот — умерла и чужою становится вдруг;
нам страшен мертвец: будь при жизни он родич иль друг,
но умерший он отвратителен словно паук.
1527 Отцам, матерям, всех дороже их милые дети,
жених для невесты милее всех сущих на свете;
но ты, смерть, явилась, поймала ты их в свои сети,
и стали противны созданья любимые эти.
1528 Не минешь лачуги, не минешь роскошных палат,
и нет от тебя обороны, запоров, преград:
вчера человек был могуществен, славен, богат,
сегодня — ничто, жалкий труп, источающий смрад.
1529 Общенья с тобою бегут и глупец, и мудрец,
не хвалит в трактатах ученый, ни в гимнах певец,
явленья все ждут твоего с замираньем сердец,
ликует лишь ворон, кому служит пищей мертвец.
1530 И ты ему пищу даешь каждый день, без обмана;
придешь ты к любому — не знает лишь, поздно иль рано.
Но благу, тебе вопреки, мы должны служить рьяно,
не ждя ни тебя, ни могильного черного врана.
1531 Друзья, осторожней — мы птицы другого пера,
от врана подальше, пока не настала пора;

спешите сегодня свершить хоть немного добра,
кто знает — настанет ли завтра: ведь жизнь есть игра.
1532 Здоровье и жизнь — вот что самое нам дорогое,
но можно мгновенно утратить и то и другое;
желанье добра — только звук, только слово нагое,
оденем его, пока живы, в деянье благое.
1533 Игре безрассудной не стоит вверяться всецело:
судьба обыграет, она в этом понаторела;
не лучше ль усилья направить на доброе дело,
пока нам жестокая смерть не положит предела?
1534 Сколь много на свете нестойких и суетных душ,
которых тревожит мечтанье — сорвать крупный куш.
Все мнит человек насладиться богатством; к нему ж
является смерть: и сокровища все — вздор и чушь.
1535 На смертном одре распростерт он, недвижный, безгласный,
накопленные им богатства ему неподвластны;
с собой не возьмешь, труд стяжательства был труд напрасный,
развеет добытое ветер. О жребий ужасный!
1536 Родня собирается жадной толпой у одра,
все ждут с нетерпеньем наследства, дележки добра.
Поправится, может быть? Что говорят доктора?
Коль скажут «поправится» — тотчас все прочь со двора.
1537 Все близкие — братья, племянники, сестры, кузины
в одном меж собою — в стремленье к наследству — едины,
а горесть не вызовут в них ни родство, ни седины,
обделят — тогда есть причины для горькой кручины.
1538 С мгновения самого, как отлетает душа
того богача, кто копил состоянье, греша,
он ужас внушает; и все же теснятся, спеша
наследство урвать: лишь глупец не урвет ни гроша.
1539 Рассеянно слушают долгую службу во храме,
не гробом их помыслы заняты, но сундуками:
боятся, что тот, кто в могильной уляжется яме,
от них в завещанье отделается пустяками.
1540 Молитвой по мертвому не утруждают уста
и не подадут нищей братии ради Христа;
притворно вздыхают для виду, но цель их проста:
добро, что покойник скопил, растащить дочиста.
1541 А как только гроб закопают в земной глубине

да справят поминки, покойник совсем не в цене:
богатства растащены, — в мессах нет пользы родне;
им деньги нужны, душу можно отдать Сатане.
1542 А если вдова молода, недурна и богата,
уж пялятся, хоть не сравняла могилу лопата;
ни срок поминанья, ни траур — ничто тут не свято,
к завидной вдове засылают иль сваху, иль свата.
1543 Скупец, сам не зная зачем, все-то копит и копит,
хотя всякий день человека к могиле торопит;
не делает он завещанья, семью только злобит,
и вспомнит о нем лишь тогда, когда час его пробит.
1544 О смерть! Я тебя обличать уже сердцем ослаб
за то, что любой человек — твой несчастнейший раб;
пожалуется — ему рот затыкает твой кляп,
и тут же идет он на корм для червей и для жаб.
1545 Людские умы цепенит твоя злость и коварство,
охотница и на подвохи ты и на штукарства,
сильнейшего сломишь ты и уведешь в свое царство,
когда ты к больному приходишь — бессильны лекарства.
1546 Прекрасные очи лишаешь ты острого взгляда,
немеют уста, и поставлена мыслям преграда,
недвижимо сердце, что только движению радо;
с тобою приходят уныние, горесть, надсада.
1547 Все наши пять чувств, что дают нам о мире познание:
слух, вкус, осязание, зрение и обоняние
от нас отнимаешь ты, и нет живого созданий,
какое с тобою бы встретилось без содрогания.
1548 Ты ниспровергаешь всех наших понятий основы;
ты стыд попираешь, ты ум заключаешь в оковы,
ты мощь заменяешь бессильем, пшеницу — половой,
согласье — разладом, ты оцет льешь в кубок медовый.
1549 Ты золото делаешь тусклым, грязнишь чистоту,
ты гасишь веселье, развенчиваешь красоту,
ты форму уродуешь и принижаешь мечту,
ты жизнь и любовь под свою подминаешь пяту.
1550 тебе все мы любы, для нас же для всех ты ужасна;
созданье живое тебе изначально подвластно,
и как бы творение ни было это прекрасно,
ты рано иль поздно его уничтожишь бесстрастно.

1551 Твой друг только зло, искони ты враждебна добру:
недуги, печали и, скорби тебе по нутру;
куда б ни явилась, придешься ты не ко двору:
лишь ты на порог — всяк хотел бы забиться в нору.
1552 Твой дом — преисподняя; первый ты наш супостат,
в сравненье с тобой лишь вторым почитается ад;
в обитель печали земных выселяешь ты чад,
напутствуя каждого: «Марш! Заберу всех подряд».
1553 Да, смерть, для тебя преисподняя сотворена,
и всех, кто живет на земле, устрашает она,
иначе грешили бы люди во все времена,
не думая, что за проступки заплатят сполна.
1554 Ты опустошаешь и в градах и весях жилища,
зато населяешь с усердием рьяным кладбища;
ты уничтожаешь в мгновение тыщи и тыщи,
властитель подвластен тебе точно так же, как нищий.
1555 Святые, молясь, отгоняют свой страх пред тобой,
однако тебя не умилостивить и мольбой;
случалось — и на небесах ты чинила разбой;
и ангельский сонм превращала вдруг в демонский рой.
1556 Сам Бог Вседержитель, который тебе дал начало,
тобой уязвлен: ты Христа, его сына, распяла;
Христос правит миром с заоблачного пьедестала,
но ты и его, в его жизни земной, устрашала.
1557 Сам ад ужаснулся, ты ж не устрашилась сего:
внушив ему страх, овладела ты плотью его;
но в нем устрашив человеческое естество,
смутить не могла ты божественное существо.
1558 Он видел тебя, на тебя же нашла слепота,
ты смертной печатью замкнула Христовы уста,
взвалив на себя этим вечное бремя стыда;
его победила на час, он тебя — навсегда.
1559 Не ты — он тебя одолел, мастерицу заплечную,
не ты устрашила его, он тебя, бессердечную,
сумел ограничить он власть твою бесчеловечную:
его ты убила, а он даровал нам жизнь вечную.
1560 Века содержала ты праведников в заключенье,
их душам святым смерть Христа принесла избавленье;
ты думала: он твоим пленникам даст пополненье,

кончина ж святая твой дом привела в запустенье.
1561 Из темной пучины твоей, угрожающей нам,
святая чета прародителей наших — Адам
и Ева и все патриархи: Сиф, Ной, Авраам,
равно Исаак и Иаков — взнеслись к небесам.
1562 Взнеслись, также за Иоанном Крестителем вслед
пророки, издревле на мир излучавшие свет,
и вождь Моисей, воспринявший Священный Завет,
и сонм тех святых, на которых наш держится свет.
1563 Само собой, точно сказать я никак бы не мог,
сколь многих Христос из подземного царства извлек,
сколь многим в обитель блаженных войти он помог,
а скольким он выйти за твой не позволил порог.
1564 В раю наш Спаситель дал праведным Место по праву,
они обрели там жизнь вечную, вечную славу,
к себе нас возьмет он, хоть это тебе не по нраву,
не даст нам бесславно погибнуть тебе на забаву.
1565 д грешников, тех, кто оставлен во власти твоей,
на адском огне, среди пышущих жаром углей,
ты мучить вольна, но в виду при всем атом имей:
тебе не навек отдан даже отпетый злодей.
1566 Ловушки твоей избежать нам Спаситель поможет:
и тех бережет он, кто сам уберечься не может;
блажен каждый день, что — тебе вопреки — мною прожит,
но каждого гнев твой когда-нибудь да уничтожит.
1567 Ты столько приносишь нам, людям, страданья и боли,
что выразил здесь их в десятой я разве лишь доле;
одно нам прибежище в горестной нашей юдоли —
Господь, и господней себя поручаю я воле.
1568 Корю тебя, смерть, с разуменьем моим несовместную!
Зачем умертвила помощницу ты мою честную?
Ты вспомни: за грешников муку Христос принял крестную,
святой своей кровью купил он ей милость небесную.
1569 Увы, Побегушка! О, как велика моя боль:
ты бегала здесь для меня, хлопотала — давно ль?
Теперь ты спокойно лежишь, бросив эту юдоль!
Не ведаю — где ты: вестей не доставишь оттоль.
1570 Моя благодетельница, ты, я верю, в раю, —
вхож великомученик каждый в обитель сию,

ты ж в богоугодных мученьях вела жизнь свою.
Ты незаменима, и я по тебе слезы лью.
1571 Молюсь, чтоб вкусила покой ты во славе господней,
понеже не знала доселе вселенная сводни
проворней тебя, исполнительней, благоугодней;
надгробную надпись составлю тебе я сегодня.
1572 Велю за тебя служить мессы, кормить за мой счет
голодную братию, ждущую лепт и щедрот.
Моя Побегушка! Найдешь во Христе ты оплот:
он, спасший весь мир, неужели тебя не спасет?
1573 Вы, дамы, не смейтесь над тем, что стенаю и плачу,
меня не зовите глупцом и слюнтяем впридачу,
и вы б лили слезы; нет больше надежд на удачу:
без редкостной этой рыбачки — как я порыбачу?
1574 Она в своем деле такая была мастерица!
Будь женщина скрыта от глаз, взаперти будь девица,
а все ж настигала ее эта ловчая птица;
мужчинам и дамам равно с нею больно проститься.
1575 Ее эпитафией краткой хочу я почтить, —
простите, коль в скорби утратил словесную прыть;
пусть кто прочитает сие, станет Бога молить
за ту, кто искусно сучила любовную нить.

Надпись для надгробного камня Урраки

1576 Под этой надгробной плитою лежу я, Уррака;
при жизни я узы сплетала законного брака,
греховные узы вязать не гнушаясь однако;
теперь же мой прах под землею, в обители мрака.
1577 Нежданно-негаданно к смерти попала я в сеть;
родные, друзья, чем меня бесполезно жалеть,
вам жить надо праведно, богобоязненно впредь:
как я умерла, так и всем суждено умереть.
1578 Тому, кто стоит перед этой плитою унылой,
да будут ниспосланы высшей небесною силой
благая любовь и блаженство с подругою милой;
прочти «отче наш»; если ж нет — не глумись над могилой.

Каким оружием надлежит вооружиться каждому христианину, дабы одолеть диавола, суету и плоть[235]

1579 Быть может, я вас остеречь от ошибок смогу,
сеньоры, напомнив еще раз — не верьте врагу:
нечистый нам ставит ловушки на каждом шагу;
вольны меня счесть вы ничтожеством, если я лгу.
1580 Мы знаем, что смерть неизбежна, не знаем лишь срока,
врагиня извечная эта сильна и жестока,
и каждому бой с ней назначен велением рока, —
так надо для боя оружье иметь без упрека.
1581 Коль скоро на нас наступает безжалостный враг,
и завтра в бою защищать ты свой должен очаг,
куй нынче оружье: какой бы ты ни был смельчак,
в сраженье идти безоружным не можешь никак.
1582 Не меньше того осмотрительными быть должны мы,
когда бестелесные недруги наши незримы,
но в яростной злобе к нам, смертным, столь неукротимы,
что жаждут всех ввергнуть навеки в огонь негасимый.
1583 О смертных грехах, осаждающих нас, вы слыхали:
телам нашим бренным они причиняют печали,
а души хотят умертвить; и для этих баталий
оружье нам нужно — враги чтоб держались подале.
1584 Страшимся грозящих нам недругов мы неспроста;
Три наших главнейших врага — дьявол, плоть, суета;
их чада — семь смертных грехов, нам от них — маета;
так вооружимся, пред ними закроем врата.
1585 Нет, не безоружны мы против их натиска злого:
творить нужно благо, как заповедь учит Христова,
себя подчинять озарению Духа святого;
семь таинств спасению нашему первооснова.
1586 Защиту от алчности людям крещенье дает,
дар Духа святого, таящий свет горних высот;
слов «ах, как хочу!» да не впустим мы в свой обиход;
умеренность, скромность — от алчности верный оплот.
1587 Одень тех, кто наг, пригласи к своей трапезе тех,
кто голоден, и ниспошлет тебе небо успех:
ведь как ни могуча алчба, милосердье — доспех,

бессилен противу которого смертный сей грех.
1588 Смиренье — вот меч, наносящий удары гордыне:
жить богобоязненно, бедным творить благостыни,
чужого добра, ни жены не желать, чтить святыни, —
кто действует так, не погрязнет в греховной трясине;
1589 кто ближних своих не теснит, их очаг не тревожит,
кто милостив к бедным, кто благодеяния множит,
кто Богу возносит хвалы за всяк день, что им прожит,
тем миропомазанье сладить с гордыней поможет,
1590 А ежели скупость свою поднимает главу,
и против нее есть оружье — его назову:
Господь сострадание нашему дал естеству,
и должно обрушить на скупость сию булаву.
1591 Из таинств святых тут опорой нам будет священство:
попомним Господень завет и призыв духовенства, —
дав лепту на бедных невест, явив жалость, смиренство,
мы скупость сразим, и вкусят наши души блаженство.
1592 От похоти можно себя защитить без труда:
ей воля — поводья и совестливость ей — узда;
броню целомудрия надо надеть, и тогда
копье любострастия не причинит нам вреда.
1593 Пусть похоть упорна, сильна и бесстыдна, однако
да не устрашит нас свирепая эта атака:
набедренники наши, поножи — в таинстве брака,
и светлый наш дух не отступит пред натиском мрака.
1594 Гнев — недруг опасный, его ядовито стрекало,
в сраженье взяв верх, принесет он нам бедствий немало;
нам нужно, чтобы милосердие нас поддержало,
терпенье и кротость в сей битве — нам шлем и забрало.
1595 Надежда и с нею терпенье союзники нам:
больных навещайте, ходите на исповедь в храм,
усвойте, что мир — это благо, раздор — это срам,
тогда с изволенья Господня гнев стихнет и сам.
1596 Из смертных грехов не последний грех чревоугодья;
пусть мудрость не даст ему воли, натянет поводья:
посты, воздержанье и нас сохранят от невзгодья
и миски наполнят голодного простонародья;
1597 еще защитим себя в сем состязании ратном
молитвами и причащеньем — они пособят нам:

Господь осенит нас покровом своим благодатным,
и вера святая нам будет нашейником латным.
1598 От зависти был и пророкам немалый урон:
она осыпает нас стрелами с разных сторон;
но есть у нас щит благоверия, что испещрен
священными литерами — вот наш крепкий заслон.
1599 Здесь таинство нам помогает елеосвящения;
во имя Господне усопшим вершим погребение;
на непросвещенных, на бедных глядим без презрения;
так пусть Господь бог нам от зависти даст избавление.
1600 Вооружены мы и против злокозненной лени;
седьмой из всех смертных грехов, лень опасна не мене,
но всех их коварней: она матерь тьмы прегрешений,
хранит их, как псица щенят, ото всех покушений.
1601 Дабы уберечься от лени и злых ее чад,
свершайте паломничества, чтите каждый обряд,
в себе мудролюбья возделывайте вертоград;
благие деянья от праздности дух исцелят.
1602 Сковать копие божья милость нам силу дала
из мыслей благих, воплощенных в благие дела:
оружием сим истребить мы сумеем дотла
все скопище смертных грехов, разбить воинство зла.
1603 И против трех главных врагов воевать не устанем:
негоже нам им подчиниться, нельзя платить дань им;
сразим суету милосердием, плоть — воздержаньем,
диавола — мужеством; всех же троих — благим тщаньем.
1604 Означенные три врага — прегрешений истоки:
начало берут от сих трех все грехи и пороки;
как праотцы, так и отродья к нам, людям, жестоки,
с Господней лишь помощью мы отразим их наскоки.
1605 Дай, Боже, нам сил, будь опорою в нашей войне
с грехами и дай разгромить нам их войско, зане
вседневно мы думаем с трепетом о Судном дне;
глагол да услышим Христов: «Приидите ко мне!»

О преимуществах, коими обладают женщины небольшого роста[236]

1606 Сеньоры, терзать вас не, след слишком долгим рассказом:
от многоглаголанья может зайти ум за разум;
что ладно и коротко — в том два достоинства разом;
и в женщинах краткость ценю: не влечет к долговязым.
1607 Кто многоречив — тот смешон, кто смешон — тот дурак;
рост малый у дамы — большой ее страстности знак;
малышку на рослую, я не сменял бы никак,
напротив, большую малышкой сменить — мудрый шаг.
1608 «Ну, что ты находишь в малышках?» — спросил у меня
Амур, с кем всю ночь толковал я до проблеска дня;
на то вам отвечу, что длинные им не ровня:
малышки прохладнее снега и жарче огня.
1609 Холодные с виду, они огневые в постели;
шалуньи, охочи до игр, до услад, до веселий;
а как ведут дом! Мастерицы любых рукоделий!
Помыслить нельзя, чтоб чего-то они не умели.
1610 В малютке алмазе таится огромная власть,
а в маленькой сахарной крошке — немалая сласть;
вдруг в маленькой женщине скрыта великая страсть?
И краткая речь глубоко может в душу запасть.
1611 Как вкус оживляет нам малое зернышко перца!
Великая сила в короткой мольбе страстотерпца;
и если красотка-малютка тебе дарит сердце,
то кажется — словно бы в рай открывается дверца.
1612 Златая крупинка ценнее гранитных громад;
пусть роза мала, но оттенками радует взгляд;
от капли бальзама сладчайший идет аромат;
от маленькой женщины много мужчине услад.
1613 Цвет, форма, искристость прельщают нас в малом рубине,
свойств этих в огромном булыжнике нет и впомине;
и в женщине малого роста по той же причине
есть грация, нежность и страсть, что так любы мужчине.
1614 Мал жаворонок и не больше него соловей,
но радуют слух они звонкою песней своей;
у маленькой женщины чувства нередко сильней:
мала, но вы сладость большую отыщете в ней.
1615 Вот иволга — тоже совсем невеликая птичка,
но трогает нас голосистая эта певичка;
и женщин вальяжностью мерить — дурная привычка:

великую может любовь подарить невеличка.
1616 Что с маленькой женщиной можно поставить в сравнение?
Земной в ней обрящете рай, для души утешение,
веселье и радость, усладу и благословение,
и здесь обладание лучше, чем все восхваления.
1617 Итак, выбирай даму сердца, чтоб меньше была.
Философ сказал: в нашей жизни скорбям нет числа,
и меньшее зло предпочтительней большего зла.[237]
Раз женщина — зло, так уж пусть она будет мала.

О доне Хорьке, слуге архипресвитера

1618 Кончался февраль, и стоял месяц март у порога —
пора, когда дьявол вредит нам особенно много:
священнослужителей плотская мучит тревога,
а скромница-дама дурит как блажная подстега.
1619 Поскольку старушка земной свой окончила срок,
то вскорости был для посылок мной взят паренек;
когда б не четырнадцать слабостей, паж мой Хорек
(так звали его) совершенством считаться бы мог.
1620 Мой оруженосец, хотя миловиден и юн,
притом был лентяй, дуралей, пустомеля и лгун,
воришка, строптивец, нахал, забулдыга, шатун,
обжора, грязнуля, игрок, сквернослов и драчун.
1621 Два дня строгий пост соблюдал он в теченье недели,
говел, но не так, как все прочие люди говели:
пять дней в кабаке был главой бесшабашной артели,
потом двое суток постился, храпя на постели.
1622 Не то, чтоб души я не чаял в бездельнике сем,
но, как говорят, если ноша тебе не в подъем,
мириться приходится с самым негодным ослом;
так этого малого с горя избрал я послом.
1623 «Хорек, — я сказал, — не подыщешь ли новой мне крали?» —
«А что ж, — отвечает, — вы в самую точку попали:
моим попеченьем вы будете жить без печали, —
случалось, дворняги охотничьих псов обгоняли».
1624 Не слишком-то грамотным был он, читал еле-еле;
«Давайте, — сказал, — мне стишок, над которым корпели;

хвалиться не буду, но вы убедитесь на деле:
когда я за что-то возьмусь, — не стрельну мимо цели».
1625 Я отдал стихи; он, бесстыдник, их громко орал
на рынке, к потехе торговцев, зевак и менял;
а донья Такая-то молвила в гневе: «Нахал!
Позор на тебя и того, кто тебя подослал!»

О том, как, по мысли архипресвитера, надлежит понимать сию книгу

1626 Тут ставлю я точку; сей книжицы первооснова,
как сказано было, Пречистая матерь Христова;
четыре ей гимна сложил я, дань сердца простого,
но это мое не последнее, может быть, слово.
1627 Кто книгу с вниманьем прослушает или прочтет, —
к примеру, мужчина, чья женушка — мерзкий урод,
иль женщина, скажем к примеру, чей муж — грубый скот,
искать в боголюбии станет надежный оплот.
1628 И к мессе ходить в божий храм будет чаще, чем ранее,
и чаще молиться, и от своего достояния
все более для бедняков уделять подаяние;
а Господу будет любезно его покаяние.
1629 Читателям книгу свою отдаю на поруки:
волен тот, кто сам преуспел в стихотворной науке,
добавить, исправить; пусть книга, со мною в разлуке,
начнет, словно мяч, перебрасываться из рук в руки,
1630 Предмет этой книги — благая любовь; а она
вовеки не будет забыта, ни посрамлена,
не может быть продана или в аренду сдана;
благая любовь несовместна со словом «цена».
1631 Написанная мною книжица невелика,
но смысл в ней немалый найдете вы наверняка:
о чем ни писал — не унизился до пустяка,
и мне не откажут в утонченности языка.
1632 Мой труд, поучая, трактуя про добрые нравы,
не чужд и веселья, страницы в нем есть для забавы;
примите советы, какие покажутся здравы,
а басни, присловья и шутки — они для приправы.
1633 Что знал — вам поведал, сеньоры мои дорогие,
слагал на хугларский манер,[238] вам в угоду, стихи я;
в награду прошу: коль места посетите святые,
Творцу за меня помолитесь и Деве Марии.
1634 Окончено в год, что отмечен по счету годин
числом тыща триста и восемьдесят и один;[239]

влюбленным хотел облегчить груз любовных кручин
и просто стихами порадовать дам и мужчин.

О радостях Девы Марии[240]

1635 О ты, Богоматерь честная,
родительница Искупителя,
о Дева Мария святая,
принесшая людям Спасителя,
молю ниспослать
свою благодать
мне, кто не устанет тебя восхвалять:
услышь своего ты служителя.
1636 Забот не страшась многотрудных,
я, грешник, удвою старания:
о радостях спеть твоих чудных
меня охватило желание.
И се их основа,
их первое слово:
тебе всеблагое от Духа святого
архангел доставил послание.
1637 И плод в твоем девственном чреве
созрел от духовного семени;
второй было радостью Деве
без мук разрешиться от бремени
. . . . . .[241]
так был рожден сын,
но девой осталась ты после родин,
где ты — нет греха и нет времени.
1638 И третья по счету отрада:
к вам, в тайном убежище спрятанным,
святое приветствовать чадо,
ведомы сияньем негаданным,
из трех стран земли
цари притекли;
все трое к младенцу с дарами пришли —
со златом, со смирной и с ладаном.
1639 Тебе принесла Магдалина,

восторгом святым осиянная,
весть о воскресении сына —
четвертая радость нежданная:
ведь к ранам Христа,
кто снят был с креста,
ты скорбно свои прижимала уста,
на тело склонясь бездыханное.
1640 Отрадою пятою стало,
что в небо вознесся сын твой;
шестою — когда ты узнала:
на землю сошел Дух святой;
и паки большая
отрада седьмая:
когда Иисус сам явился из рая,
чтоб матерь туда взять с собой.
1641 Взываю к тебе, Приснодева,
аз грешный, бия себя в грудь;
меня с милосердьем, без гнева,
наставь на спасительный путь;
когда ж труба грянет,
Суд страшный настанет,
когда Иисус в наши души заглянет, —
моею заступницей будь!

Учитель-клирик в средневековой школе. Из рукописи XIV в.

О радостях Девы Марии[242]

1642 Со мною пойте все вы —
да грянет хор совместный —
хвалебные распевы
в честь жизни столь чудесной,
во славу Приснодевы,
владычицы небесной
пречестной.
1643 Двенадцать лет ей было,
когда — сие впервые —

посланец белокрылый
рек словеса благие
. . . . . .
. . . . . .[243]
Марии.
1644 Без мук свершились роды —
сын послан небесами;
тринадцатый шел год ей;
неближними путями
с заката и восхода
цари пришли к ней сами
с дарами.
1645 Потом тридцать три года
их жизнь текла совместно;
распят — как ждать исхода?
Однако же воскрес он;
из-под пещерна свода
взнесен на трон небесный
чудесно.
1646 Вновь радостью согрета,
возрадовалась снова:
Христос, источник света,
премудрости основа;
служители Завета
несут народам слово
Христово.
1647 На девять лет продлилась
стезя ее земная;
но — славьте божью милость! —
власть смерти попирая,
вновь Дева возродилась,
взнеслась к высотам рая
святая.
1648 За пятьдесят четыре
отпущенных ей года
семь радостей великих
вкусила от природы.
Дай нам покров! Пусть в мире
живут, забыв невзгоды,

народы!
1649 Отраду, утешенье
и помыслы благие
. . . . . .[244]
ниспосланы впервые:
принес нам искупленье
сын Пресвятой Марии —
Мессия!

Песни школяров, просящих подаяние во имя Божие[245]

1650 Сеньоры, я взываю к вам:
подайте лепту школярам.
1651 Получивши приношенье,
мы за ваших душ спасенье
будем возносить моленья
всемогущим небесам.
1652 Кто подаст нам Христа ради,
не останется в накладе,
пусть он помнит о награде,
что его постигнет там.
1653 Вашу лепту узрит Бог;
так спешите, чтобы мог
славный подвести итог
вашим он земным делам.
1654 Милостыня возместится:
щедрою своей десницей
вам воздаст Господь сторицей,
в свой чертог вас впустит сам.
1655 Доброта есть дар бесценный,
Господом благословенный,
избавляет от геенны,
предназначенной скорбям.
1656 Сеньоры, кто пригреть готов
двух неимущих школяров?
1657 Иисус, и чист, и свят,
был как тать и супостат
иудеями распят:

жребий тяжек был Христов.
1658 Рай теперь его обитель,
он Господь наш и Спаситель;
грошик нам не подадите ль,
чтоб он дал вам свой покров?
1659 Ведомо сие давно вам;
просим именем Христовым,
тронем ли вас этим словом,
что сильней всех прочих слов?
1660 Коль любовь к Христу всецело
вашим сердцем овладела,
сжальтесь — и благое дело
вас спасет от адских ков.

Песня слепцов[246]

1710 Мужи мудрые, добросердечные,
подайте от ваших щедрот:
незрячие просят, увечные,
судьбой обделенный народ,
чья тьмою окутана вечною
жизнь, полная тяжких забот.
1711 Ни в чем-то отрады нам нету,
нужда тяготит нас безмерная;
стезю мы должны пройти эту,
крутая она и неверная:
не видим мы божьего свету,
как чудище — рыба пещерная.
1712 Молению внемли сему,
Пречистая матерь Господня,
дай благословенье тому,
кто первый подаст нам сегодня,
жизнь радостную дай ему,
спаси его от преисподней.
1713 Мария молись Магдалина,
чтоб взыскан небесным царем
был тот, кто подаст для почина
незрячим с их поводырем;

с вельможи ли, с простолюдина
авось на прокорм соберем.
1714 Кто бедным слепцам не откажет,
поддержит их бренную плоть,
им гостеприимство окажет,
даст грошик иль хлеба ломоть, —
святой Хулиан их уважит,
в раю их приветит Господь.
1715 Пускай ни они, ни их чада
не знаются со слепотой,
да будет в дому их отрада
и тешится взор лепотой;
да множатся мулы и стадо,
храни их Антоний святой.
1716 Подавших во имя Христово
нам лепту — храни их Спаситель,
да будет оплотом их крова
и радостей их — Вседержитель,
дабы ничего им дурного
не мог учинить искуситель.
1717 К архангелу мы к Михаилу
взываем, чтоб нам он помог:
небесный воитель, помилуй
слепцов, чей удел столь убог,
даруй и здоровье, и силу
всем тем, кто подаст им кусок.
1718 Всех, сделавших доброе дело,
подав нам хоть корку сухую,
Господь, тебя просим несмело:
ты их посади одесную,
когда отлетит дух от тела,
стряхнет оболочку земную,
1719 На милость твою упованье
и песня во славу твою:
ты просишь за нас подаянье
и даришь нам лепту сию;
дающих нам на пропитанье
прими, Вседержитель, в раю.

Песня слепцов[247]

1720 Милосердные христиане,
не жалейте слепым подаяний,
да будут щедры ваши длани!
Заповедана вам доброта,
подайте нам ради Христа,
1721 Как же мы кормиться будем,
не прибегнув к добрым людям?
Слепеньким, увечным,
побродяжкам вечным
не прожить своим трудом,
с голоду мы все помрем.
1722 Будем мы просить Создателя,
чтобы каждого подателя
острым наградил он зреньем:
да взирают с умиленьем
на своих любимых чад;
пусть воздастся им стократ.
1723 Дай Бог вашим малолеткам
вырасти, на радость предкам,
мудрыми, богатыми,
судьями, прелатами
и не дай им слепоты,
огради от нищеты!
1724 Изобилием премногим
тех отметь, кто щедр к убогим,
ладом награди и миром
тех, кто милосерден к сирым,
и пожалуй долгим веком
тех, кто милостив к калекам.
1725 Вашим дочкам Бог пошли
лучших женихов земли:
рыцарей ли молодцов,
тароватых ли купцов,
родовитых ли дворян,
иль богатых горожан.
1726 Вашим родичам достойным
и живущим, и покойным,

всем, от тестя до снохи,
пусть Творец простит грехи,
пусть, за доброту в награду,
даст душевную отраду.
1727 Ангел божий зрит вас ныне,
рад он вашей благостыне.
Песню мы поем, дабы
услыхал Господь мольбы,
и дабы вас, благодетели,
Божьи ангелы приветили.
1728 Дай им, Господи, светлый удел —
тем, кто бедных слепцов пожалел,
подал милостыньку свою честную;
Бог, принявший за нас муку крестную,
да введет их в обитель небесную.
Аминь!

О гимне Пресвятой Деве «Радуйся!»[248]

1661 Ave Maria,[249] ты воплощенье
и милосердия, и всепрощенья,
ты нам с рожденья внушаешь смиренье,
мысли благие!
1662 Gratia plena,[250] ты непорочна,
непогрешима.
Кроткая, я твой служитель
покорный,
будь же, молю, мне заступницей прочной,
неодолимой:
будь охранительницей чудотворной,
смерти не выдай позорной,
не обреки на мученья,
ибо слагаю тебе песнопенья
ночи и дни я.
1663 Dominus tecum,[251] звездою лучистой
светишь ты нам,
людям врачуешь душевные раны:
ласковый взор Приснодевы пречистой

словно бальзам;
пусть мои многи грехи и изъяны,
просит молебщик твой рьяный:
дай мне в скорбях утешенье,
пусть меня минет ума помраченье,
мысли блажные.
1664 Benedicta tu,[252] ты символ света,
славим собором,
Дева, твое мы зачатье пречестное;
ты и в небесном чертоге воспета
ангельским хором;
сын претерпел твой страдание крестное.
Сжалься, Царица небесная,
мне окажи снисхожденье:
дай одолеть в многотрудном боренье
страсти мирские.
1665 In mulieribus[253] богоизбранная
Матерь Христова,
Дева, с невинным сравнимая крином,
роза безгрешная, благоуханная!
Жду я покрова,
будь мне заступницею перед сыном,
вышним для всех властелином!
Ибо терплю я гоненья:
на свою жертву взвели обвиненья
недруги злые.
1666 Benedictus fructus[254] — молимся истово:
в жизни сей бренной
людям надежда в тебе и отрада, —
нас охраняешь от козней нечистого
и от геенны;
мне от моих прегрешений ограда,
от посягательства ада;
иго унынья, сомненья
сбросит с себя при твоем вспоможенье
слабая выя.
1667 Ventris tui[255] цветок белоснежный
и неизмятый;
слава тебе, Приснодева благая:
кроткая, нрав мой смиряя мятежный,

склонишь меня ты
к помыслам чистым о радостях рая.
Твой всепослушный слуга я;
ты мне даешь очищенье,
не отвергай же мои восхваленья,
Дева Мария!

Гимн во славу Девы Марии[256]

1668 Восхваляю, чудотворная,
добрые твои деянья:
охраняешь ты заботливо
нас от скорби и страданья;
получает воздаянье
всяк, кто о спасенье просит,
кто хвалы тебе возносит
и приносит покаянье,
1669 Укрепи же невиновного
ободряющим ты словом
и того, кто служит преданно,
осени своим покровом,
чтобы целым и здоровым
возвратился осужденный,
кротостью твоей спасенный
и могуществом Христовым.
1670 О небесная Владычица,
дай мне силу и отвагу,
дай от кривды отвращение
и приверженность ко благу:
да не отступлю ни шагу
от стези, ведущей к раю.
Божью Матерь восхваляю,
преданный Христову стягу.
1671 Множество вкушаю горестей
я на стогнах сего града,
и когда терзают сердце мне
и обида, и надсада, —
жду я жалостного взгляда:

я молю, чтоб ты вступилась,
мне исхлопотала милость;
ты мне от скорбей ограда.
1672 О защитница всех страждущих,
ты мне помощь и опора,
сберегаешь меня грешного
от стыда и от позора,
с кротостию, без укора,
с милосердием, без гнева;
чту твой образ, Приснодева,
не свожу с него я взора.

Гимн во славу Девы Марии[257]

1673 Избранная Провиденьем
Богоматерь достохвальная,
твоя кротость изначальная
мир очистит обновленьем.
1674 Мир очистит обновленьем,
оградит от страха черного.
Снизойди, прошу, к моленьям
твоего слуги покорного:
из узилища позорного
выпусти его на волю!
Дай мне превозмочь недолю,
защити от зла тлетворного.
1675 Защити от зла тлетворного,
состраданья удостой,
меня, грешника упорного
осени своей святой
кротостью и добротой;
Дева, помоги заблудшему,
озари дорогу к лучшему
светозарной чистотой.
1676 Светозарной чистотой,
чистотою несравненной
радуя весь род людской,
властвуешь ты над вселенной;

ты — сосуд благословенный.
В час душевного ненастья
просит твоего участья
грешник слабый и смиренный.
1677 Грешник слабый и смиренный,
возношу к тебе моленья
аз коленопреклоненный:
ниспошли мне утешенье,
огради от искушенья.
Я взываю к состраданью:
поддержи своею дланью,
дай моей душе спасенье.

Гимн во славу Девы Марии[258]

1678 Душу свою,
набожно благоговея,
я предаю
Деве, кто света светлее:
славу твою
я воспою,
райского сада лилея.
1679 Дева святая,
вышнего царства царица,
буду всегда я
с верою твердой молиться;
жду, уповая:
к узнику — злая
смилостивится темница.
1680 Славлю Пречистую,
слезно молю Матерь Божью:
веру дай истую,
да не сверну к бездорожью;
в схватке с нечистою
силой да выстою,
да не склонюсь перед ложью!
1681 Кормщицей будь,
будь мне звездой путеводной:

выправи путь
грешный, небогоугодный;
скорбь давит грудь,
дай мне дохнуть
воздухом жизни свободной.
1682 Крепче гранита
помощь твоя милосердная:
ты нам защита
в наших страданьях, бессмертная;
да не забыто
будет пиита
к Деве моленье усердное.
1683 В чем мои вины?
Муку терплю беспримерную;
иль ждать кончины,
чтобы избыть боль безмерную?
Нет, из пучины
горькой кручины
выведешь мя в гавань верную!

Гимн во славу Девы Марии[259]

1684 Приснодева, Мария Святая,
непорочная Матерь Христова,
вновь слагаю хвалебное слово,
на защиту твою уповая,

Песня, укоряющая судьбу[260]

1685 Зачем так жестоко
всевластие рока,
коварство фортуны?
Ужель нет в стенаниях прока,
ужель мне враждебен без срока
мир будет подлунный?
1686 Не выразит слово
страданья такого,

которым, судьбина,
терзаешь меня ты сурово.
Как жить если снова и снова
меня донимает кручина?
1687 Ни дня без мученья:
обиды, глумленья
невмочь мне сносить!
Судьба, иль не дашь облегченья,
иль радости хоть на мгновенье
не дашь мне вкусить?
1688 Когда б ты смягчилась
и гнев бы на милость,
фортуна, сменила, —
исчезли бы мрак и унылость,
вновь светом бы жизнь озарилась,
душа б воскрылила.
1689 А будешь заклятым
моим супостатом,
что ищет со мною раздора, —
тобою зачатым
скорбям и утратам
конец будет скоро.

Песня про талаверских клириков[261]

1690 Весной в Талаверу — все это чистейшая быль —
направил послание архиепископ дон Хиль;
пришлось по душе оно кой-кому из простофиль,
но всем остальным было — словно по шее костыль.
1691 Тот архипресвитер, который доставил посланье,
содеял сие поневоле, противу желанья;
созвал он всех клириков и для честного собранья
речь начал свою — подневольное повествованье.
1692 «О братья! — воззвал он, — воистину в горестный миг
мы свиделись, ибо нежданный удар нас постиг;
не мнил до такого дожить я, несчастный старик,
недоброе вам предвещает мой жалостный лик».
1693 В слезах начал архипресвитер свой скорбный рассказ:
«Сам папа издать соизволил строжайший указ,
о коем обязан в известность поставить я вас,
хоть сердце сжимается, катятся слезы из глаз».
1694 Для клира сей папский указ был ударом тяжелым,
как будто бы гром по холмам прокатился и долам:
под страхом проклятья предписано папским глаголом —
им ныне и присно сношенья пресечь с женским полом.
1695 От новости этой весь клир заходил ходуном;
поспоривши и пошумев, согласились на том,
что надо бы им разойтись, пораскинуть умом
и вновь для принятья решенья сойтись завтра днем.
1696 Назавтра, когда духовенство вновь сгрудилось в храме,
декан обратился к собранью с такими словами:
«О братие, тучи, сгустившиеся днесь над нами,
развеет кастильский король — воззовем к нему сами.
1697 Мы — лица духовного званья, однако, поколь
плоть наша еще не покинула эту юдоль,
мы — слуги монарха, и знает наш добрый король:[262]
не чужды нам, грешным, ни радость мирская, ни боль.
1698 С полгода назад с Миловзорой я сладил, не ране,
могу ль ее бросить, повергнуть в пучину страданий?
Недавно купил ей двенадцать локтей лучшей ткани;

намедни — тонзурой клянусь! — искупался в лохани.
1699 Скорей я сложу с себя сан и оставлю приход,
с которого мне поступает изрядный доход,
чем деву предам, в ком нашел я сердечный оплот,
и мню — большинство из вас той же стезею пойдет».
1700 Его поддержал со слезами клир в полном составе;
порывшись в писаньях пророков, почивших во славе,
декан прорыдал им строку — я привесть ее вправе:
«Nobis enim dimittere est quoniam suave».[263]
1701 Потом обратился к собравшимся брат казначей,
из лучших умов он считался в общине своей:
«Сдается, друзья, до чернейших мы дожили дней,
но я опечален всех более новостью сей.
1702 Всем тяжко, но я превзошел в своей горести меру:
скорее отважусь покинуть навек Талаверу,
чем брошу Тересу, открывшую мне, маловеру,
дверь в царствие чувства, в любви беспредельную сферу.
1703 Я, С ней разлучась, стану жертвой любовных страданий,
каких не найти ни в одном знаменитом романе
из тех, что написаны в нашем ли веке иль ране,
к примеру — о Флоресе и Бланкафлор, о Тристане.[264]
1704 Ведь если дразнить, мучить голодом щенную суку,
со злости она и в хозяйскую вцепится руку;
так ежели архиепископ чинит нам докуку,
то я не стерплю безответно — даю вам поруку».
1705 Добавил и регент по имени Санчо Муньос:
«Нам архиепископ грозит, но за что — вот вопрос?
Он нам не прощает того, что прощает Христос,
и я к вам взываю: да не устрашимся угроз!
1706 Допустим, держал иль держу я служанку в дому, —
до этого, видит Господь, дела пет никому,
ни архиепископу; я подчинился б ему,
когда бы невестку держал при себе иль куму.
1707 Из жалости некогда взял к себе в дом я сиротку:
тиха, благонравна, вести ей хозяйство в охотку.
Что ж, из дому должен я добрую выгнать молодку,
а после — о стыд! — по дурному шнырять околотку?
1708 Духовным особам отнюдь подражать не пристало,
скажу без утайки, канонику дону Гонсало;

как ведомо всем, добродетели он не зерцало:
что ночь, то приводит девиц из дурного квартала».
1709 Пожалуй, на этом мы свой и закончим отчет,
хотя словеса все текли и текли на сей счет:
что клирик, что служка судил и рядил в свой черед;
составить бы можно из доводов сих целый свод.

Эту книгу сочинил архипресвитер Итский, пребывая в заключении по приказу кардинала дона Хиля, архиепископа Толедского. Laus tibi Criste quem liber explicit iste[265]. Alfonsus Paratinensis.[266]

ПРИЛОЖЕНИЯ

З. И. Плавскин
ИСПАНСКИЙ ГУМАНИСТ XIV СТОЛЕТИЯ

«Книга благой любви» — произведение уникальное в истории не только испанской, но и европейской литературы. Созданная без малого шесть с половиной столетий назад, она до сих пор вызывает живейший интерес читателей и привлекает к себе внимание многих исследователей Мария Роса Лида де Малькьель, один из авторитетнейших знатоков испанской культуры позднего средневековья, свою книгу о двух шедеврах литературы этой эпохи начинает словами: «Все мы, исследователи „Книги благой любви” и „Селестины”, согласны в том, что оба эти произведения прекрасны, но расходимся во мнениях практически относительно всего остального».[267] Лида де Малькьель не слишком преувеличивала: всё, начиная от имени автора «Книги благой любви» и вплоть до конечного смысла, порождает непрекращающиеся споры ученых, получает самые противоречивые оценки. И все же в полемике, в борьбе крайних, иногда взаимоисключающих точек зрения наука накопила много фактов и верных наблюдений, которые позволяют достаточно четко определить своеобразие «Книги благой любви» и ее место в истории культуры испанского народа.

1

В XIV в., к которому относится создание «Книги благой любви», в Италии, опередившей другие страны Западной Европы в социально-политическом, экономическом и культурном развитии, занимается заря новой культурной эпохи — Возрождения (Ренессанса). Ренессансная идеология и культура возникают в условиях начинающегося кризиса феодального общества и зарождения в недрах феодализма раннебуржуазных отношений. Новой эпохе соответствовала и новая светская культура с идеалом всесторонне и гармонично развитой свободной личности; рождается ренессансный гуманизм с его отказом от сословной ограниченности идеологии, попыткой высвободиться из-под церковной опеки, провозглашением человека центром вселенной, утверждением его права на свободу и счастье не в загробной, а земной жизни и в связи с этим оправданием земного, плотского начала в человеке.

Возрождение, формировавшееся в Италии XIV в., — качественно новый этап в истории европейской культуры. Из этого не следует, однако,

что между искусством и литературой средневековья и Возрождения пролегает непроходимая грань. Уже в недрах средневекового общества, особенно на поздних этапах его развития, выявляются некоторые черты, предвещавшие и ренессансный гуманизм, и ренессансную культуру в целом. Не была исключением в этом отношении и Испания XIII—XIV вв.

Испания, как и другие страны Европы (кроме Италии), в эту пору переживала эпоху расцвета феодализма, который, однако, здесь отличался крайним своеобразием. Ведь на протяжении всего этого периода народ Испании вел упорную и кровопролитную борьбу за национальное освобождение. С тех пор как в начале VIII в. большая часть Пиренейского полуострова была завоевана арабами, не прекращался процесс так называемой реконкисты, т. е. отвоевания исконных испанских земель, оказавшихся под властью завоевателей. Наибольший размах этот процесс приобретает с XI в., а в течение двух последующих столетий арабы (или, как их стали называть в Испании, мавры) потеряли все завоеванные прежде земли, за исключением Гранады и некоторых других областей юга страны. Только соперничество между различными государствами Пиренейского полуострова и феодальные раздоры внутри этих государств не позволили завершить реконкисту еще в XIV в.; Гранадский эмират пал лишь в 1492 г.

Реконкиста оставила глубокий след во всей истории народов Испании и их культуре. Она, в частности, замедлила процессы формирования феодальных отношений, особенно в Кастилии, центральной области страны, на долю которой выпала основная тяжесть борьбы с маврами. Здесь, с одной стороны, в ущерб королевской власти приобрело могущество дворянство, которое возглавило реконкисту. С другой стороны, кастильские горожане и крестьянство, также активно участвовавшие в освободительной борьбе, добились очень рано привилегий и прав, каких не имели в то время эти социальные силы нигде. Уже к концу XIII в. крестьянство Кастилии фактически освободилось от крепостной зависимости. Города же превратились в могучие крепости, которые защищались не только от нашествия мавров, но и от феодальных сеньоров-грабителей. Не случайно в средневековом парламенте Кастилии делегаты горожан и крестьян заседали рядом с представителями рыцарства и духовенства. К тому же на протяжении всех столетий ряды дворянства пополнялись за счет наиболее отличившихся в боях с маврами крестьян. Все это делало границы между сословиями весьма зыбкими. Специфически сословные черты в рыцарской идеологии здесь выражены гораздо менее отчетливо, чем в других странах Европы. Еще более существенно то, что в ходе борьбы против мавров сложились народные законы и обычаи; города и крестьянство обрели весьма

важные «вольности» (fueros). Это определило устойчивый демократизм культуры Испании на протяжении многих веков.

Процесс реконкисты определил и своеобразную роль церкви в жизни Испании. Конечно, и здесь, как и во всей феодальной Европе, католическая религия была орудием господствующих классов, «окружила феодальный строй ореолом божественной благодати».[268] Но в Испании она стала также и знаменосцем реконкисты. Сражаясь за «святую веру», испанцы осмысляли свою борьбу прежде всего как решение насущной национальной задачи освобождения родной страны от ига иноземцев, а не как осуществление возвышенных мистических идеалов. Фанатизм и нетерпимость в отношении инаковерующих совершенно не характерны для Испании этого времени; они начинают проповедоваться высшим духовенством лишь в самом конце эпохи реконкисты — в преддверии гибели Гранадского эмирата. Все это и определило своеобразие культуры Испании эпохи средневековья.

В других странах Западной Европы, прежде всего во Франции, классической стране феодализма, в XI-XIV вв. наряду с клерикальной литературой, единственной существовавшей до того письменной литературой, которая развивалась долгое время преимущественно на латинском языке, и фольклорным, народно-поэтическим творчеством возникают в качестве самостоятельных течений рыцарская, а затем и городская литературы. Рыцарская литература — лирика и роман — прославляет светский идеал, в котором к прежнему героическому присоединяется эстетический и этический кодекс рыцарского «благородства» и куртуазности (т. е. законов учтивости и обходительности, которым должны подчиняться рыцари). Городская литература, формирующаяся в условиях быстрого развития городов, роста их экономической и военной мощи, подъема цехового ремесла, борьбы горожан против своеволия феодальных сеньоров, с самого начала была оппозиционной по отношению к идеологии и культуре рыцарства, хотя критика действительности в ней, как правило, не шла далее негативной оценки и осмеяния отдельных сторон общественной и частной жизни, не затрагивая самих основ феодализма и его идеологии. Для городской литературы характерны генетическая связь с народным творчеством, прозаизм мышления, поэтизация здравого смысла и трезвой рассудительности, прославление героя-простолюдина. Ее художественный метод характеризуется эмпиризмом, стремлением к жизнеподобию в воспроизведении деталей повседневного быта, но обнаруживает неспособность проникнуть в глубь общественных явлений и изобразить существенные противоречия действительности. В противовес возвышенно-

патетической тональности рыцарской литературы городская литература, нарочито «приземленная», предпочитает грубоватый юмор и сатиру. Излюбленным темам рыцарской поэзии — куртуазной любви к даме и героическим авантюрам рыцарей — городская литература противопоставляет описание будничной жизни «третьего сословия» — горожан и крестьян.

Испания уже с XI в. во многом ориентировалась на опыт передовой французской культуры, но ее литература, в особенности в Кастилии, не знала строгой сословной дифференциации. В XII—XIV вв. здесь развивались два потока литературного творчества: фольклорное, так называемое «хугларское искусство» (mester de juglaría), долгое время бытовавшее в устной форме и распространявшееся бродячими авторами и Исполнителями — хугларами, и письменная литература, получившая название «mester de clerecía». Этот термин иногда переводят буквально как «клерикальное искусство», тем более что оно несомненно генетически связано с церковной литературой на латинском языке, развивавшейся до этого. Между тем слово «clérigo» в средние века означало не только «клирик», «духовное лицо», но также и «образованный, ученый человек», — ведь образование в те времена находилось в руках церкви. Поэтому и термин «mester de clerecía» должен расшифровываться, скорее, как «ученое искусство» и обозначать все формы письменной словесности в ее противопоставлении народной, «хугларской». Из этого не следует, однако, что границы между «ученой» и «хугларской» литературой были резко очерченными и непреодолимыми. Напротив, эти два литературных потока активно взаимодействовали, оказывали влияние друг на друга; различия между ними, как правило, не носили мировоззренческого характера. Вместе с тем «ученое искусство» качественно отличалось от «хугларского». Вместо хуглара — бродячего автора и исполнителя героических поэм, ощущавшего себя как бы выражением «гласа народного», — здесь появляется профессиональный поэт, чаще всего называющий себя, по примеру провансальских рыцарских поэтов, «трубадуром» (trobador) и стремящийся утвердить свою авторскую индивидуальность. Наряду со старыми жанрами церковной литературы на латинском языке (жития святых, легенды о чудесах Богоматери, гимны и др.) формируются новые — роман, аллегорическая поэма, любовная и политическая лирика, новелла. Начинают стираться прежде столь отчетливые различия между «высокими» и «низкими» жанрами, между изображением «возвышенной» и «низменной» сфер действительности. Разрабатываются новые метрические формы, обогащается стилистика, шлифуется язык. Наряду с религиозными и аскетическими мотивами все более утверждаются светские идеалы,

пробуждается интерес к краскам и формам реального мира, к душевным переживаниям человека. Под воздействием городской культуры усиливаются рационалистические элементы и сатирическая критика действительности. Еще не подвергая сомнению основы феодального миропорядка и идеологии, писатели своим творчеством объективно способствуют их расшатыванию.

Расцвет «ученой литературы» в Кастилии относится ко второй половине XIII и к XIV в. На это время падает творческая деятельность таких выдающихся художников слова, как король Альфонс X Мудрый (1212—1284), инфант Хуан Мануэль (1282—1348), автор «Книги благой любви» Хуан Руис, а позднее, уже во второй половине XIV в., Перо Лопес де Айала (1332-1407).

Король Кастилии и Леона Альфонс X был человеком чрезвычайно образованным и сгруппировал вокруг себя большое число ученых, как христиан, так и арабов и евреев. Под его руководством и при непосредственном его участии было создано большое число ученых трудов, оставивших заметный след в истории европейской культуры. Так, например, в 1263—1265 гг. была завершена книга «Семь частей», первый в европейской литературе всеобъемлющий свод законов, изложенных не по-латыни, а на национальном языке, и, что не менее важно, в ней представлена широчайшая панорама жизни испанского общества XIII в., обычаев, привычек, образа мыслей, особенностей быта людей того времени. Еще более значительную роль сыграли исторические труды Альфонса и его сотрудников, особенно всемирно известная «Всеобщая хроника Испании», в которой не только излагались факты прошлого, но и ощущалось стремление художественно осмыслить историю. «Семь частей» и «Всеобщая хроника Испании» положили начало испанской прозе, обогатив кастильский литературный язык и придав ему необычайную гибкость и пластичность. Важное место среди литературного наследия Альфонса X занимают поэтические произведения, в частности «Песнопения во славу Девы Марии», хотя они и были написаны не по-кастильски, а на галисийско-португальском языке.

Племянник Альфонса X, один из знатнейших сеньоров Кастилии, инфант Хуан Мануэль создал много морально-дидактических трудов, которые дают как бы своеобразный свод знаний, житейской мудрости и нравственных норм его времени. Но важнейшее произведение Хуана Мануэля — это «Книга примеров графа Луканора и Патронио», более широко известная под названием «Граф Луканор» (1335), в которой, опираясь на опыт восточных апологов и религиозных притч, писатель разрабатывает жанр новеллы. До того считавшаяся жанром

«простонародным» и «низким», под пером Хуана Мануэля новелла поднимается до уровня большого искусства и насыщается новым светским и гуманистическим содержанием.

Почти одновременно с «Графом Луканором» возникает и «Книга благой любви», которая ныне впервые полностью появляется в переводе на русский язык.

2

«Книга благой любви» написана от первого лица и повествует о любовных приключениях веселого клирика, который называет себя Хуаном Руисом, архипресвитером (старшим священником) из Иты. Долгое время исследователи не сомневались, что именно Хуан Руис и является автором этого произведения. Если и возникали споры, то лишь относительно того, в какой мере все, о чем повествует книга, соответствует реальной биографии автора. Так, один из ранних, но весьма авторитетных историков испанской литературы американец Джордж Тикнор (1791—1871) писал о «Книге благой любви»: «Она состоит из ряда рассказов, заключающих в себе черты из жизни самого автора, переплетающихся с вымыслами и аллегориями, которые, впрочем, служат не более как покровом для действительных фактов...».[269] Хосе Амадор де лос Риос (1818—1878) в еще более обстоятельной и тщательно фундированной семитомной «Критической истории испанской литературы» (1861—1865), уже не полностью отождествляя автора и героя книги, тем не менее не сомневается, что написал книгу именно архипресвитер Итский.[270] Марселино Менендес-и-Пелайо (1856—1912) в этом отношении идет даже дальше своих предшественников, практически почти полностью отождествляя героя книги с ее автором. Для него создатель «Книги благой любви» — «распутный клирик, завсегдатай кабачков», «клирик-хуглар, нечто вроде голиарда, школяр-полуночник, неутомимый игрок на разных музыкальных инструментах», чья жизнь «бесчестна и противоречит религиозным канонам». Отсюда и вывод: «В своей основе повествование правдиво... Его стихи — это воспоминания, вольно и поэтично аранжированные»; «Книга благой любви» — это «плутовской роман в автобиографической форме, герой которого — сам автор».[271] Можно было бы продолжить число подобных суждений: вплоть до последних десятилетий большинство исследователей, хотя и не отождествляло автора и героя столь безоговорочно, как это делал Менендес-и-Пелайо, все же не сомневалось в том, что автор книги — клирик из Иты.

Однако упорные поиски каких-либо сведений о нем в различных архивах не дали никаких результатов. Единственным источником сведении об авторе «Книги благой любви» остается сама книга: предметом ученых споров стало лишь то, в какой мере ей можно в этом отношении доверять.

В последние десятилетия все чаще ученые высказывают мнение, что фигура повествователя в «Книге благой любви» — в такой же мере плод фантазии неизвестного автора, как и все ее содержание, что даже имя повествователя — Хуан Руис — лишь псевдоним, а скупые сведения, сообщаемые о герое, нельзя переносить на автора. Наиболее последовательно эту мысль сформулировал в своем очерке о «Книге благой любви» Висенте Гаос. «Чтобы избежать какой-либо двусмысленности, — пишет он, — я, со своей стороны, буду называть создателя „Книги...” всегда только „автором”, считая это произведение анонимным, а „архипресвитера” его персонажем».[272]

Вряд ли, однако, можно согласиться с этим излишне категорическим разграничением автора и рассказчика. Конечно, далеко не все, о чем повествует в книге от первого лица автор, может быть принято на веру. И все же сознательная псевдонимность авторам произведений средневековой «ученой литературы» совершенно несвойственна. Характерно, что даже писатели, жившие примерно в то же время, когда была написана «Книга благой любви», не подвергали сомнению имя автора. Так, например, на полях одной из латинских рукописей этого времени были обнаружены несколько строф из «Книги благой любви», автором которой назван Хуан Руис, архипресвитер из Иты.[273] Можно с уверенностью также сказать, что некоторые сведения, сообщаемые автором о себе, вполне достоверны. Так, например, подробности географического и иного характера, содержащиеся в книге, позволяют заключить, что автор превосходно знаком с упоминаемыми в тексте городками Алькала де Энарес, Ита, Гвадалахара, а также деревушками, разбросанными по склонам Сьерры Гвадаррамы. Правомерно заключить, что автор — родом из этих мест или по крайней мере много лет здесь проживал. Не приходится сомневаться и в том, что он принадлежал к духовному сословию: обилие ссылок на религиозные тексты, на предписания церковных властей и вообще специфический характер эрудиции автора служит достаточно убедительным подтверждением этого. Помимо основного корпуса книга содержит прозаический и стихотворный прологи, написанные с очевидной целью объяснить и оправдать авторский замысел книги. Вряд ли можно предположить, что и в этих прологах автор выступает в «образе» якобы придуманного им рассказчика — архипресвитера. Упоминания его должности или намек на это содержатся не только в основном тексте книги (строфы 575 и 845), но и в стихотворном

прологе (в строфе 6: * «Господь, от подобной беды избавь своего архипресвитера»),[274] и в открывающем книгу обращении к Деве Марии (в строфе 19: «...в начале сей книги от архипресвитера Иты Хуана Руиса хвалебные строки прими ты»). И наконец, самое главное: вся «Книга благой любви» настолько пронизана личностным, авторским началом, что, как писал один из недавних ее исследователей, «кажется, является произведением глубоко исповедальным...».[275] Вот почему мы считаем возможным извлечь из «Книги благой любви» некоторые, хотя бы самые общие, сведения о жизни ее автора.

Итак, для нас вполне достоверно, что автором книги был некий Хуан Руис (он называет свое имя в строфах 19 и 575). Родился он, видимо, в Алькала де Энаресе и всю жизнь провел здесь и в близлежащих городках Гвадалахара и Ита. В этом последнем, в то время игравшем куда более важную роль, чем ныне, он и служил архипресвитером, во всяком случае не позже 1351 г., ибо с этого времени должность архипресвитера в Ите занимал некий Педро Фернандес.[276] Был он, если верить тому, что рассказывает о себе, человеком веселого нрава, любителем, хотя и в меру, выпить и закусить, поболтать с друзьями в веселой компании, не чураясь и любовных утех. Он был поэтом и гордился этим, не раз прибегая к своему искусству, когда добивался расположения какой-нибудь дамы. Нередко доводилось ему сочинять и песенки для мавританских и еврейских танцовщиц, а также для нищих слепцов, бродячих школяров и вообще для простого люда. Если бы собрать эти сочинения все вместе, то *«не хватило бы и десяти стоп бумаги», как горделиво заявляет автор (строфы 1513—1514). Однако от всего его лирического творчества сохранились лишь те немногие песенки, которые он включил в свою книгу. Потому ли, что архипресвитер слишком уж откровенно нарушал церковные предписания, по навету ли врагов или по какой-то иной причине толедский архиепископ кардинал Хиль де Альборнос приказал заключить Хуана Руиса в тюрьму, где он провел длительное время и где, быть может, частично написана его книга. Реальность этого факта особенно часто подвергается сомнению в трудах, посвященных «Книге благой любви», с тех пор как Лео Шпитцер, а затем еще более решительно М. Р. Лида де Малькьель интерпретировали встречающееся в тексте многократно слово «presión» (совр. prisión — тюрьма) лишь в аллегорическом смысле, как воплощение земной жизни.[277] Луциус Гастон Моффат вообще считает, что сведения о заключении в тюрьму автора «Книги благой любви» присочинены одним из переписчиков книги — Альфонсо Парадинасом, который на полях изготовленного им манускрипта записал, что архиепископ толедский кардинал Хиль де Альборнос бросил

Хуана Руиса в тюрьму, где тот и написал свою книгу.[278] Однако многие ученые, среди них Дамасо Алонсо, один из самых проницательных исследователей испанской культуры, склонны считать тюремное заключение Хуана Руиса вполне достоверным.[279] Нам представляется, что текст книги дает убедительные подтверждения этой точки зрения. Так, в стихотворном прологе, который, конечно же, принадлежит самому автору, слово presión повторяется четырежды (1d, 2d, 3d, 4d)[280] в контексте, который делает аллегорическое толкование этого слова весьма сомнительным. Хуан Руис упорно упоминает каких-то * «предателей» (7d), * «сеятелей раздоров» (10c), * «коварных людей, жестоких, злых и высокомерных» (1665h, i). В «Гимне во славу Девы Марии» он обращается к Богоматери: «Снизойди, прошу, к моленьям/твоего слуги покорного:/из узилища позорного/выпусти его на волю!/Дай мне превозмочь недолю,/защити от зла тлетворного» (1674c-h). Ту же тему он развивает и далее, в строфах 1678—1683, завершая свою мольбу словами: * «Великое зло я терплю незаслуженно и несправедливо» (1683a). Все это заставляет нас склониться к мысли о том, что на долю автора «Книги благой любви» выпали тяжкие испытания, заставившие его изведать и суровость тюремного заключения, хотя ни о причинах его, ни о последствиях мы судить сейчас не можем.

3

«Книга благой любви» дошла до нас в трех списках разной степени сохранности и точности; среди них нет ни одного полного. Первый из них — «манускрипт Гайосо» — некогда принадлежал известному испанскому библиофилу XVIII в. Бенито Мартинесу Гайосо. В 1783 г. этот список был приобретен у наследников Гайосо Франсиско Хавьером де Сантьяго-и-Паломаресом, который и передал рукопись ее первому издателю Томасу-Антонио Санчесу. В настоящее время она хранится в Испанской королевской академии. Рукопись относится к концу XIV в. и состоит из 9 фрагментов, содержащих в общей сложности 1219 строф (около 5330 стихов). Другой список («Толедский») состоит из 6 небольших фрагментов — всего 1814 стихов; он долгое время находился в хранилище Толедского собора, а сейчас вошел в собрание Национальной библиотеки в Мадриде. Этот список, изготовленный также в конце XIV в., несомненно представляет тот же вариант текста, который зафиксирован в «манускрипте Гайосо». В тексте «манускрипта Гайосо» содержится указание: «В одна тысяча триста шестьдесят восьмом году завершена эта книга». Поскольку испанцы вели в то время летоисчисление от «эры Цезаря», опережавшей «христианскую

эру» на 38 лет, то дата, указанная в «манускрипте Гайосо», соответствует 1330. г. нашей эры.

Третий, самый полный список — «Саламанкский» — принадлежал некогда Старшей коллегии святого Варфоломея Саламанкского университета, затем долгое время хранился в библиотеке Королевского дворца в Мадриде и сравнительно недавно возвращен в библиотеку университета в Саламанке. Манускрипт, видимо, относится к началу XV в. и помимо 1544 строф стихотворного текста (около 6200 стихов) содержит прозаический пролог. Датой завершения книги здесь назван 1381 г. «эры Цезаря», т. е. 1343 г. н. э. В тексте Саламанкского манускрипта имеется семь лакун, лишь отчасти восполняемых другими списками.[281]

Немалый интерес представляют и другие варианты текста «Книги благой любви», сохранившиеся в рукописях и изданиях XIV—XVI вв. Эти тексты невелики, но они все же позволяют уточнить некоторые строки книги Хуана Руиса. Так, например, в конце XIX в. в библиотеке университета города Порто (Португалия) был обнаружен небольшой фрагмент португальского перевода «Книги благой любви»; как полагают исследователи, найденные строки — отрывок из перевода, выполненного в последней трети XIV в. и хранившегося в библиотеке португальского короля дона Дуарте (1433—1438).[282]

Цитаты из «Книги благой любви» встречаются дважды — в 4-й главе 1-й части и в 8-й главе 3-й части — в книге «Бич, или Осуждение мирской любви» (1438) Альфонсо Мартинеса де Толедо, испытавшего несомненное влияние архипресвитера Итского.

В 1898 г. Рамон Менендес Пидаль обнаружил в одном из списков XV в. «Всеобщей хроники» сделанную на обороте текста более позднюю хугларскую запись с отрывком «Книги благой любви». Небольшой по объему фрагмент (всего 4 строфы) представляет тем не менее большой интерес и как свидетельство популярности книги Хуана Руиса в демократической среде, и своими разночтениями с известными нам текстами.[283]

Среди заметок испанского гуманиста XVI в. Альваро Гомеса де Кастро были обнаружены 30 строк, извлеченные из Толедского манускрипта; семь из них не фигурировали ни в каких известных списках.[284] Известно также, что ренессансный историограф XVI в. Гонсало Арготе де Молина обладал рукописью «Кансьонеро архипресвитера времен Альфонса XI», но рукопись эта до сих пор не разыскана.[285]

Давно стало ясно, что истинный облик книги Хуана Руиса может быть восстановлен лишь на основе сопоставительного анализа всех дошедших до

нас текстов «Книги благой любви». Однако вплоть до нашего столетия издатели этим требованием пренебрегали. Томас Антонио Санчес, впервые опубликовавший произведение Хуана Руиса под названием «Стихи»,[286] знал, правда, о существовании всех трех основных списков, но воспользовался лишь имевшимся в его распоряжении манускриптом Гайосо, к тому же совершенно произвольно исключив из него несколько важных эпизодов, показавшихся ему «безнравственными». Узнав об этом еще до выхода в свет книги, известный испанский просветитель Гаспар Мельчор де Ховельянос предложил Испанской академии разрешить публикацию книги Хуана Руиса полностью. Академия согласилась с этим мнением. Тем не менее Санчес сохранил в своем издании многочисленные купюры.[287] С этими же купюрами выпустил книгу Хуана Руиса Эухенио де Очоа полвека спустя.[288]

Желая восполнить пробелы этих изданий, Х. Амадор де лос Риос в четвертом томе своей «Критической истории испанской литературы» не только дает обширный этюд о Хуане Руисе, но в приложении публикует опущенные Т. А. Санчесом 60 строф. Независимо от Амадора де лос Риоса и почти одновременно (в 1864 г.) этот полный текст манускрипта Гайосо Флоренсио Ханер включает в 57-й том знаменитой «Библиотеки испанских авторов».

Только в 1901 г. французский ученый Жан Дюкамен публикует все три основных списка «Книги благой любви».[289] С этого момента начинается серьезное научное издание текста книги, а также его основательное изучение. Так, в 1913 г. Хулио Сехадор-и-Фраука выпускает с обширным предисловием и комментарием двухтомное издание книги, в основу которого положен все тот же манускрипт Гайосо, но включены и дополняющие его фрагменты из Саламанкского манускрипта.[290] Долгое время ученые ориентировались преимущественно на это издание, неоднократно перепечатывавшееся, хотя довольно скоро выяснилось, что в нем немало ошибок, субъективных и сомнительных толкований. Лишь в 1960-е гг. появились почти одновременно три «критических издания» текста «Книги благой любви».[291] Эти издания несомненно продвинули вперед текстологические исследования творения Хуана Руиса, но все же выполнить поставленную перед собой задачу — дать в подлинном смысле слова критическую, т. е. тщательно выверенную, освобожденную от разного рода субъективных толкований публикацию текста, свод различных имеющихся его версий — не удалось в полной мере ни в одном из них; подобное издание — все еще дело будущего.

Ждет своего однозначного решения и вопрос о соотношении между собой различных списков «Книги благой любви».

В рецензии на издание Ж. Дюкамена[292] авторитетнейший испанский ученый Рамон Менендес Пидаль, казалось бы, неопровержимо доказал, что манускрипты Гайосо и Толедский, с одной стороны, и Саламанкский — с другой, представляют собой две авторские редакции текста: раннюю, завершенную в 1330 г., и окончательную, датируемую 1343 г.[293] В 1964 г., однако, эта давно утвердившаяся точка зрения была подвергнута сомнению. Итальянский публикатор «критического издания» текста Д. Кьярини в обширном предисловии изложил убедительные доводы в пользу того, что все три дошедших до нас списка восходят в конечном счете к общему авторскому архетипу, и на этом основании отверг гипотезу о двух редакциях текста. Идею архетипа ныне принимает большинство специалистов. Гораздо менее единодушны они, когда речь заходит о редакциях. Многим показались мало убедительными хитроумные доказательства Кьярини того, что дата «1230 г.», имеющаяся в манускрипте Гайосо, появилась лишь в результате ошибки копииста. Немало исследователей, в их числе Ж. Коромінас, выпустивший свое собственное критическое издание «Книги благой любви», сохраняет приверженность гипотезе Менендеса Пидаля о двух последовательных редакциях текста. Нам представляется также, что между архетипом и дошедшими до нас списками существовало несколько промежуточных звеньев, в том числе не исключены и различные авторские редакции.[294]

4

Книгу Хуана Руиса можно назвать романом в стихах, но в отличие от предшествующих образцов романа средневековья 1728 строф (около 7 тысяч стихов) этой книги содержат не повествование о подвигах рыцарей и королей, как в куртуазных повестях и романах, не аллегорическую картину борьбы противоборствующих страстей, как в «Романе о Розе», не сатирический животный эпос, как в «Романе о лисе», но рассказ о приключениях веселого и жизнелюбивого клирика; и действие книги протекает не в вымышленных и фантастических странах, не в легендарную эпоху короля Артура или Александра Македонского, а в современной автору Испании.

Произведение Хуана Руиса настолько сложно по своей структуре, что долгое время его истолкователи рассматривали книгу как сборник малосвязанных между собой разножанровых сочинений. А так как в

дошедших до нас стихах книга не имеет заглавия, то первые ее издания выходили под названиями «Стихи» и «Книга песен». Только в конце прошлого столетия на основе тщательного анализа текста книги Р. Менендес Пидаль доказал, что, согласно авторскому замыслу, произведение архипресвитера должно называться «Книгой благой любви».[295] С тех пор это название прочно утвердилось и в издательской практике, и в науке.

Но и сам Менендес Пидаль, и многие другие исследователи, ссылаясь на работы Менендеса-и-Пелайо, продолжали отрицать тематическое и художественное единство произведения Хуана Руиса.[296] Только М. Р. Лида де Малькьель, а затем Ф. Рико доказали, что содержащаяся в трудах Менендеса-и-Пелайо классификация основных структурных элементов «Книги благой любви» вовсе не означала отрицания внутреннего единства книги;[297] они несколько уточнили эту классификацию, ныне общепринятую, выделив следующие структурные элементы книги:

1)прозаический пролог, близкий к так называемым «ученым проповедям», обращенным к священнослужителям, хотя отчасти и пародирующий их;

2)роман о любовных приключениях героя-повествователя (Менендес-и-Пелайо не очень удачно назвал его «плутовским романом»), написанный в форме автобиографии;

3)собрание «примеров» — рассказов, притч и басен, призванных иллюстрировать идеи книги;

4)несколько сатир;

5)рассуждения дидактико-назидательного характера;

6)цикл лирических стихотворений, как светских, так и религиозных;

7)серия аллегорических эпизодов;

8)переложение овидиевой «Науки любви» и средневековой латинской комедии XII в. «Панфил».

При всей пестроте и неравнозначности элементов, из которых складывается «Книга благой любви», она представляет собой произведение цельное и подчиняющееся единому плану. Только перед читателем предстает не живописное полотно, а мозаичное панно, в котором цельность впечатления лишь подчеркивается тем, что оно составлено из множества разноцветных кусочков.

Основным структурным элементом, как бы скелетом, на котором держатся все остальные составные части книги, является автобиографическая исповедь клирика, повествующего о своих любовных похождениях. Теперь уже, кажется, никто не спорит с тем, что рассказчик, от имени которого ведется повествование, отнюдь не может быть полностью отождествлен с автором, хотя и наделен кое-какими его чертами. Поэтому

здесь речь идет, скорее, об автобиографии как о литературном жанре, чем о намерении автора изложить подлинные обстоятельства своей жизни.

Автобиографическая форма повествования в средневековой европейской литературе встречается нередко. Почти все ее образцы, созданные в разное время клириками по-латыни, прямо или косвенно вдохновлялись знаменитой «Исповедью» одного из отцов церкви Августина Блаженного (354—430). Исследователь Хуана Руиса, Андрес Михальски, даже выдвинул версию о том, кто «Книга благой любви» является систематической и последовательной пародией на это почитаемое всеми средневековыми авторами произведение.[298] Его доводы нам кажутся, однако, надуманными и неубедительными. Из подлинных автобиографий на латинском языке гораздо ближе по духу к книге Хуана Руиса «История моих бедствий» французского философа и поэта Пьера Абеляра (1079—1142). Однако и эта книга, и две автобиографические исповеди на национальных языках Европы — «Служение даме» (1255) Ульриха фон Лихтенштейна и знаменитая «Новая жизнь» (1292) Данте — вряд ли могли быть известны клирику из Иты. В поисках источников «автобиографии» Хуана Руиса М. Р. Лида де Малькьель указала на жанр испано-еврейской литературы «макамат» (maqamat), но ей не удалось прояснить пути, по которым испанский поэт мог познакомиться с этим жанром, хотя многие арабские и вообще восточные источники несомненно ему были знакомы. Наконец, Ф. Рико указал в качестве возможного источника «Книги благой любви» различные латинские средневековые сочинения «Овидиева цикла», многие из которых повествуют о любовных приключениях Овидия и излагаются от его имени.[299] Приходится признать, что вопрос о жанровом прототипе «Книги благой любви» еще не получил окончательного решения, и можно лишь утверждать, что круг источников этого произведения достаточно широк и в этом отношении он следует давней средневековой традиции. Но в большинстве случаев источники служат для испанского поэта лишь строительным материалом; архитектура же здания, возведенного из этих материалов, поражает своей оригинальностью.

Какова цель, поставленная перед собой автором «Книги благой любви»? Сам Хуан Руис ее сформулировал, казалось бы, достаточно четко и в названии своего произведения, и в прозаическом к ней прологе. В этом последнем он не раз подчеркивает, что «с благим разумением и благою волей душа избирает любовь к Богу, чтобы тем спастись». И далее утверждает, что написал «сей посильный труд в прославление добра и составил сию книжицу, в коей описаны иные из лукавых подходов, уловок и ухищрений мирской безрассудной любви, коими она склоняет некоторых ко греху». Итак, дидактический замысел «Книги благой любви» как будто

несомненен. Но, во-первых, есть основания полагать, что прозаический пролог написан позднее всей книги и, быть может, призван был оправдать в глазах строгого церковного начальства содержание книги, иногда весьма далекое от истинного благочестия. К тому же даже в этом прологе назидание, характерное для ученой проповеди, к форме которой прибегает Хуан Руис, вдруг перебивается озорным замечанием автора: «понеже человеку свойственно грешить, то, если бы иные пожелали, чего я им не советую, предаться безрассудной любви, они здесь найдут некоторые указания на сей счет». Это сразу снимает всю серьезность тона проповеди, хотя, быть может, идея о пародийности пролога и слишком преувеличена. [300]

Неудивительно, что Р. Менендес Пидаль, например, был убежден, что «название книги, по сути своей, полная противоположность тому, как следовало бы озаглавить книгу на самом деле», что, вынеся в заглавие «благую любовь», автор практически отдает явное предпочтение «любви безрассудной».[301] Со своей стороны, советский медиевист А. А. Смирнов также утверждал, что «любовные приключения рассказчика и других лиц изображаются с таким сочувствием и с такими красочными подробностями, что это исключает всякую мысль о назидательных намерениях Хуана Руиса».[302] Согласиться, однако, с этими суждениями без оговорок нельзя. Правильное понимание позиции Хуана Руиса возможно лишь в рамках строгого историзма. Между тем, как нам представляется, и те исследователи, которые видели в архипресвитере из Иты лишь правоверного проповедника средневековой христианской морали (например, Амадор де лос Риос, Сехадор-и-Фраука и др.), и те, кто столь же убежденно объявлял Хуана Руиса богохульником и вольнодумцем, чуть ли не предшественником Рабле (например, Пюймэгр), в равной мере грешили против строго исторического подхода к изучению творчества испанского поэта.

Вспомним, что на дворе стояло XIV столетие. Конечно же, Хуан Руис не был и не мог быть вольнодумцем типа Рабле, — для этого еще просто не пришло время. Но он уже не призывал и к умерщвлению плоти как единственному способу служения Богу. XIV в. — эпоха ломки многих традиционных религиозно-этических представлений, когда некоторые казавшиеся незыблемыми и неоспоримыми догмы католицизма начинают подвергаться проверке разумом и обнаруживают свою уязвимость. Конечно, даже самые передовые люди этой эпохи еще далеки от того, чтобы порвать сковывавшие сознание средневекового человека религиозные путы, но они уже не могут не бунтовать против требования слепо следовать догмам вероучения. Поэтому, быть может, самой характерной особенностью

сознания мыслящих людей той эпохи была глубокая противоречивость их убеждений и устремлений. В решении центральной проблемы книги — что такое «благая любовь» и каково ее соотношение с «любовью безрассудной» (или «безумной» — amor loco) — внутренняя противоречивость позиции автора обнаруживается особенно отчетливо.

В схоластической средневековой науке «благая любовь» истолковывалась как тяготение души к Богу, т. е. как любовь, лишенная какого-либо плотского начала и обращенная к божеству; «безумная любовь» соответственно понималась как плотское, земное и, следовательно, греховное чувство. Антитеза божественной и земной, благой и безумной любви была лишь частным выражением господствовавшей в средневековой христианской идеологии теории двух реальностей, идеи коренной противоположности «высшей реальности» — истинно прекрасного потустороннего мира, к которому должны быть устремлены все помыслы верующего, и «низшей реальности» — земного мира, который объявлялся лишь жалкой тенью «высшей реальности». Ортодоксальный вывод из теории двух реальностей — аскетический отказ от земных благ, призыв к умерщвлению греховной плоти во имя воспарения духом к божеству.

Аскетический идеал был господствующим в средние века, но отнюдь не единственным. Уже сама теория двоемирия таила в себе возможность иного подхода: раз земной мир — отражение, хотя бы и несовершенное, высшей реальности, значит есть в нем хотя бы искорка божества, и, следовательно, готовить себя к слиянию с высшей реальностью можно, раздувая эту искорку здесь, на грешной земле. Эти идеи, отвергавшиеся официальной церковью как еретические, тем не менее имели широкое хождение на протяжении всего средневековья. Так, в частности, возникла идея любви к творению божьему (например, женщине) как пути к Богу. Подобное истолкование теории двух реальностей таило в себе потенциальные возможности гуманистического переосмысления места и роли человека, его чувств во вселенной.

В иных формах вызревала оппозиция аскетическому идеалу в рыцарской и городской литературах. Рыцарский идеал благородства, куртуазности и служения даме, конечно, ни в коей мере не был антирелигиозным; это — светский идеал, которым должен руководствоваться рыцарь в противовес остальным сословиям. Сословная ограниченность рыцарского идеала получила свое выражение и в концепции рыцарской любви: какие бы формы она ни приобретала — платонические или чувственные, — она неизменно стилизовалась под иерархический строй отношений феодального общества: отношения влюбленного и дамы — это отношения вассала и сюзерена; дама поднята на пьедестал, а любовное

чувство, лишаясь непосредственности, строго регламентируется предустановленными «правилами» и «моделями».

Городская литература противопоставляла возвышенно благородному рыцарскому идеалу любви чувство нарочито приземленное, сводя чаще всего любовь к похоти, к удовлетворению инстинкта. Лишь в XII—XIII вв., под влиянием философии аверроизма и трудов Шартрской философской школы, в некоторых произведениях городской литературы, например во второй части «Романа о Розе», написанной Жаном де Меном, осуществляется попытка осмыслить любовное чувство как проявление могущественной природы. Так, в городской литературе пробиваются те же гуманистические тенденции, которые в иной форме вызревали в неортодоксальных истолкованиях теории двух реальностей.

Какой из этих концепций отвечала позиция Хуана Руиса? Как мы полагаем, концепция любви в книге архипресвитера Итского отнюдь не однозначна, хотя и поддается в конечном счете достаточно четким определениям.

Конечно, Хуан Руис вовсе не лицемерил, когда в прозаическом предисловии прославлял любовь к Богу как высшую форму любви. Выражением этого стремления к божественной любви стали в книге Хуана Руиса обрамляющие ее песни, посвященные Деве Марии, стихотворения о страстях Христовых. Нельзя, однако, не согласиться с испанским ученым Кармело Гариано, который, считая эти сочинения выражением глубокой и искренней религиозности Хуана Руиса, вместе с тем замечает, что его религиозная лирика «редко обретает жизненность, свойственную подлинному искусству...».[303] Справедливость этого замечания становится особенно очевидной при сопоставлении религиозной поэзии Хуана Руиса с предшествующей традицией. В произведениях Гонсало де Берсео (первая половина XII в.) образ Богоматери обретает человеческую теплоту, она предстает в них простой и человечной. Точно так же «очеловечивается» Дева Мария и в «Песнопениях во славу Девы Марии» Альфонса X; только здесь нередко отношения поэта к Богоматери стилизуются под нормы рыцарского служения даме. Вот этого глубоко личного, интимно-лирического чувства не хватает гимнам во славу Девы Марии, написанным Хуаном Руисом: искренний пиетет возвеличивает, но не приближает образ Богоматери к поэту.

Однако понятие «благой любви» (buen amor) хотя и соответствует божественной любви, но у архипресвитера Итского вовсе не сводится к ней. Точно так же и не всякая земная любовь, по мысли поэта, безрассудна. Попробуем разобраться в концепции любви у Хуана Руиса поподробнее.

5

Предмет этой книги — благая любовь; а она
вовеки не будет забыта, ни посрамлена (1630ab).

Так уже в самом конце книги Хуан Руис подтверждает сформулированную в прозаическом прологе цель своей книги — воспеть благую любовь. Однако до этого лишь однажды автор прямо противопоставляет любовь благую земной, да и то здесь (904) термин «благая любовь» знаменательно подменен другим: *«чистая любовь к Богу». Во всех остальных случаях, как это показал испанский исследователь Гонсало Собехано,[304] понятие «благая любовь» может быть истолковано одновременно и как любовь к Богу, и как любовь земная, а иногда только как любовь земная. *«Благая любовь и в простой может быть оболочке» (18d), — замечает Хуан Руис. А несколькими строками выше поэт обращается к Богу:

Дай сил, Вседержитель, дабы мог спокойно и смело
твой архипресвитер приняться за трудное дело.
Благая любовь — ей свой труд посвятит он всецело,
любви, что нам дух возвышает и радует тело (13).

Двойственный смысл термина «благая любовь» здесь прямо зафиксирован: возвышать дух, конечно, может любовь к Богу, но радовать тело способна любовь земная, даже плотская.

В конце книги сводня Уррака уговаривает монашенку Гаросу встретиться с архипресвитером: «... выбери друга, благой не чуждайся любви...» (1452). Конечно же, в данном случае нет и речи о любви к Богу; наоборот, любовь земная здесь отвлекает монашенку от любви божественной.

Итак, понятие «благая любовь» Хуан Руис употребляет не вполне ортодоксально: в его понимании это не только любовь к Богу, но и вполне земное, плотское чувство, хотя и не всякое.[305] Какое именно — об этом нам позволяют судить разграничения, которые делает архипресвитер Итский между любовью благой и безрассудной.

Не всякая земная любовь безрассудна, — неутомимо доказывает Хуан Руис, поющий торжественный гимн в честь земной любви (155—159):

Служение женщине! — как возвышает сей труд:
И ум, и дар слова, и пыл обретаются тут... (155ab).

Высший дар любви доступен даже тому, кто не добился соединения с возлюбленной, ибо любовное чувство влечет за собой нравственное совершенствование влюбленного:

Любовью зажжен, неотесанный станет учтивым, а косноязычный становится красноречивым, проворным являет себя, кто всегда был ленивым, и трус обретает способность к отважным порывам (156).

Любовь способна влить в человека новые физические силы и даже преобразить его внешность (157abc). Свой гимн любовному чувству поэт завершает утверждением: * «То, что само по себе грубо, любовь уподобляет благому» (162b); любовь делает глупца, невежду, бедняка в глазах любимой хорошим и * «благороднее всех остальных» (159b). В праве на любовь не может быть никаких ограничений: каждый человек имеет право на счастье, на любовь, позволяющую обнаружить все таящиеся в человеке силы, красоту, человеческое достоинство.

Можно ли назвать подобную, вполне земную любовь безрассудной, т. е. греховной? К. Гариано справедливо пишет, что для клирика Хуана Руиса «важнейшим правом является право наслаждаться жизнью и совершенствовать все потенции, которыми он обладает для этой цели».[306]

О том, что в данном случае речь идет о вполне плотском чувстве, Хуан Руис говорит прямо, ссылаясь на авторитет Аристотеля:

Как верно сказал Аристотель, в живое созданье
с рождения вложено свыше два главных желанья:
продлить и свой век, и свой род, — отыскать пропитанье
и особью женского рода достичь обладанья (71).

Таков всеобщий закон природы, и поэт подтверждает это ссылкой на то, что «зверь, птица, всяк житель и суши, и моря, и рек — /всяк пары взыскует» (73bc). Человек же в отличие от животных, движимых инстинктом продолжения рода лишь в определенные периоды, стремится к обладанью всегда (74). Но мудрый клирик далек от того, чтобы осуждать за это человеческий род. Ибо, по его мнению, только тогда, когда любовь человеческая сводится лишь к биологическому инстинкту, она становится безрассудной. Такая любовь толкает человека на преступление и в лоно порока. Хуан Руис иллюстрирует это примером об отшельнике (529—543).

Только безрассудная любовь могла заставить и Феррана Гарсиа, друга, которого рассказчик избрал посредником в любви к одной даме, презреть заветы дружбы и добиться самому любви этой дамы (115—122).

Именно безрассудную любовь обличает повествователь в своей речи перед доном Амуром, объявляя ее источником всех смертных грехов. Спор с доном Амуром, включающий в себя помимо инвективы против бога любви (181—422) ответ Амура и его поучения (423—575) и советы «супруги» дона Амура доньи Венеры (576—648), не только по объему, но и по содержанию принадлежит к числу центральных в книге. К. Гариано склонен характеризовать этот эпизод как одно из свидетельств переходного характера творчества Хуана Руиса на рубеже между средневековой и ренессансной культурой.[307] Не будем, однако, преувеличивать новизны позиции Хуана Руиса в данном случае. По крайней мере первую часть этого эпизода — инвективы против бога любви автор написал в форме популярной проповеди, перемежая перечисление и обличение смертных грехов жизненными «примерами» и баснями, призванными подтвердить справедливость этих обличений. Если что-либо и отличает инвективу Хуана Руиса от других христианских трактатов на эту тему, так это иронические нотки, которые пробиваются кое-где сквозь пафос обличения. Отчетливо иронический эффект возникает от того, что дон Амур оставляет как будто без внимания гневные обвинения в свой адрес. В ответе рассказчику он лишь поучает его, как добиться успеха в той самой земной любви, которую его собеседник только что обличал. И архипресвитер вновь становится верноподданным доньи Венеры и дона Амура.

Безрассудную любовь Хуан Руис обличает не за то, что в ней обнаруживается голос природы, а за то, что дар природы низведен здесь до уровня инстинкта. Безумной любовью является лишь то земное чувство, которое не ведает разумной меры (74). Чтобы подтвердить эту свою мысль, поэт рассказывает историю юноши, мечтавшего жениться сразу на трех девушках (189—198), и уподобляет этого юнца лягушкам, просившим аиста себе в цари (199—205). Для того чтобы любовь из безрассудной превратилась в благую, необходимо не отрекаться от природного начала, а лишь пользоваться им с «разумением, волей и памятью», т. е. с помощью той триады, которую Хуан Руис объявляет в прозаическом прологе исключительными свойствами человеческой души. Божественная любовь, универсальная категория средневековой схоластики, получает в книге архипресвитера Итского своеобразную конкретизацию в понятии благой любви, соединяющей чувство, заложенное в человеке природой, и разум, который помогает направить это чувство не на стезю греха, а по пути добродетели.

Воззрения Хуана Руиса на любовь, как на могучую природную силу, направляемую разумом, оригинальны, особенно в Испании его времени, но не уникальны. Они перекликаются с тем течением средневековой философии, которую советская исследовательница М. К. Попова справедливо охарактеризовала как «схоластическую натурфилософию». Речь идет об идеях некоторых шартрских неоплатоников XII в., в частности Аллана Лильского, автора поэмы «Плач природы», и его предшественника Бернара Сильвестра, автора философской поэмы «О всеобщности мира». Если ранее, в средние века «природа понималась как зеркало, в котором человек может созерцать образ божий»,[308] то в сочинениях этих философов природа обретает самодовлеющее значение; именно ей подчинены весь мир в его материальной ипостаси и человек как неотъемлемая часть мира. Могучей природной силой объявляется любовь, которая должна служить прежде всего для продолжения рода. Эти идеи получают дальнейшее развитие во второй книге «Романа о Розе» Жана де Мена. Как утверждает М. К. Попова, «реабилитация плоти и чувственной любви в «Романе о Розе» связана с особым пониманием природы и ее места в мире». Это понимание природы как властительницы материального мира позволяет Жану де Мену противопоставить «возвышенной куртуазной любви земную, заложенную в человеке природой и служащую прежде всего для продолжения рода».[309] Мы не можем утверждать, что Хуан Руис был знаком с трудами Аллана Лильского и других философов шартрской школы или даже с «Романом о Розе», хотя это и не исключено,[310] тем более что между воззрениями архипресвитера Итского и шартрской школой есть не только сходство, но и различия (Аллан Лильский, как и Жан де Мен, например, упрекает человека за то, что для него любовь — не только средство продолжения рода; Хуан Руис, как мы знаем, полагает, что это возвышает человека над животным миром). Нам важно лишь подчеркнуть, что мысль нашего поэта двигалась в том же русле, что и передовые течения средневековой философской мысли, подготовившие почву для ренессансной натурфилософии.

В том, что и воззрения Хуана Руиса в чем-то предваряли позднейшие ренессансные концепции любви, можно убедиться, сопоставив его взгляды с неоплатонической философией XVI в., в частности с «Диалогами о любви» Леона Еврея. Здесь, правда, различие между типами любви проведено более четко: помимо «сладострастной» (deleitable) и «честной» (honesto) любви есть еще и любовь «полезная» (provechoso), опирающаяся на человеческий разум. Рационализм Хуана Руиса не столь последователен, но и он расширяет понятие благой любви, объявляя ее совместимой с плотской страстью. Этот гимн «разумным», но человеческим чувствам,

торжествующей плоти, не препятствующей человеческому стремлению к любви божественной как конечному идеалу, очевидно, свидетельствует о том, что средневековая идеология окрашивается у Хуана Руиса в гуманистические тона.

Знаменательно, что точка зрения испанского поэта в чем-то перекликается и с позицией Франциска в споре между ним и Августином, составляющем содержание знаменитого трактата Франческо Петрарки «Моя тайна». Более того, разлад между любовью к Творцу и к женщине как к творению божьему, разлад, мучительно переживаемый итальянским ренессансным гуманистом, у испанского средневекового гуманиста оказывается менее болезненным, хотя и у него не получает окончательного и гармоничного разрешения. Подобно произведению Петрарки, «Книга благой любви» — произведение принципиально диалогическое, в нем выявляются и приходят в столкновение полярные точки зрения, но ни одна из них не одерживает решительной победы над другой. Не потому ли так редко любовь, вспыхивающая в сердце героя, завершается счастливым соединением любящих?

Впрочем, архипресвитер Итский смотрит на мир с оптимизмом. Благая любовь в конечном итоге торжествует даже тогда, когда любовное приключение завершается неудачей. Дама, в которую влюблен герой, вынуждена прервать с ним отношения, так как из-за его неосторожности о его ухаживании стало известно другим. Расставаясь с ним, она просит песню «печальную, скорбную сочинить в ее честь» (91d). И исполненная глубокого чувства скорбная песнь любви позволяет любящим соединиться духовно.

В этом эпизоде обнаруживается еще одна важная грань новой концепции любви, утверждаемой автором: женщина у Хуана Руиса не только предмет любви, но и человек, достойный уважения. Американский ученый Отис Г. Грин справедливо обращает внимание на то, что в сочинении Хуана Руиса есть явные отголоски куртуазно-рыцарской концепции любви.[311] И все же нельзя не согласиться с Висенте Кантариано, который полагает, что, используя иногда формулы куртуазной любви, архипресвитер из Иты в сущности весьма далек от этой концепции.[312] В «Книге благой любви» нет и намека на отношения вассала — сюзерена, под которые стилизуется любовь у рыцарских поэтов. Более того, устами одного из каноников Талаверы он противопоставляет свои представления о любви рыцарским чувствам (1703). Новизна и гуманистический характер концепции любви в книге Хуана Руиса получают выражение и в том, что женщина объявляется равноправным партнером мужчины в благой любви, а не «сосудом греха».[313] Даже в отношении к

таким отнюдь не самым совершенным представительницам женской половины человеческого рода, как горянки, испанский поэт проявляет снисходительность, что же говорить о его отношении к донье Тернине или к Гаросе? Глубокая человечность и поэтичность окрашивают оба эти эпизода, занимающие столь важное место в «Книге благой любви».

6

Эпизод с доньей Терниной — переложение, а частично и довольно точный перевод средневековой латинской комедии XII в. «Книга о Панфиле».[314] Однако, как и в большинстве других аналогичных случаев, талант Хуана Руиса преображает источник. И дело не только в том, что латинская комедия насчитывает всего 780 строк, а ее версия у Хуана Руиса — почти вдвое больше (311 строф, т. е. 1244 строки). Суховатый и подчеркнуто обобщенный рассказ о любви Панфила и Галатеи превращается под пером архипресвитера из Иты в красочное, полное жизни повествование.

Один из наиболее излюбленных способов переработки источников в «Книге благой любви» это их «испанизация», перенос действия в современную автору Испанию.

Впечатление подлинности всего, о чем повествует Хуан Руис, создается прежде всего благодаря тому, что автор «Книги благой любви» насыщает свой рассказ множеством конкретных деталей быта и обстановки, испанскими пословицами и поговорками, поэтическими тропами, перебрасывающими мостик из идеального царства влюбленных латинской комедии в гущу повседневной жизни Кастилии XIV в. (такова, например, функция «снижающих» сравнений женщины с домашними животными в речи Венеры — 616ab, d; 641a, cd и др.).

Особенно часто Хуан Руис конкретизирует место действия. При этом он добивается создания не только реального, бытового, но в какой-то мере и психологического и даже социального фона событий. Так, например, первое свидание героя с доньей Терниной происходит на городской площади. * «Но говорить с женщиной на площади — слишком опасно» (656a), — замечает автор. Заговорив с доньей Терниной, юноша поэтому «вполголоса молвил», — ведь «глядят проходящие зорко и слушают чутко» (659 ab). Затем герой предлагает собеседнице укрыться в портале, «дабы нас услышать не мог проходящий народ» (668c). Согласие доньи Тернины — еще один шаг героя к успеху: место действия превращается в агента действия, активно способствуя осуществлению планов юноши.

Наиболее существенной переделке подвергаются характеры персонажей. Панфил и Галатея, герои латинской комедии, — идеальные влюбленные, лишенные социального, исторического, бытового и даже психологического своеобразия. Между тем и донья Тернина, и ее партнер — испанцы XIV в., наделенные полнокровными человеческими характерами. Хуан Руис описывает внешность доньи Тернины: * «Ах, как прекрасно выступает донья Тернина на площади! Каков ее стан, благородство осанки! Как у лебедя изгибается ее шея! Что за чудо — волосы, ротик, румяные ланиты, веселое выражение личика! Стрелами любви ранят ее взгляды» (653). Не менее выразительна ее психологическая характеристика: «приветлива, добросердечна, веселого нрава,/остра на язык, но при этом не зла, не лукава/, щедра и радушна...» (581bcd). К тому же она * «учтива» и обладает * «чувством меры» (там же). Автор четко определяет и положение доньи Тернины в обществе; читателю сообщается, что донья Тернина — молодая вдова родом из Калатаюда, очень богата, весьма знатного рода. Это обстоятельство создает дополнительные трудности для молодого героя: он ниже ее на социальной лестнице. К тому же не прошло и года, как донья Тернина овдовела, она еще соблюдает траур по мужу, и принимать в это время ухаживания нового претендента на ее руку — не только неловко с точки зрения общественной морали, но и может лишить ее унаследованного от мужа богатства (по законам того времени, она вступит в обладание наследством лишь по истечении годичного срока траура).

Социально-психологическая характеристика персонажа делает его образ полнокровным; вместе с тем она превращается в один из элементов интриги, замедляющих или ускоряющих ее. С нечастой в те времена психологической тонкостью Хуан Руис прослеживает эволюцию чувств и настроений доньи Тернины. Характерна в этом отношении уже первая встреча молодых героев. Конечно, для нее поначалу эта встреча неожиданна: она, правда, соглашается на беседу, ибо «беседа с мужчиной не грех, но учтивости знак» (679c), если только не идет во вред ее чести и не происходит с глазу на глаз. Уже то, однако, что разговор ведется вполголоса, сразу же создает атмосферу интимности, быть может еще не осознаваемую молодой вдовой. Но далее она уже сознательно делает шаг навстречу желаниям собеседника, согласившись укрыться от нескромных глаз и ушей в портале. И затем, когда юноша намекает, что хотел бы просить еще об одной милости, но не решается, она прямо поощряет его: «Скажите, а я рассужу» (683d). Он просит ее о поцелуе, она отказывает ему (ее прототип — Галатея — награждает Панфила поцелуями после первого же свидания), но уходит, не возражая против новой встречи. Эта сцена подготавливает

неумолимое движение Тернины к финалу, в котором она сперва отдается любимому, а затем дает согласие на брак.

Несколько сложнее проследить аналогичную эволюцию в образе ее партнера. Включив сюжет латинской комедии в «Книгу благой любви» (а есть основания предполагать, что автор первоначально переработал комедию независимо от замысла «Книги благой любви» и приспосабливал свое переложение уже позднее), Хуан Руис испытывал наибольшие трудности именно с этим персонажем. Ведь вся книга написана от первого лица, и необходимо было не только сделать партнера доньи Тернины рассказчиком истории их любви, но и отождествить его с героем-повествователем всей «Книги благой любви», архипресвитером из Иты. Осуществить это последовательно автору не удалось. Где-то в середине этого эпизода (727) вдруг оказывается, что имя юноши, влюбленного в донью Тернину, — дон Мелон де ла Уэрта (букв. дыня с огорода, по-русски это передано как дон Арбузиль де Бахчиньо).[315] Правда, и далее сквозь «я» дона Арбузиля иногда просвечивает «я» архипресвитера, а намек на их тождество звучит уже в самом конце истории, когда донья Тернина признается: «Мой друг мне приятней, милей, чем мужчины всей Иты» (845a). И все же, видимо, появление архипресвитера в качестве возлюбленного, а затем и законного супруга доньи Тернины было слишком рискованным (принцип безбрачия католического духовенства существовал уже давно!). И, завершая эту историю, автор счел за благо снова — и решительно — отделить себя от ее героя: «героем не я был, бесспорно» (909b). Все, о чем здесь повествовалось, — всего лишь «пример», т. е. назидательный рассказ, как многочисленные басни, анекдоты и притчи, разбросанные по всему тексту.[316]

Если и есть в этом эпизоде на самом деле реальный дидактический смысл, то он опять-таки заключается в утверждении Хуаном Руисом своего, особого толкования понятия «благой любви», как чувства вполне земного, не исключающего плотских утех.

Та же идея «благой любви» лежит в основе одного из финальных эпизодов книги — истории монашенки Гаросы (имя героини — Garoça М. Р. Лида де Малькьель возводит к араб. al-arûsa — невеста и истолковывает его как «христова невеста»).

Этот эпизод, изложенный в строфах 1332—1507, принадлежит к числу наиболее поэтичных не только в произведении Хуана Руиса, но и во всей испанской средневековой литературе. Большую его часть составляет словесный поединок Гаросы и старухи-сводни Урраки, посланной архипресвитером для того, чтобы склонить монашенку к любви. Задолго до того, как мы узнаем, что у Гаросы «стан стройный, свежа, молода,

лебединая шея» (1499c), что «на белую розу накинули черный покров» (1500b), мы убеждаемся в остром и гибком, точно шпага, уме юной монашенки, парирующем все доводы в пользу любви, которые приводит поднаторевшая в этих делах сводня. И если в конце этой дуэли Гароса дает согласие на встречу с архипресвитером, то не потому, что признает свое поражение, а будучи уверенной в своих силах и способности сохранить чистоту, которую обязалась блюсти.

Сцена происходящего на следующий день во время утреннего богослужения свидания архипресвитера и Гаросы по своему ритму резко контрастирует с описанием двухдневного словесного поединка Урраки с монашенкой, занимающего 162 строфы; в ходе этого поединка каждая из собеседниц в доказательство своей правоты успевает рассказать по пять более или менее пространных историй, да еще Уррака набрасывает словесный портрет своего подопечного. Между тем рассказ о свидании укладывается в четыре строфы, из коих первые три повествуют о мыслях, которые породил в архипресвитере вид прилежно молящейся юной монашки, а четвертая строфа по своей гениальной лаконичности сопоставима со знаменитым изречением Цезаря — Veni, vidi, vici:

> Она только глянула — и запылал я огнем!
> И что есть любовь, сразу понял я в сердце своем.
> Я молвил словцо, она — мне, сам не помню, о чем,
> и дивные узы связали нас крепким узлом (1502).

Но даже здесь Хуан Руис успевает хотя бы наметить психологическую эволюцию персонажа, на этот раз повествователя. Увидев впервые Гаросу, архипресвитер охвачен любовным желаньем отнюдь не платонического свойства: «Красавице сей дочерей бы рожать и сынов,/а не коротать дни и годы под пенье псалмов» (1500cd). Затем он вспоминает, сколь велико прегрешение ввести в искушенье невесту христову, но не может не признаться, что все же «быть хотел бы я грешником этим» (1501c); стоило, однако, перемолвиться ему с Гаросой несколькими словами, как * «монашенка меня влюбила в себя, а я ее в себя» (1502d). И те два месяца, в течение которых встречались влюбленные, ни она ни он не нарушали чистоты своих отношений. Впрочем, на этот счет некоторые исследователи выражают сомнение. Одни убеждены, что Гароса, якобы искушенная в любовных похождениях, с самого начала помышляла только о плотских утехах и, естественно, встретила достойного партнера в архипресвитере; другие полагают, что в словах архипресвитера, произнесенных после смерти

Гаросы, — «Прими ее душу, Господь, и грехи нам прости!» (1506d) — содержится намек на то, что все же Гароса уступила любовным настояниям своего возлюбленного. Мы присоединяемся к тем, кто полагает, что на этот раз «благая любовь» избрала форму платонического чувства: от этого оно не стало менее глубоким и поэтичным. История любви архипресвитера и Гаросы раскрывает один из многих аспектов этого богатого чувства.[317]

Хуан Руис не случайно помещает рассказ о своем путешествии в сьерру Гвадарраму между двумя центральными эпизодами торжества благой любви. Встреча с четырьмя горянками должна ту же мысль о благой любви доказать как бы от обратного. Еще дон Амур наставлял архипресвитера: «От грубой мужички держись в отдалении тоже:/с ней скучно делить и печаль, и веселье, и ложе» (431cd). И действительно, горянки, как уже отмечалось выше, предстают воплощением «безрассудной любви», грубой чувственности, контрастирующей с истинной любовью доньи Тернины или Гаросы. Горянки даже внешне напоминают больше животное, чем человека. При всем том у Хуана Руиса нет ощущения социального превосходства над этими плебейками. Да, они грубы, как природа, их окружающая; в постоянной борьбе за существование сформировались их могучие, лишенные красоты и привлекательности тела, взросла их физическая сила, — природа наделила ею горянок, ибо без нее они давно погибли бы. Они невежественны, и круг их интересов и желаний примитивен. Но архипресвитер взирает на них не с отвращением, а с улыбкой. В глубине их огрубевших душ теплятся доброта и человечность, которых они сами, быть может, не осознают; никто из них не оставил путника без помощи; все они привели его в свою хижину (одна горянка даже принесла совершенно замерзшего героя на закорках), обогрели его, накормили, и напоили, довольствуясь в ответ лишь тем, что путник разделил с ними постель или даже просто пообещал их одарить праздничной обновой. Антитеза благой и безрассудной любви не закрывает от Хуана Руиса разнообразия характеров и чувств людей, с которыми он встречается, независимо от их социального статуса.[318]

7

Рассказ о путешествии в сьерру Гвадарраму следует за историей любви доньи Тернины и предваряет повествование о Гаросе. Но этот рассказ не столько разъединяет истории Тернины и Гаросы, сколько перебрасывает между ними мостик, и это имеет гораздо более фундаментальное значение, чем акцентирование некоторых оттенков в концепции благой любви.

Возвышенное и земное, духовное и материальное воплощают в себе два полюса, на которые разделен весь мир в сознании средневекового человека. «Там, где есть избранники божьи, должны быть в качестве неотъемлемой их антитезы отвергнутые и проклятые, — пишет А. Я. Гуревич. — Злые существуют „ради добрых”, святость невозможна и непонятна без греха»[319] Теория двух реальностей, однако, предполагала не только антитетичность, противопоставленность мира горнего и мира подлунного, но и их постоянную и неразрывную связь. Это ощущение относительности границ двух миров, их «переливания» друг в друга особенно характерно для народной культуры средневековья. По мысли французского медиевиста Ж. Легоффа, «рационализму» культуры клириков, четко разделившему мир на добро и зло, противостояла двойственно амбивалентная «фольклорная литература».[320] Подобная амбивалентность — одна из самых характерных особенностей «Книги благой любви», свидетельствующая о глубоком демократизме этого произведения. Жизнь здесь оборачивается то своей духовной, то материальной ипостасью, она представляется извечным спором, диалогом между противоборствующими силами. Быть может, ярче всего этот «диалог» божественного и земного, аскетического и жизнерадостного раскрывается в эпизоде битвы между Мясоедом (по-испански дон Карналь — от carne — плоть, мясо) и Четыредесятницей (донья Куаресма — великий пост), одном из центральных во второй части книги.

Этот эпизод создавался на стыке двух эстетических тенденций, характерных для средневековой культуры. Одна из них — это ученая аллегорическая поэзия. Аллегория вообще — излюбленный прием культуры средневековья. В условиях господства идеологии двоемирия каждое единичное явление рассматривалось лишь как отражение своего религиозного или этического эквивалента. Это делало простым переход от реальности к миру персонифицированных идей. Такими персонифицированными идеями и являются основные персонажи, предстающие в эпизоде, — дон Мясоед, донья Четыредесятница и их сторонники и воинство. Но был в данном случае у Хуана Руиса и другой источник. Эпизод сражения Мясоеда и Четыредесятницы восходит к одному из многочисленных в европейской литературе XIII—XIV вв. произведений, разрабатывавших ту же тему. Было ли это французское фаблио под тем же названием, которое долгое время считалось непосредственным источником вдохновения Хуана Руиса,[321] или какое-то другое аналогичное произведение — существенного значения не имеет. В любом случае этот эпизод в «Книге благой любви» несомненно заимствован из тех произведений средневековой литературы, которые прямо или опосредованно

восходят к народным игрищам, воспроизводящим борьбу между масленицей и постом. Книга архипресвитера Итского, таким образом, создавалась в русле народно-смеховой, карнавальной культуры, значение которой для западноевропейского позднего средневековья и Возрождения раскрыл выдающийся советский ученый М. М. Бахтин.[322] Советский исследователь впервые с такой широтой и убедительностью показал, что восходящая к древнейшим мифопоэтическим формам народно-смеховая культура в средние века получила широкое распространение, обозначая особый, по выражению М. М. Бахтина, «смеховой аспект мира», который противостоял официальной религиозности и вместе с тем активно взаимодействовал с ней. Эта культура, двойственная по своей природе, одновременно отрицающая и утверждающая, демонстрирующая относительность «верха» и «низа», совмещение высокого и низменного, сакрального и мирского, характеризовалась своеобразным гротеском и «диалогичностью», спором двух различных концепций мира и их взаимным обогащением. В Испании, где границы между «высоким» и «низовым» пластами литературы в средние века нередко оказывались весьма зыбкими, где народная религиозность столь часто проникала в религиозность официальную, народно-смеховая культура получила многообразные формы.

Внутренняя «диалогичность», не раз отмечавшаяся нами как одна из наиболее важных особенностей книги Хуана Руиса, в целом характерна и для эпизода битвы дона Мясоеда и доньи Четыредесятницы.

Следуя своему обыкновению, архипресвитер Итский максимально конкретизирует абстрактные персонажи и аллегорические ситуации, а само действие — сражение воинства Мясоеда и Четыредесятницы переносит в родную Испанию, не только точно фиксируя время происходящего (тут он лишь следует традиции, ограничивая действие примерно двумя месяцами — с начала марта, когда начинается великий пост, до конца апреля, т. е. до пасхи), но и пространство, на котором развертываются события.

Только что вернувшийся в родной город после приключений в сьерре Гвадарраме и посещения часовни святой Марии у Брода архипресвитер пирует с доном Масленичным Четвергом, когда гонец от Четыредесятницы вручает ему два письма — «мирянам и клирикам, всем, кто грешит» (1069c), и дону Мясоеду с вызовом на бой; оба письма присланы в Кастилию из резиденции Четыредесятницы, портового городка Кастро де Урдиалеса, одного из центров рыболовства на севере Испании.

Хотя и напуганный этим предуведомлением, Мясоед еще бахвалится своей силой и собирает под свои знамена всю верную ему рать — множество зверей и птиц, припасов и приправ — «пехотинцев», «арбалетчиков» и «копьеносцев», «кабальеро» (рыцарей-всадников), их

«щитоносцев» и, наконец, «знатных дворян» (ricos hombres). До поздней ночи они пируют, уверенные в победе. Но в полночь, когда все воинство дона Мясоеда уснуло крепким сном после обильной трапезы и возлияний, коварная донья Четыредесятница во главе своей рати, которую составляют обитатели морей и рек, нападает на противника и наносит ему сокрушительное поражение. Избитый и израненный дон Мясоед брошен в темницу замаливать свои грехи, и наступает великий пост. Но не прошло и нескольких недель, как дон Мясоед ускользает от бдительных стражей прямо из храма и, раздобыв в еврейском квартале коня, вихрем проносится по городкам Кастилии и Эстремадуры, там, где пролегали пути кочевья стад, добирается до своей резиденции — Вальдевакас (название смысловое: «долина коров»), где собирает полчища своих сторонников. Теперь, при ярком свете солнца, обогревающем своими лучами землю, когда расцветает весенняя природа, одряхлевшей донье Четыредесятнице уже не под силу противиться дону Мясоеду: она не принимает вызова на бой и под покровом темноты ускользает из города; в одежде паломницы по знаменитой «Французской дороге», через Ронсевальское ущелье в Пиренеях, она отправляется в Иерусалим, к гробу господню. Между тем к воинству дона Мясоеда присоединяется дон Амур. Обоих «императоров» — дона Мясоеда, едущего под алым стягом с изображением агнца, и дона Амура, над которым развевается белое знамя с фигурой Венеры в центре, — восторженным кликом встречают все живущие на земле: птицы и деревья, христиане, мавры и евреи, хуглары, монахи и монахини разных орденов, которые в молитвах славят дона Амура; тут Хуан Руис не удержался от пародийного воспроизведения некоторых текстов пасхального богослужения, как это делали в Западной Европе ваганты. Вообще мотивы антиклерикальной, вагантской сатиры в этом эпизоде проступают достаточно отчетливо.

В сражении между доном Мясоедом и доньей Четыредесятницей аллегорически сталкиваются у Хуана Руиса два мироощущения: аскетическое, правовернокатолическое, и жизнерадостно-еретическое. Исследователи расходятся во мнении относительно позиции автора в этом «диалоге»: М. Менендес-и-Пелайо называет весь этот эпизод «языческим бунтом», К. Переда, напротив, полагает, что архипресвитер задумал эпизод как изображение триумфа Иисуса.[323] На наш взгляд, возникающая здесь антитеза не получает у Хуана Руиса безусловного разрешения. Писатель считает оправданным и пост, и масленицу; имеют право на существование и Мясоед, и Четыредесятница, хотя сочувствие автора несомненно на стороне дона Мясоеда и присоединившегося к нему дона Амура.

Появление дона Амура в финале этого эпизода — оригинальнейшая и многозначительная находка Хуана Руиса. Конечно, во всех вариантах битвы

Мясоеда и Четыредесятницы воскресение Иисуса Христа символизирует победу добра над злом, весны над зимой, расцвета природы* над ее увяданием. Но никто из предшественников испанского поэта так напрямую не связывал воскрешения божественной плоти с воскрешением плотского начала в человеке, символизируемого доном Амуром. Высказанное поэтом еще в начале книги убеждение в том, что все живое на земле стремится к двум целям: пропитанию и к плотскому соединению, получает здесь воплощение в образах двух «императоров» — Мясоеда и Амура, которым поклоняется все человечество. Не случайно и то, что только в конце эпизода, с появлением дона Амура вновь становится активным персонажем сам Хуан Руис: передав некогда письма доньи Четыредесятницы дону Мясоеду, он исчез со страниц повествования, чтобы появиться вновь лишь в числе восторженно встречающих дона Амура и удостоиться новой беседы с ним в его шатре. Начинается последний цикл поисков героем благой любви.[324]

8

Инстинктивный протест против догм феодальнокатолической морали перерастает в «Книге благой любви» в столь же инстинктивный бунт против порядков, царящих в этом обществе. Книгу Хуана Руиса М. Менендес-и-Пелайо назвал «зеркалом, в котором точнейшим образом воспроизводится общество XIV в. со всеми его пороками и злоупотреблениями»,[325] «человеческой комедией XIV столетия».[326]

Это справедливо лишь отчасти. Читатель «Книги благой любви» сразу обратит внимание, что многие важнейшие для времени Хуана Руиса события не привлекают его внимания: в книге есть лишь глухие упоминания о реконкисте, и ни слова не говорится, например, о феодальной розни и войнах, страшном бедствии, опустошавшем Испанию в XIV в. Произведение Хуана Руиса — это, скорее, энциклопедия частной жизни его родины, повседневного быта его сограждан.

Это не значит, что Хуан Руис не замечает общественных пороков своего времени. Провозгласив право человека на счастье, каким бы мимолетным оно ни было перед лицом Бога и смерти, т. е. вечности, автор благодаря широте и демократизму своих взглядов получает возможность обозреть в книге разные аспекты современности.

С явным сочувствием, например, говорит он о бедняках, об обездоленном люде. В конце «Книги благой любви» Хуан Руис помещает несколько песен, сочиненных им для бродячих школяров и нищих слепцов. Никак не связанные с основной сюжетной линией книги, эти песни

большинством исследователей рассматриваются как «приложение» к основному тексту, как демонстрация поэтом жанрового своеобразия своего творчества. Возможно, это соображение не лишено основания. И все же вряд ли только поэтическое тщеславие заставило Хуана Руиса присоединить эти песни к «Книге благой любви»: без них картина мира оказалась бы менее полной; жалобы на бедственное, полуголодное существование, вложенные в уста школяров и слепцов, расширяют социальные горизонты произведения, вносят неожиданные, но очень важные штрихи в нарисованную талантливым художником панораму жизни средневековой Испании.

Не случайно столь важную роль в этой панораме играет «Пример о могуществе денег». Существенно в этом рассуждении то, что всевластие денег здесь оценивается не только с позиций этических, но и как социальная сила. Поэтому, не ограничиваясь утверждением, что деньги тупицу делают умным, хромой с их помощью может бегать, немой — разговаривать, а безрукий — деньги хватать, поэт вынужден с горечью признать, что

> Разжившись, способен мужик, ничему не учённый,
> стать рыцарем, стать обладателем графской короны;
> не писаны для богачей-толстосумов законы:
> все льстят кошельку и усердно ему бьют поклоны (500).

Особенно падки на золото священнослужители всех рангов:

> С большими деньгами веселая жизнь тебя ждет,
> у папы себе исхлопочешь ты жирный приход,
> получишь прощенье грехов, в рай откроется вход... (492abc).

И даже «средоточие святости», каким по-прежнему считался Рим в эти годы, когда папской резиденцией стал Авиньон, может служить примером того, «сколь многого можно достигнуть с деньгами большими» (493b):

> Епископства там продают, приораты, аббатства,
> безграмотный клирик за деньги получит прелатство... (494ab).

Критическая оценка духовенства не сводится к констатации того, что оно особенно падко на деньги. Антиклерикальная сатира пронизывает всю «Книгу благой любви». Особенно известен эпизод, повествующий о том, как

архипресвитер по поручению кардинала Хиля Альборноса привез клирикам из Талаверы папское послание, в котором осуждается распущенность священнослужителей:

> ...под страхом проклятья предписано папским глаголом —
> им ныне и присно сношенья пресечь с женским полом (1694cd).

Как замечает с усмешкой Хуан Руис, «от новости этой весь клир заходил ходуном» (1695a). Священники из Талаверы согласно выразили свое возмущение «вмешательством» в их дела и заявили, что отнюдь не намерены отказаться от «сладостных забав». А старший среди них, декан местного собора, даже богохульственно перевирая библейский псалом, произносит «Nobis enim dimittere est quoniam suave» («Да опростаемся, ибо это сладостно», 1700d).[327]

Впрочем, в данном случае поэт отчасти, быть может, и сочувствует клирикам Талаверы («в слезах начал архипресвитер свой скорбный рассказ», 1693a), ведь и он сам отнюдь не считает прегрешением любовные утехи, коли эта любовь благая. Нет обличительной страсти и в описании нравов монахинь, явно склонных к плотскому греху. Это описание, вложенное в уста сводни Урраки (строфы 1332—1342), предшествует эпизоду любви архипресвитера и Гаросы, контрастируя с ним.

Гораздо более резко обличает автор судебные порядки в стране. Этому, в частности, посвящен рассказ «о тяжбе между волком и лисицей, каковую рассматривал дон Обезьян (исп. don Ximio — соврем, simio — самец обезьяны), судья города Бухия». Этот «пример», который, по-видимому в отличие от большинства других «примеров» в книге, является плодом творческой фантазии самого автора, — один из самых ярких образцов характерной для «Книги благой любви» пародийности. Здесь пародийность развертывается одновременно на двух уровнях: с одной стороны, речи истца (волка) и ответчицы (лисы), адвокатов (волкодава и борзой) и самого судьи остроумно и точно пародируют мнимо ученые речи служителей правосудия, стремящихся в словоблудии потопить истину. Но это лишь поверхностный слой; глубинный же смысл всего аполога — в пародировании господствующей в стране системы правосудия, в обличении судебного произвола, при котором прав всегда тот, кто пошире откроет судье свой кошель.

Искры обличительной сатиры то и дело мелькают на страницах книги. В целом, однако, для произведения Хуана Руиса характернее юмористическое изображение повседневной жизни испанского города.

Трудно найти другой памятник литературы этого века, который бы с такой поразительной точностью и красочностью описал самые разные стороны будничного и повседневного бытия этой эпохи. Одежда, нравы, ничем не примечательные уличные сценки, будни и праздники — все это получает место на страницах «Книги благой любви», создавая впечатление самой жизни, ее мгновений, остановленных и сохраненных на века благодаря мастерству автора.

Если что и делает книгу Хуана Руиса истинной «человеческой комедией» XIV в., так это многообразие типов, в ней изображенных. На страницах книги появляются не десятки — сотни персонажей, представляющих чуть ли не все слои испанского общества, от нищих слепцов и мавританских танцовщиц до царственных особ (эти последние, правда, появляются только в баснях). Одни из них представлены крупным планом, другие описаны лишь бегло, но почти все они врезаются в память, настолько выразительны их характеристики!

Читатель уже имел возможность убедиться в этом на примере доньи Тернины и Гаросы. Хуан Руис обладал удивительным даром портретиста. Ему, между прочим, принадлежит первый в истории испанской литературы словесный автопортрет (1485 и сл.). Возможно, впрочем, что этот как бы типовой портрет веселого священнослужителя не слишком соответствовал реальному облику автора. Очень интересен психологический и «профессиональный» портрет старой сводни доньи Урраки, прозванной Тротаконвентос («Побегушка по монастырям»).

Знакомство читателя с доньей Урракой (это имя смысловое и означает букв. «сорока», фигур. — «болтунья») происходит не сразу. Сперва дон Амур в своей речи рисует образ как бы идеальной посредницы в любви (строфы 437 и сл.), затем уже сам герой (в обличии дона Арбузиля де Бахчиньо), вспомнив о совете бога любви, выбирает себе в помощницы сводню Урраку, и читатель имеет возможность сопоставить ее реальные качества с идеалом, набросанным доном Амуром, и с восторженной характеристикой, которую ей дает герой:

Амур дал совет: выбрать сводню. Была не была! Искать стал, и снова судьба мне на помощь пришла: такую нашел, что во сне лишь присниться могла, из самых больших мастериц своего ремесла (697).

Впоследствии донья Уррака предстает в самых разных ситуациях; абстрактный тип «образцовой» сводни наполняется жизненным содержанием; характер героини оказывается сложным, неоднозначным, человечным. Ее профессиональные качества подвергаются испытанию не один раз, и в этих испытаниях обнаруживаются ее тонкий, хотя и не лишенный лукавства, природный ум, умение проникнуть в психологию

собеседника и действовать в соответствии с ней, безошибочное чутье и самообладание, позволяющие каждый раз выбрать самую надежную стратегию для реализации поставленной цели.

Напомним в качестве примера только, как донья Уррака ведет разговоры с разными женщинами, приглянувшимися ее клиенту. Есть у нее, конечно, приемы общие, выработанные годами деятельности на избранном поприще: она знает, в частности, что серьезный разговор лучше начинать с шутки, и умело пользуется этим приемом. Но гораздо интереснее следить, как меняются ее поведение и речь в зависимости от того, кто находится перед ней. Так, разговаривая с юной вдовой, она убеждает ее, что и в тяжбах, и в спорах, и в других житейских обстоятельствах «нам первый помощник — мужчина» (744d); она ловко играет на ее недовольстве материнскими запретами (828 и 844); столь же хитроумно пробуждает в ней женское любопытство. Совсем по-иному ведет она дело с монашенкой Гаросой: Уррака оказывается достойной соперницей в словесной дуэли, словами и примерами убеждает монахиню в праве на любовь, набрасывает льстивый и к тому же привлекательный именно для юной монастырки портрет своего подопечного и, наконец, добивается ее согласия на свидание.

Конечно же, ремесло доньи Урраки — не из самых почтенных, и, вероятно, не раз она использовала свой опыт и хитроумие во вред строгим правилам общественной морали. Но в своих отношениях с архипресвитером она очень скоро понимает, что истинная цель его любовных домогательств не сводится к вульгарным плотским утехам, и действует так, как если бы и ее целью стала благая любовь. Соответственно меняется и отношение к ней ее клиента: поначалу она для него лишь средство осуществления задуманного им любовного приключения, и он даже не может скрыть своего презрительного отношения к сводне (за что она тотчас же заставляет его поплатиться), постепенно между ними возникают дружеская фамильярность и взаимная симпатия, и когда она просит отныне и впредь прозывать ее «благою любовью», архипресвитеру не приходится совершать над собой насилие, чтобы согласиться на это, а смерть доньи Урраки пробуждает в нем искреннее чувство глубокой печали, вызывает его инвективу против смерти и вдохновляет на создание искренней и скорбной эпитафии в память о сводне (1576—1578).

Образ доньи Урраки — едва ли не самый яркий в галерее персонажей «Книги благой любви» — один из первых прототипов знаменитой Селестины, героини одноименного романа-драмы Фернандо де Рохаса.

Под стать сводне появляющийся в одном из последних эпизодов слуга героя Фурон (соврем, hurón — хорек), который был бы великолепным помощником своего господина, если бы не четырнадцать недостатков,

которыми он обладал: лживость, драчливость, нечистоплотность, глупость, лень и прочие свойства в том же роде. Первое поручение, которое дает ему архипресвитер после смерти Урраки, он, правда, проваливает, но кто знает — на что мог оказаться способным этот пройдоха, если бы за первым поручением последовали и другие?

В обрисовке этого персонажа, как и многих других в «Книге благой любви», обращает на себя внимание особое умение Хуана Руиса находить разнообразные средства для характеристики даже второстепенных героев, и в этом — одно из самых убедительных свидетельств писательского мастерства.

9

Искусство Хуана Руиса проявляется прежде всего в установлении единства в многообразии. Мы уже не раз отмечали самые разные источники, которые использованы в «Книге благой любви», в их числе «Искусство любви» Овидия, латинская комедия XII в., французские фаблио, рыцарская литература, поэзия голиардов, народная лирика, проповеди и сборники предназначенных для них назидательных «примеров».[328]

Эти последние занимают весьма значительное место среди структурных элементов, составляющих книгу Хуана Руиса. «Примеры» (лат. exemplum) — это небольшие произведения, восходящие к самым разным источникам и весьма разнообразные по содержанию. Этот жанр возник в средневековой клерикальной литературе Европы, в частности в той ее ветви, которую советский исследователь А. Я. Гуревич назвал «массовой литературой», обращенной к мирянам. В жития святых и проповеди включались рассказы и анекдоты, притчи, апологи, басни, которые могли «расцветить» сухие теологические рассуждения и давали возможность извлечь полезное назидание верующим. Для нужд проповедников эти «примеры» довольно рано стали записываться и получили широкое распространение отдельно от проповедей, для которых они предназначались. Примечательно, что первый такой сборник «Поучение клирикам» был составлен в XII в. испанцем Петром Альфонсом. Всеевропейскую известность приобрели также сборники «Римские деяния», «Ромулус» (ок. 1175) Вальтера-Англичанина, аналогичная книга английского монаха Одона из Черитона (ум. в 1147 г.) и др.[329]

Отделившись от проповеди, «примеры» начинают жить самостоятельно, причем постепенно назидание отступает на задний план, связь между повествованием и моралистическим выводом ослабляется.

Одно из свидетельств этого — «Книга примеров Патронио и графа Луканора» (1335) Хуана Мануэля, сборник преимущественно светских рассказов, уже тяготеющих к жанру новеллы. То же можно обнаружить и в «Книге благой любви». Среди «примеров», включенных в книгу, количество рассказов с откровенно религиозным назиданием невелико. Едва ли не исключение составляет рассказ об отшельнике (528 и сл.). Даже «пример» о воре, продавшем душу дьяволу, заполнен таким множеством юмористических деталей, что вряд ли мог усиливать благочестивые настроения читателей. То же относится и к многочисленным притчам, иллюстрирующим смертные грехи, — здесь на первый план выступает будничная житейская мораль. Особенно характерно это для «примеров» светского содержания, среди которых можно отметить даже не вполне пристойные на наш современный взгляд анекдоты о Вергилии-маге (строфы 261—269), о художнике Питасе Пайасе, чей способ обеспечить верность жены супружескому долгу на время его отъезда потерпел крах (474—485); остроумный рассказ о споре между греками и римлянами (46—64); восходящая к древней индийской легенде история гороскопа сына короля Алькараса (123—139) и многие другие.

Не меньшее разнообразие демонстрируют и 25 басен, включенных Хуаном Руисом в число «примеров», связанных как с античной традицией, так и с восточными источниками. Известно, что ни Эзопа, ни Федра в средние века в подлинном виде не знали. Тем не менее сюжеты их басен имели широкое хождение в различных латинских пересказах. Знали их и в Испании, хотя дошедшие до нас рукописные басенные сборники на испанском языке созданы не ранее 1350 г.[330] Архипресвитер Итский может с полным правом быть назван первым испанским баснописцем. В своих обработках басенного репертуара, следуя в основном за источниками, он существенно трансформирует и обогащает их. Один из способов, уже отмеченных нами, это их систематическая «испанизация», захватывающая все уровни повествования, начиная от места действия (широко известная басня о городской и сельской мышах у Хуана Руиса получила заглавие «Мышь монферрандская и мышь гвадалахарская») и кончая воспроизведением мелочей быта, одежды и т. д. Не менее важный способ переработки — насыщение басни деталями, которые усиливают «зримость» происходящего (см., например, описание родовых мук земли в эзоповской басне о горе, родившей мышь, — 98 и сл.). Это не только делает басни зрелищными, но нередко подчеркивает также внутреннюю логику происходящего: в басне «Осел и болонка» (1401—1408) комизм ситуации усиливается тем, что сталкивается по-своему последовательная логика поведения осла и человека. К этому нужно добавить, что в баснях Хуана

Руиса, как, впрочем, и во всем его повествовании, почти нет статичных картин: все полно динамики, движения. Жест характеризует персонажа, акцентирует его чувства, иногда выдает то, что скрыто за словами. Пантомимические сцены в «Книге благой любви» полны такого же глубокого смысла и жизни, как и блистательные диалоги (классический пример пантомимы — уже упоминавшийся «пример» о споре греков и римлян).[331]

Чем обеспечивается единство всех этих столь разнообразных жанров, сюжетов, способов изображения? Внешне их, конечно, цементирует автобиографическая форма повествования, позволяющая выстроить более или менее последовательную цепочку самых различных бытовых, аллегорических сцен и вставных рассказов. Гораздо существеннее, однако, внутреннее единство книги, достигаемое даже тогда, когда некоторые сюжеты выпадают из этой автобиографической цепочки (например, эпизод с талаверскими клириками, песни слепцов и школяров). Это внутреннее единство обеспечивается «Книге благой любви» цельностью мировоззренческой и эстетической позиции автора.

Нам представляется, что суть мировоззрения Хуана Руиса составляет гуманистический взгляд на окружающий его мир. Конечно, гуманизму архипресвитера Итского недостает той гармонии разума и чувства, духовного и земного, которая составляет отличительную особенность гуманизма ренессансного. В его концепции мира религиозное и светское начала еще теснейшим образом переплетаются, местами вступая друг с другом в диалог и спор, но часто и примиряясь. И все же главный объект пристрастных и сочувственных наблюдений автора — это человек с его заслуживающими снисхождения слабостями и достойными патетического прославления чувствами. Исследователь творчества Хуана Руиса Кармело Гариано прав, назвав первую главу своей книги о поэтическом мире «Книги благой любви» «Антропоцентрическая концепция».[332] Ничто человеческое автору «Книги благой любви» не чуждо, все рассказанное им окрашивается своеобразным лиризмом; мир человеческих переживаний облагораживается, поэтизируется, а вместе с человеческими чувствами возвышается, наполняется глубоким смыслом и достоинством и вся жизнь человеческого общества.

Не случайно поэтому и господствующей тональностью произведения становится юмор. Писатель — и мы это уже отмечали — не пренебрегает и сатирой, и пародией с характерным для них гротеском, иронией и карикатурой. И все же муза Хуана Руиса прежде всего улыбчива, она редко замечает трагические стороны жизни и предпочитает смотреть на людей и их дела с оптимизмом. Очень хорошо сказал об этой черте творчества

средневекового художника историк испанской литературы Хуан Луис Альборг: «Его юмор рождается не из злобного желания бичевать и не вырождается в саркастическую желчность; он, подобно ключу, пробивается весело из глубин его сознания, позволяя ему увидеть нелепость какой-то ситуации, живописность персонажа, смешной жест. Знание жизни воспитало в нем проницательность и лукавство... Его смех громок, здоров и материален, иногда он слишком шумный и грубоватый, но есть в нем нечто такое, что отличает его от любого другого писателя его столетия».[333]

Индивидуальность писательского стиля (а Хуан Руис, безусловно, один из первых испанских писателей, обладающих собственным своеобразным стилем) обеспечивает «Книге благой любви» эстетическое единство в той же мере, в какой гуманизм — единство мировоззренческое. Характерная особенность стиля Хуана Руиса — это полная свобода в выборе поэтических фигур, лексических средств и языковых форм. Стилистическая манера архипресвитера может показаться с первого взгляда даже рождающейся спонтанно, непосредственно. Однако «небрежность» его — это небрежность нарочитая, за которой таится титанический и целенаправленный труд поэта, осознавшего свое предназначение и гордящегося своим мастерством и умением.

Простейшими средствами поэт добивается высокого художественного эффекта. Внимательный читатель испанского оригинала «Книги благой любви» обнаружит в нем и иногда весьма хитроумную игру слов, и раскрытие многозначности испанского слова (достаточно сослаться на написанную в жанре простонародной «издевочной песенки» — troba cazurra — истории ухаживания героя за булочницей Крус: имя предмета любовных домогательств архипресвитера означает «крест», и эта двусмысленность становится стимулом для совершенно, к сожалению, непереводимой игры слов, в которой имя булочницы сопрягается с множеством производных от её имени слов и звучит иногда даже богохульно и непристойно), и богатую метафоричность (при этом метафоры и сравнения Хуан Руис явно предпочитает «сниженные», «приземленные»), и эксцентрическую гиперболу, и многое другое, что позднее так блистательно используют великолепные мастера словесной игры Гонгора и Кеведо. Но в отличие от этих художников барокко, стремившихся к нарочитой усложненности стиля, Хуан Руис довольствуется в общем простыми лексико-стилпстическими средствами.

Известный испанский исследователь Америко Кастро очень точно охарактеризовал лексику автора «Книги благой любви» как «cultivulgar». И это сочетание учености и просторечия, языковых «верха» и «низа», действительно своеобразно окрашивает речь архипресвитера, И все же

золотая жила, которую прежде все-го разрабатывает писатель, — эго разговорный язык самых демократических слоев испанского общества XIV столетия. Недаром «Книга благой любви» так расцвечена плодами народной мудрости — пословицами и поговорками. Один из издателей книги — Хулио Сехадор-и-Фраука — насчитал в «Книге благой любви» 281 пословицу, которые он и опубликовал в приложении к своему изданию. Новейший исследователь «Книги благой любви» увеличил число обнаруженных в тексте пословиц до 375.[334]

Свобода и непринужденность характерны и для метрического искусства Хуана Руиса. Большая часть книги написана обычным для «ученого искусства» Испании размером «куадерна виа», испанским вариантом александрийского-стиха (четыре стиха, каждый из четырнадцати слогов с цезурой посредине и с единой рифмой для всего четверостишия). Как, однако, не похожи его строфы на монотонные и неуклюжие стихи его предшественников! Появление среди обычных четырнадцатисложных строк редких, но потому заметных и разбивающих однообразный ритм шестнадцатисложников, введение синалефы (слияние двух гласных, одна из которых завершает слово, а другая открывает следующее в той же строке), не признававшейся в те времена и ставшей обязательной лишь много позднее, сочетание семи- и восьмисложных полустиший и многие другие новации сделали «куадерна виа» в книге Хуана Руиса плавной, живой и на удивление разнообразной. Это впечатление усиливается тем, что в текст книги включаются также лирические стихотворения, написанные другими поэтическими размерами. В этих песнях, религиозных и светских, в том числе и простонародных, едва ли не первых в «ученой литературе» на испано-кастильском языке (вплоть до XIV в. лирические поэты Испании писали свои произведения преимущественно на галисийско-португальском языке), Хуан Руис широко использует внутреннюю рифму, короткий стих, различные комбинации рифм и числа слогов в стихах одной строфы, прибегает как к силлабическому, так и к акцентному (основанному на счете ударений) стиху.[335] Большинство из этих лирических вставок в ткань повествования воспроизводит народные песни или восходит к ним. Демократизм, характерный для идейной проблематики «Книги благой любви», определил и народность формы. Дамасо Алонсо был прав, назвав архипресвитера из Иты величайшим народным поэтом испанского средневековья, прививший «ученому искусству» хугларский дух.

Хуан Руис и сам подчеркивал свою глубокую и органичную связь с народным, хугларским творчеством. Завершая книгу, он обращался к читателям:

Что знал — вам поведал, сеньоры мои дорогие,
слагал на хугларский манер, вам в угоду, стихи я (1633ab).

И тут же он предлагал поступать с его произведением, как и положено с сочинением хуглара:

Читателям книгу свою отдаю на поруки:
волен тот, кто сам преуспел в стихотворской науке,
добавить, исправить; пусть книга, со мною в разлуке,
начнет, словно мяч, перебрасываться из рук в руки (1629).

Как мы уже знаем, история литературы дала нам неопровержимые доказательства того, что потомки следовали заветам поэта. На листке памятной книжки одного из бродячих народных певцов Кастилии, обнаруженном Рамоном Менендесом Пидалем, сохранилась запись: «А теперь начнем из книги архипресвитера...». И далее следует строфа из «Книги благой любви» с вариантами, свидетельствующими о том, что книга продолжала жить своею жизнью уже независимо от ее издателя. Вышедшее из народа творение великого средневекового поэта — гуманиста и демократа вернулось в народ.

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Когда в 1973 г. издательство «Художественная литература» предложило мне перевести для запланированного сборника «Жемчужины испанской поэзии» три небольших отрывка из «Книги благой любви» Хуана Руиса, я и не подозревал, что прыгаю на спину тигра, с которого мне уже не соскочить целых полтора десятилетия.

Три отрывка (они вошли в мой авторский сборник «Бычья шкура», а позже — частично — в антологии «Испанская поэзия в русских переводах» и «Жемчужины испанской поэзии») послужили теми пробами, на основании которых я по совету друзей-испанистов — Г. В. Степанова и З. И. Плавскина решил обратиться в редакцию «Литературных памятников» с предложением издать книгу Хуана Руиса на русском языке. Предложение было принято, и со мною был заключен договор с «открытым финалом», т. е. в нем (в виде исключения) не значился срок сдачи — без этого условия работа навряд ли смогла бы осуществиться.

Итак, можно было приступать к делу. Начинается же переводческое дело с *анализа*: надо было внимательно прочесть подлинник, ознакомиться с окружающей вспомогательной литературой.

Как ни парадоксально, но творение архипресвитера Итского, созданное на полвека ранее, чем родился Иоганн Гутенберг, дожидалось знакомства с типографским станком несколько столетий. Оно как бы хранилось в «запаснике» мировой литературы, при том что исследователи и издатели нашего времени ставят «Книгу благой любви» в один ряд с такими вершинами, как «Божественная комедия», «Дон Кихот», «Гаргантюа и Пантагрюэль»...

По счастью, в 1974 г. в Мадриде появилось новейшее издание «Книги благой любви», снабженное обширным аппаратом (издатель — бельгийский ученый Жак Жозе). Этот двухтомник был мне прислан известным испанским литератором и общественным деятелем Хосе Артигасом; пользуясь случаем, приношу ему искреннюю благодарность.

Но даже и владея столь современным изданием Хуана Руиса, снабженным подробной статьей, тщательным комментарием и глоссарием, переводчик нередко становился в тупик, — возникал целый ряд недоумений. Ведь «Книга благой любви» полна специфических реалий, начиная от подробностей католического богослужебного ритуала и до описания средневековых музыкальных инструментов. Впрочем, всякий, кто переводит памятник столь отдаленной эпохи, встречается с подобными трудностями.

Здесь не могу обойти словом благодарности моего соратника по подготовке настоящей книги и ее ответственного редактора, профессора ЛГУ З. И. Плавскина, который был взыскательным филологическим редактором перевода.

Основную же трудность для переводчика представлял следующий за анализом *синтез* — воспроизведение памятника на русском языке. Дело в том, что «Книга благой любви» — стихотворное произведение, редкое по своей виртуозности. Почти вся книга написана стихом, называемым «куадерна виа»; это четверостишия (естественно, силлабические), составленные из четырнадцатисложных строк (иногда количество слогов увеличивается до шестнадцати), причем *все* четыре строки имеют общую рифму. Строфа представляет собою, как правило, законченное целое: переходы в следующую строфу — исключение, да и переход из строки в строку тоже встречается редко. В каждой из этих длинных строк имеется цезура.

Заметим в скобках, что первым русским поэтом, обратившимся к творению Хуана Руиса, был Илья Эренбург. Но тогда, в 1919 г., он, очевидно, ставил перед собою ограниченную задачу: хотел познакомить читающую Россию с никому не известным дотоле средневековым испанцем, оставляя в стороне своеобычие его версификации, — переведенный Эренбургом отрывок (см. антологию «Испанская поэзия в русских переводах». М.: Прогресс, 1978) выполнен пятистопным ямбом, двустишиями.

Полный перевод памятника в наше время налагает на переводчика куда большую ответственность: теория и практика русского стихотворного перевода требуют более или менее адекватной передачи (в пределах возможного) не только содержания оригинала, но и его формы. Всякого рода приблизительные переводы, как бы их ни называть — «ознакомительными», «филологическими» или еще более учено, остаются для нашей читающей публики всего лишь подстрочниками, лишенными художественной ценности. Наш искушенный читатель, воспитанный на отечественной классике и образцах высокого искусства переводчиков прошлого, не простит современному переводчику литературного памятника приблизительности и неряшливости в стихотворном размере и рифме, не простит натужности стихотворной речи. Можно ли после чеканных гекзаметров Жуковского, терцин Лозинского, октав Левика, баллад и сонетов Маршака потчевать ценителей русского стиха дисгармонией спотыкающегося метра или убожеством глагольных рифм?

Выбор стихотворного размера был мною испытан на первоначальных пробах. Я остановился на пятистопном амфибрахии не случайно: этот

неспешный размер по количеству слогов соответствует подлиннику (от четырнадцати слогов при мужской рифме до шестнадцати при дактилической); к тому же здесь открываются широкие возможности сохранить цезуру, но свободно переставлять ее место в строке, — цезура становится «плавающей», что в принципе снимает монотонию стиха, особенно опасную при длительном повествовании. Хотя исследователи и находят кое-где в стихе Хуана Руиса нарушения ритма, я воздержался от копирования этих перебоев: есть и другие способы придать стиху там, где для того есть внутреннее обоснование, некоторую шероховатость.

Теперь о рифме. Хуан Руис явно щеголяет своим версификаторским умением, иногда и говорит об этом «прямым текстом». Не в пример более поздним авторам эпохи Возрождения он почти всегда употребляет точные, богатые рифмы, иногда составные. Отнестись небрежно к этой черте подлинника означало бы проявить к нему неуважение. Между тем сама структура русского языка с исключительным разнообразием словоокончаний, равно как традиция отечественной поэзии, делает подыскание четверной рифмы задачей весьма непростой. Правда, в нашей поэзии есть подобные примеры, достаточно вспомнить хотя бы шуточное стихотворение А. К. Толстого «Бунт в Ватикане». Но Хуан Руис проделывает этот фокус не тридцать, а свыше полутора тысяч раз.

В поэму входит еще так называемая «лирика» — это гимны религиозного содержания, а также разного рода (чаще шуточные) песни. Все они разнообразны по форме, все отличаются изощренной рифмовкой; но если пародийно-пасторальные «серранильи», озорные серенады горным пастушкам, будоражили стихотворческую фантазию переводчика, то однообразные по содержанию гимны Деве Марии, состоящие в воспевании на разные лады «семи радостей» Богоматери, представляли для него, пожалуй, самое тяжкое испытание. После гимнов, вырываясь на простор «куадерна виа», я чувствовал, как правило, облегчение, подобное тому, какое ощущает автомобилист, выезжающий после головокружительного горного серпантина на спокойное равнинное шоссе.

Хуан Руис изредка позволяет себе замену рифмы ассонансом, подчас рифма повторяется в одной строфе дважды (впрочем, это скорее огрехи переписчиков). Не ставя своей задачей слепо, копировать такие вольности, переводчик иногда все же дает о них представление читателю (см. в переводе строфы 956, 1268, 1428, 1558).

Охота за четырьмя рифмами — дело нелегкое; вспомним, что сказал Пушкин о тройной рифме в октаве: «две придут сами, третью приведут». Поэтому иногда у автора иная из четырех рифм оказывается «с приводом»; не исключаю, что внимательный читатель и в переводе найдет некоторые

натяжки «ради рифмы». Бдительное око редактора порою заставляло отказываться от славных рифм и переделывать строфу во имя более точной передачи содержания, — хотя и скрепя сердце, переводчик обычно в таких случаях выпускал пойманную дичь на волю.

Не часто, но в русском переводе употребляются дактилические рифмы, которых в подлиннике нет в силу структуры испанского языка. Пропуски строк, неполные строки воспроизведены в соответствии с подлинником.

Несколько слов о лексике. Написанная почти семьсот лет назад, «Книга благой любви» весьма трудна для современного испанского читателя. Вспомним, что наш отечественный памятник «Слово о полку Игореве» многократно переводился (и прозой, и стихами) на язык, понятный современному русскому читателю. Поэтому я старался пользоваться и словами, и оборотами, понятными и употребительными в наши дни. Однако, естественно, избегал словесного модернизма. Не позволял я себе и неологизмов, за одним, пожалуй, исключением: в строфе 1236 есть слово «горлодранцы» — в основном ради рифмы, но надеюсь, что читатель не будет меня корить, не найдя этого существительного в словарях: и без словаря понятно.

Что касается слов архаичных, то их число в переводе невелико, но для колорита эпохи я считал нужным иногда ими пользоваться, — таковы, например, «понеже», «зане», «крин», «подстега»... Все эти слова можно найти в 17-томном «Словаре русского литературного языка». Изредка вводятся слова, ушедшие из литературного обихода, но сами по себе понятные: «мя», «небоже» (звательный падеж от «небог» — бедняк, жалкий человек, — см. «Словарь русского языка XI—XVII вв.», в современном языке слово сохранилось в поговорке, часто искажаемой, — «На тебе, небоже, что нам негоже»).

Некоторые куски «Книги благой любви» построены на обыгрывании текстов из Священного Писания (строфы 374—387, 1236—1241). Естественно, в католической средневековой Испании латинские цитаты были вполне понятны просвещенному читателю. В текстах такого рода иноязычным вкраплениям полагается давать подстрочный перевод. Однако в упомянутых фрагментах книги богослужебные речения подаются в пародийном контексте, — переводчик был вынужден частично расшифровать цитаты и дать их русские эквиваленты.

Много хлопот доставило переводчику то обстоятельство, что некоторые имена собственные в книге — смысловые. К примеру, центральный эпизод «Книги благой любви» — битва между Великим постом и Карнавалом. Всячески обыгрывается то, что противники — разного пола. Между тем если «дон Карналь» оригинала легко переводился как «дон Мясоед», то с

«доньей Куаресмой» было труднее. К счастью, удалось найти синоним: Великий пост иначе называется Великой четыредесятницей (см. Энциклопедию Брокгауза и Ефрона, т. 10). Названия вассалов дона Мясоеда, равно как наименования рыб, воюющих на стороне доньи Четыредесятницы, естественно, порою заменены. В истории любви дона Мелона де ла Уэрта (букв. — дыня с огорода) и доньи Эндрины (букв. — терн, дикая колючая слива) произведена замена действующих лиц на дона Арбузиля де Бахчиньо и донью Тернину (тернина, по словарю, — ягода колючего терна).

В сцене триумфа дона Амура перечисляются и подробно характризуются музыкальные инструменты времен архипресвитера. Этот перечень пришлось несколько упростить, чтобы не перегружать издание чересчур громоздким комментарием.

Когда мой перевод был уже закончен, я решил произвести разыскания: не перелагал ли кто-либо из литераторов «Книгу благой любви» на другие языки? К сожалению, похвастать исчерпывающими сведениями не могу, но коллеги у меня были. Кроме небольших фрагментов, переведенных на русский язык (И. Эренбург — в 1919 г. и С. Гончаренко — в 1973 г.) и опубликованных в антологии «Испанская поэзия в русских переводах» (М.: Прогресс, 1978), я нашел упоминание о переводах на английский язык. Еще в XIX в. фрагмент был переведен, с сохранением формы подлинника, Генри Лонгфелло. В нашем же столетии в США опубликовано целых четыре полных перевода «Книги». Правда, два из четырех — переводы прозаические, которые у нас называют «ознакомительными»; третий переводчик сделал стихотворный перевод, но облегчил себе задачу, превратив каждое четверостишие в пару двустиший. Единственный же перевод с полным сохранением формы подлинника осуществил американский испанист, профессор университета Северной Каролины Элиша Кент Кейн. Мне удалось лишь перелистать его книгу, изданную первоначально переводчиком за свой счет (с его собственными рисунками) и посмертно переизданную университетом в 1968 г. Знаю, что некоторые испанисты отнеслись к его работе критически, полагая, что Кейн в переводе сгустил эротические краски подлинника. Судить не могу, но допускаю, что озорная книга архипресвитера могла увлечь интерпретатора в означенную сторону. В шутливом предисловии к своей работе профессор Кейн выражает благодарность лицам, помогавшим ему, и в первую очередь самому себе за то, что у него хватило терпения довести труд, занявший двадцать лет жизни, до конца.

Признаться, и автор этих строк не был уверен, что такую работу можно закончить, не будучи наглухо заключенным в одиночную келью.

ПРИМЕЧАНИЯ

Текст русского перевода «Книги благой любви» Хуана Руиса, впервые публикуемого полностью, сверен с многочисленными научными изданиями этой книги на языке оригинала (см. статью З. И. Плавскина), но в основном переводчик и редактор ориентировались на издание: *Juan Ruiz.* Arcipreste de Hita. Libro de Buen Amor /Ed., introd. y notas de Jacques Joset. T. 1—2. Madrid, 1974 (Clásicos Castellanos. T. 14, 17). Текст этого издания тщательно выверен с учетом новейших текстологических разысканий и по типу приближается к серии «Литературные памятники» издательства «Наука», в которой и публикуется русский перевод «Книги благой любви». Издание 1974 г., как и более ранняя публикация книги в серии «Clásicos Castellanos», ныне уже в некоторых отношениях устаревшая и подготовленная известным испанским филологом Хулио Сехадором-и-Фраукой в 1913 г., содержит многочисленные примечания, в которых даются подробные сведения текстологического характера, указаны разночтения, имеющиеся в различных списках книги, разъясняются многие реалии средневекового быта, отмечаются различные источники, использованные в произведении Хуана Руиса. Все это, конечно, помогло составителю примечаний в нашем издании.

---

notes

Примечания

1

Иисусу Назарею Царю Иудейскому.

2

евреев от уз фараоновых освободила».. Речь идет о библейском эпизоде исхода иудеев из Египта во главе с пророком Моисеем.

3

...во рву вавилонском спасла от зверей Даниила... Согласно библейскому преданию, пророк Даниил был брошен царем Вавилона по наущению местных жрецов в ров со львами, но вышел оттуда на следующий день живым и невредимым.

4

...ты к Есфири был так милосерд... Персидская царица Есфирь, как рассказывает Библия, спасла от гибели своих соплеменников-иудеев, которых задумал погубить министр Аман.

5

...кто мощи Сантьяго от нехристей встарь уберег... Сантьяго — испанская форма имени апостола (святого) Иакова, одного из учеников Иисуса Христа. Согласно легенде, с 36 г. он проповедовал христианство в Испании; по возвращении в Иерусалим был казнен в 44 г. Мощи Иакова его учениками были якобы перенесены на север Пиренейского полуострова, в Галисию; позднее они будто бы благодаря чуду уберeглись от разграбления арабами и были обнаружены в конце VIII в. Святой Иаков считается патроном Испании.

6

...святую Марину из чрева дракона извлек... О чудесном высвобождении из чрева дракона повествуют христианские легенды не о святой Марине, а о святой Маргарите, принявшей мученическую смерть около 725 г. в Антиохии.

7

...свою милость Сусанне пожаловал ты... Как рассказывает библейское предание, прекрасная Сусанна была ложно обвинена двумя старцами, покушавшимися на ее честь, в прелюбодеянии, но спаслась от смерти благодаря вмешательству юноши Даниила.

8

...спасенье из чрева китова пророка Ионы... Библия рассказывает о том, что Иона, выброшенный корабелами в бурное море, был по велению Бога проглочен китом, а после трех дней и ночей извергнут им на сушу.

9

...ты трем отрокам не дал погибнуть в огне... Три отрока — Седрах, Мисах и Авденаго — отказались поклоняться золотому истукану, сделанному царем Навуходоносором, и тот приказал бросить ослушников в раскаленную печь. Однако они остались невредимыми (Библ.).

10

...святому Петру ты дозволил ступать по волне... Апостол Петр, увидев Иисуса идущим по морю как посуху, попросил его повелеть и ему прийти к нему по воде, и Иисус исполнил эту просьбу (Библ.).

11

Перед этой строфой в тексте существует очевидный пробел. Отсутствует начало обращения к Деве Марии.

12

...*явится Еммануил*... Еммануил (по-древнееврейски — Бог с нами) — символическое имя Иисуса Христа.

13

Вразумлю тебя, наставлю тебя на путь, по которому тебе идти; буду руководить тебя, око мое над тобою. *Псалом 31, ст. 8.*

14

Вразуми меня и т. д. *Псалом 118, ст. 34.*

15

Начало мудрости — страх господень. *Псалом 110, ст. 34.*

16

Разум верный у всех, исполняющих заповеди его. *Там же.*

17

Боящийся Господа поступает правильно. *Измененная цитата из Екклесиаста, гл. 8, ст. 12.*

18

Буду утешаться заповедями твоими. *Псалом 96, ст. 47.*

19

Любящие Господа, ненавидьте зло, и т. д. *Псалом 9, ст. 10.*

20

Блаженны мертвые, умирающие в Господе, дела их идут вслед за ними. *Апокалипсис, 14, ст. 13.*

21

Ты воздаешь каждому по делам его. *Псалом 61, ст. 13.*

22

Как говорит Катон... Имеется в виду латинский моралист Дионисий Катон, живший в III в. В средние века его считали автором «Двустиший» — собрания моральных сентенций, пользовавшихся большой популярностью в конце античной эпохи и в средневековье.

23

Никто не живет без греха. *Двустишия Катона, 1, ст. 5.*

24

Кто родится чистым от нечистого? *Книга Иова, 14, ст. 4.*

25

Подразумевается.

26

Мысли человеческие суетны. *Псалом 93, ст. 11 (сокр.).*

27

Не будьте как конь, как лошак несмысленный. *Псалом 31, ст, 9.*

28

...так говорится в Декрете... Декрет — первый известный свод уложений канонического (церковного) права, составленный на основе папских декреталий (указов) итальянским монахом Грацианом около 1150 г.

29

Душа моя живет в этом; и оживает душа ваша, ищущие Бога. *Измененный текст псалма 68, ст. 33.*

30

Кратки дни человеческие, *Книга Иова, 14, ст. 5.*

31

Человек, рожденный женою, краткодневен и пресыщен печалями. *Книга Иова, 14, ст. 1.*

32

Мы теряем лета наши, как звук, и т. д. *Псалом 89, ст. 9.*

33

Я избрал путь истины и т. д. *Псалом 118, ст. 30.*

34

На правой вере зиждется.

35

Каждому, кто пожелает.

36

Во имя Бога Отца, Бога Сына и т. д.

37

Хвалебная песнь Деве Марии принадлежит широко распространенному в средневековой клерикальной литературе жанру «радостей Девы Марии»: это нечто вроде лирических размышлений о наиболее примечательных событиях в жизни Богоматери от благовещения до вознесения на небо. В наиболее ранних из подобных стихотворений число «радостей» Девы Марии не превышало пяти; монахи францисканского ордена увеличили их число до семи. За ними и следует Хуан Руис. В этой песне поэт использует популярную в средние века форму заджаля. Пришедший из испано-арабской поэзии, заджаль состоит обычно из припева-запева (4 четырехсложных стиха с единой рифмой) и серии восьмисложных четырехстиший, в которых три первых стиха рифмуются между собой, а четвертый стих — с припевом-запевом (по схеме 4a 4a 4a 4a — 8b 8b 8b 8a и т. д.).

38

Вторая песнь «О радостях Девы Марии» принадлежит к тому же жанру, но написана в форме секстины с усеченной третьей и шестой строками (по схеме 8a 8a 4b 8a 8a 4b).

39

Премудрый сказал... Здесь, видимо, Хуан Руис имеет в виду библейского царя Соломона, которому в испанской средневековой литературе приписывались подобные мысли.

40

Древнейший вариант аналогичного рассказа содержится в рукописи известного болонского глоссатора XIII в. Аккурсе. Видимо, каким-то аналогичным источником позднее вдохновлялся Ф. Раблев «Гаргантюа и Пантагрюэле», рассказывая о ссоре Панурга с сорбонским схоластом.

41

Как верно сказал Аристотель... Аналогичные высказывания Аристотеля содержатся в сочинении «Политика» (кн. 1, гл. 1 и 3) и пересказываются Овидием в его «Искусстве любви».

42

...евреи и те не ревнивей хранят свою Тору. Тора (евр. — учение, закон) — традиционное древнееврейское название библейского Пятикнижия, пергаментные списки которого хранятся в синагогах.

43

«Пример» (exemplum) — один из самых распространенных дидактических жанров средневековой литературы в Европе. Обычно это притча, бытовой анекдот или басня, из которых извлекается полезное нравоучение (подробнее об этом см. с. 367—370).

44

Сюжет *«Примера о том, как лев занемог...»* был очень широко распространен в средневековой европейской литературе. Он, в частности, составлял одну из глав «Романа о лисе» (XII—XIII вв.), получил отражение в многочисленных сборниках средневековых «примеров», в том числе в книге Одона из Черитона (XII в.). Трудно сказать, какая версия сюжета стала непосредственным источником для Хуана Руиса.

45

...подкрепила эзоповой басней... Эзоп — древнегреческий баснописец, живший в V в. до н. э. Переложения его прозаических басен были весьма популярны у средневековых моралистов.

46

Сюжет о горе, родившей мышь, впервые обработан античными баснописцами Эзопом и Федром, в средние века он неоднократно перерабатывался Винценцием из Бове (XIII в.), Александром Неккамом (1157—1217), Вальтером-Англичанином (XII в.). К этому последнему, видимо, и восходит рассказ Хуана Руиса.

47

Наиболее четко мысль о суетности всего земного сформулирована в библейской книге Екклезиаста, представляющей собой собрание моралистических сентенций.

48

Рассказ о булочнице Крус написан в форме народной издевочной песни размером так называемого «эстриботе», в котором песня открывается двумя восьмисложными стихами, а в последующих четверостишиях, также восьмисложных, последняя строка рифмуется с припевом-запевом.

49

О том говорили не раз Птоломей и Платон... Греческий астроном Клавдий Птоломей (II в.), создатель геоцентрической модели мироздания, в средние века считался величайшим авторитетом и в области астрологии, т. е. предсказания судьбы по звездам. С гораздо меньшим основанием причислен к астрологам и великий древнегреческий философ Платон (429—347 до н. э.).

50

Рассказ о гороскопе сына короля Алькараса восходит в конечном счете к древней индийской легенде. В средние века история о трех разных предсказаниях относительно судьбы одного человека содержалась в рассказах о волшебнике Мерлине, связанных с артуровским циклом рыцарских романов. В частности, ее излагает Гальфрид Монмутский в «Истории королей Британии» (ок. 1136 г.). В средние века существовали три точки зрения на роль расположения звезд в судьбе человека: одни, вслед за древними стоиками, полагали, что то или иное расположение звезд определяет судьбу человека; другие отрицали влияние звезд на человеческую жизнь; третьи, признавая это влияние, не считали его неизбежным, уповая на волю Бога. Эта последняя точка зрения разделялась большинством деятелей католической церкви, и Хуан Руис, изложив в доказательство первой точки зрения широко известную притчу, всячески подчеркивает свое согласие с третьей, официальной церковной точкой зрения.

51

...как заметил философ... Здесь Хуан Руис имеет в виду Аристотеля. Однако в средние века мысль о том, что «привычка — вторая натура», стала общим местом у моралистов.

52

...на бреге песчаном Энареса... Возможно, что здесь содержится автобиографический намек, поскольку река Энарес протекает близ городков, где, видимо, отправлял свою церковную службу Хуан Руис.

53

Басня о воре и сторожевой собаке, не раз обрабатывавшаяся в средневековой литературе, восходит к одному из многочисленных переложений басни Эзопа: у Винценция из Бове, Вальтера-Англичанина, Марии Французской (вторая половина XII в.) и др.

54

...и муж вдруг явился мне рослый... Исследователи не раз обращали внимание на то, что Хуан Руис в отличие от давней и устойчивой традиции изображает бога любви Амура не отроком, а «рослым мужем».

55

Исследователи установили, что основным источником для Хуана Руиса при написании басни о лягушках, просивших у Юпитера царя, было сочинение средневекового баснописца Вальтера-Англичанина, хотя, возможно, автору «Книги благой любви» были известны и другие многочисленные средневековые версии рассказа.

56

За алчность свою египтяне... Намек на библейский эпизод исхода иудеев из Египта.

57

Среди множества средневековых источников анекдота о собаке, выронившей кость, исследователи особо выделяют сборник индийских апологов «Калила и Димна», переведенный с арабского на испанский язык в 1261 г. по приказу Альфонса X Мудрого.

58

...как многие ангелы, коим был вождь Люцифер... Согласно ветхозаветному преданию, некоторые ангелы во главе с Люцифером восстали против Бога и были низвергнуты в геенну огненную.

59

Хотя этот сюжет и существовал в средневековых переложениях басни Эзопа у Винценция из Бове, Вальтера-Англичанина и др., крупнейший исследователь источников «Книги благой любви» Феликс Лекуа справедливо указывает на то, что *«Пример о коне и осле»* — одно из оригинальнейших сочинений Хуана Руиса.

60

...когда-то в геенну попал богатей... Намек на библейский эпизод, рассказанный в Евангелии от Луки.

61

Источником этой басни является одна из басен Вальтера-Англичанина.

62

В средние века библейские цари Давид и Соломон были излюбленными примерами приверженности греху сладострастия. Хуан Руис ссылается на эпизод, описанный во «Второй книге Царств» (Библ.).

63

...гибель Пяти городов... Имеется в виду библейский рассказ о гибели Пяти городов в долине реки Иордан: Содома, Гоморры, Адамы, Себоима и Соара.

64

...кудесник Вергилий... В средние века римский поэт Вергилий слыл магом и чудодеем. О нем ходило множество забавных анекдотов, в частности о том, как молодая дочь императора зло посмеялась над ним, а он жестоко отомстил ей. Приводимый Хуаном Руисом рассказ зарегистрирован во множестве средневековых сочинений XIII—XIV вв.

65

В средневековых легендах Вергилию приписывали различные чудесные постройки, в их числе — медный мост через реку Тибр в Риме. Видимо, искаженным отголоском этой легенды является и рассказ Хуана Руиса.

66

Басня об орле и охотнике восходит к Эзопу. В средневековой литературе аналогов ей не обнаружено. Феликс Лекуа высказал предположение, что к Хуану Руису она пришла через посредство какого-то арабского источника. Много позднее этот сюжет обработал в одной из своих басен Лафонтен.

67

Монжибель (Монжибелло) — старинное название итальянского вулкана Этны. Здесь употребляется метафорически для обозначения преисподней.

68

Иаков слукавил из зависти к брату... Имеется в виду библейская легенда о том, как младший сын Авраама Иаков, по наущению своей матери Ревекки, обманом получил благословение отца вместо старшего брата Исава.

69

Один из комментаторов книги Хуана Руиса — Хулио Сехадор-и-Фраука полагал, что непосредственным источником *«Примера о павлине и вороне»* было раннее произведение Данте, однако вряд ли Данте был достаточно известен в Испании во времена Хуана Руиса. К тому же в европейском средневековье этот сюжет, восходящий к Эзопу, был широко известен задолго до этого.

70

Сколь много от чревоугодья погибло в пустыне... Намек на библейскую легенду о манне небесной, которой кормились иудеи во время исхода из Египта.

71

«Пример о льве и коне» восходит к Эзопу и известен был в средневековых переложениях А. Неккама, Вальтера-Англичанина и др. У Хуана Руиса, однако, этот сюжет трактуется совершенно оригинально.

72

Гиппократ — величайший греческий врач, живший в конце V в. до н. э.

73

Навуходоносор владел Вавилонией встарь... Согласно библейскому преданию, возгордившийся своим могуществом царь Вавилонии Навуходоносор в наказание за гордыню утратил человеческий облик, оброс шерстью, точно животное, и питался травой.

74

Самсон безрассудно поддался любовному пылу... Здесь излагается известное ветхозаветное предание о силаче Самсоне, преданном его возлюбленной — филистимлянкой Далилой.

75

Во гневе и ярости царь иудейский Саул... Хуан Руис довольно свободно пересказывает библейский эпизод о царе Сауле, заколовшемся мечом после поражения, которое ему нанесли филистимляне.

76

Источником этой басни послужила одна из басен Вальтера-Англичанина. Однако концовка (самоубийство льва) — плод фантазии самого Хуана Руиса.

77

Сюжетная основа басни о тяжбе между волком и лисицей существовала у Федра и у некоторых его средневековых толкователей. Но автор «Книги благой любви» придал ей весьма оригинальную и совершенно самостоятельную трактовку.

78

...судья из Бухии... Бухия — испанское название города на севере Африки, восточнее города Алжира (нынешнее название Беджаия); в средние века город был важным военным и торговым центром, — между прочим, и центром торговли африканскими обезьянами. Это объясняет фамилию судьи — дон Обезьян (в оригинале ximio — simio — по-испански значит «самец обезьяны»).

79

...в год тыщу трехсотый... В оригинале указан 1301 г. по испанскому средневековому календарю («эра Цезаря»). Разница между испанским и общехристианским летосчислением составляла 38 лет. Так что «испанский» 1301 г. соответствовал 1263 г. н. э., а не 1339 г., как ошибочно утверждал Х. Сехадор-и-Фраука в своих комментариях к «Книге благой любви». Тем не менее исследователи утверждают, что рассказ о тяжбе между волком и лисицей содержит намек на современность, в частности «Львом» во времена Хуана Руиса в Испании неоднократно называли короля Альфонса XI, правившего Кастилией с 1325 по 1350 г. Одно из прозвищ короля — «Король-соединитель» — воспроизводится в оригинале; это прозвище было дано королю в 1340 г., после сражения на реке Саладе. Это одна из немногих хронологических вех, позволяющих датировать написание «Книги благой любви».

80

...анафеме предан легатом... Легат — уполномоченный папы, имеющий право от имени главы католической церкви отлучать от церкви грешников. В данном случае, как о папском легате, речь идет о кардинале Хиле де Альборносе.

81

...Волчица живет в Альберлоге... В оригинале «Вильфорадо» (соврем, написание — Белорадо) — городок в провинции Бургос. Хуан Руис использовал здесь смысловое значение этого названия, которое и передал по-русски переводчик.

82

«Как хорошо». *Псалом 132, ст. 1.*

83

Псалом 133, ст. 1—2, искаж.

84

Здесь в оригинале содержатся многочисленные цитаты по-латыни из псалмов, воспроизведенные в переводе лишь частично. Цитация псалмов в оригинале носит явно пародийный характер.

85

Псалом 50, ст. 17, искаж.

86

Евины горести. *Из хвалебного гимна Богоматери.*

87

Уста, язык, душу. *Из молитвы часа третьего.*

88

«Как наполненный мех». *Псалом 118, ст. 83.*

89

«Как люблю я <закон твой>». *Псалом 118, ст. 97.*

90

Укрепи меня. *Псалом 118, ст. 116.*

91

Светильник ноге моей. *Псалом 118, ст. 105.*

92

«Как сладки <слова твои>». *Псалом 118, ст. 103.*

93

«Дивны <откровения твои>». *Псалом 118, ст. 129 — с этих слов начинается молитва девятого часа.*

94

Там же, ст. 133.

95

«Праведен ты, Господи». *Там же, ст. 137.*

96

Псалом 109, ст. 2.

97

«Седи одесную меня». *Псалом 109, ст. 1.*

98

«Возрадовался я». *Псалом 121, ст. 1.*

99

«Обрати нас». *Псалом 84, ст, 5.*

100

«Воззри на нас». *Заключительные слова молитвы.*

101

«Пред лицом всех». *Евангелие от Луки, 2, ст, 31.*

102

, «Славься, Владычица!» *Из молитвы Богоматери* (можно также истолковать: «Прощай, госпожа!»).

103

...тянет волчицу к паршивому волку. В многочисленных средневековых «бестиариях» (книгах о животных) и других произведениях той поры получила отражение легенда о том, что волчица якобы всем партнерам в любви предпочитает самых уродливых самцов.

104

«Пример о кроте и лягушке» восходит к одной из басен Вальтера-Англичанина; в переработанном виде он вошел в «Книгу примеров» (написана между 1400 и 1421 гг.) Клементе Санчеса Версиаля и другие сборники средневековых апологов.

105

Читай-ка Овидия... В средние века были весьма популярны произведения римского поэта Овидия Назона (43 г. до н. э. — 18 г. н. э.) «Три книги о любви» и «Три книги об искусстве любви». Последующие наставления Амура представляют собой частично пересказ этих книг Овидия.

106

Панфил — герой анонимной средневековой латинской комедии «Книга Панфила», которую далее частично переводит и перелагает Хуан Руис в эпизоде с доньей Терниной (см. строфы 583 и сл.). Хуан Руис, видимо, считал Овидия одним из авторов пьесы.

107

«Пример о двух лентяях, посватавшихся к одной даме» имеет много аналогов в средневековой литературе (сборник «Деяния римлян» и др.), но ни один из них не может быть назван прямым источником Хуана Руиса.

108

...нарушишь завет тровадора... В противовес хуглару, автору и исполнителю народных эпических произведений, тровадор — представитель «ученой» поэзии, преимущественно лирической, во времена Хуана Руиса создававшейся в Испании либо на провансальском (в Каталонии), либо на галисийско-португальском языке (по всей остальной Испании). «Тровадор» — галисийский вариант провансальского слова «трубадур».

109

«Пример о том, что приключилось с доном Питасом Пайасом...» восходит к французской городской стихотворной повестушке (фаблио) либо к одной латинской комедии XII в. Имя «Пайас» имеет смысловой характер, издавна употреблялось для обозначения глупца. Этот же сюжет позднее обработал в своих «Сказках» Лафонтен.

110

«Пример о могуществе денег» имеет множество параллелей в средневековой европейской литературе. Ближе всего — рассказ, содержащийся в «Carmina burana» — собрании лирических и эротических, сатирических и дидактических песен вагантов, вольнодумных представителей низшего духовенства и бродячих студентов. Сборник был составлен в первой четверти XIII в.

111

Я зрел в средоточии святости, в городе Риме... Хотя Рим и в первой половине XIV в. оставался символом католической церкви, официальной столицей папства в это время был город Авиньон.

112

...быв пьян, с дочерьми блудодействовал Лот... В известном библейском предании После бегства Лота с дочерьми из Содома дочери, полагая, что только они трое из всех людей остались в живых, напоив вином отца, вступают с ним в кровосмесительную связь ради продолжения рода.

113

В средневековой литературе Европы, в том числе и Испании, существует множество аналогичных рассказов о вредных последствиях употребления вина и о женских соблазнах. Однако в рассказе об отшельнике Хуан Руис умело соединяет обе эти ветви.

114

...дав три, ростовщик через год получает четыре... Подобная плата за ростовщическую ссуду была установлена официально королем Альфонсом XI в 1315 г.

115

...то гусят Сан Хуан... Праздник святого Хуана, соответствующий русскому празднику Ивана-Купалы, отмечается 24 июня.

116

...заметил маэстро Рольдан. Рольдан, один из ближайших сотрудников короля Альфонса X Мудрого, по его поручению написал книгу «Распорядок турниров» (1276).

117

...оставил в наследство нам римлянин мудрый Катон. Хуан Руис снова ссылается на латинский сборник моралистических сентенций, приписывавшихся Дионисию Катону (см. примечание к прозаическому прологу).

118

Из Калатаюда. Калатаюд — небольшой городок в провинции Сарагоса.

119

Как уже отмечалось, весь эпизод с доньей Терниной и доном Арбузилем является свободным переложением, а отчасти и переводом упоминавшейся выше средневековой латинской комедии «Книга Панфила».

120

...с доном Амуром, супругом твоим… В римской мифологии Амур чаще всего представлен ребенком или отроком и, конечно, не является супругом Венеры.

121

В оригинале Хуан Руис использует фразу из одного псалма: «В руки твои душу свою отдаю...»

122

...живет по соседству красавица донья Тернина... В оригинале смысловое имя героини этого эпизода — донья Эндрина (исп. — плод терновника, дикой сливы) — рассчитано на возможность различных метафорических сближений между героиней и плодом, которым она названа (смуглый цвет кожи, кисло-сладкий вкус, шипы, которым он окружен на ветке, и т. п.). Кроме того, в испанском фольклоре плоды терновника издавна являются символом недотроги.

123

Овидий ...знал женщин и мудрые подал мужчине советы... Здесь Хуан Руис указывает на прямой источник последующих наставлений Венеры — «Искусство любви» Овидия.

124

Родителям нынче женить меня вспало на ум... Хотя рассказ ведется по-прежнему от первого лица, герой его уже не может даже формально отождествляться с автором: ведь Хуан Руис — священнослужитель и, следовательно, не имеет права вступать в брак.

125

...отец ее — дон Толстосум... В оригинале «дон Пепион» (pepión — испанская мелкая монета).

126

Во всех дошедших до нас списках «Книги благой любви» здесь отсутствуют две строки.

127

...*поиграть вам в пелоту.* Пелота — старинная испанская игра в мяч.

128

...вот дон Арбузиль де Бахчиньо... Здесь впервые Хуан Руис решительно разграничивает образ автора-повествователя в «Книге благой любви» в целом и рассказчика в этом эпизоде.

129

«Пример о дрохве и ласточке» имеет своим непосредственным источником басню Вальтера-Англичанина, но сюжет ее восходит еще к Эзопу, а в Испании обрабатывался почти одновременно с «Книгой благой любви» в сборнике новелл Хуана Мануэля «Граф Луканор» (1335).

130

Во всех списках здесь отсутствуют не только заключительная строка 765-й строфы, но и еще несколько строф, в которых донья Тернина, видимо, отказывалась искать нового мужа, сославшись на пример волка, которому посоветовали, переодевшись в платье аббата, отправиться полакомиться овечкой. Рассказ этот имеет множество параллелей в средневековой европейской литературе, в том числе в «Романе о лисе».

131

Здесь снова в рукописи очевидный пробел. Далее следует разговор сводни с доном Арбузилем, в котором она сообщает ему, возможно лишь для того, чтобы преувеличить свои последующие труды и получить более значительное вознаграждение, что донья Тернина уже сосватана за другого.

132

донья Ветвина... В оригинале имя матери тоже смысловое: донья Рама (ветвь).

133

...после Михайлова дня проклюнувшийся петушок... Т. е., как петушок, родившийся зимой, когда пищи мало, и подросший к дню святого Михаила (8 мая).

134

...мужчины всей Иты... Еще одно доказательство колебаний автора, который в этом эпизоде то отождествляет юного героя с автором-рассказчиком, то различает их.

135

Праздник Сантьяго отмечается 25 июля.

136

...от аббата Сан Пабло... Сатирический намек на нравы монашества; здесь упоминается аббат из доминиканского монастыря Сан Пабло.

137

Перед этой строфой во всех списках отсутствуют 32 строфы, которые повествовали о том, что донья Тернина, оставшись наедине с доном Арбузилем, отдалась ему. Во всем случившемся она обвиняет старуху-сводню.

138

...в этом повинны Панфил и Назон. См. примечание к строфе 429. В этой строфе автор решительно отделяет себя от дона Арбузиля и от рассказчика всей остальной части книги.

139

Басня о льве и осле имеет много аналогов в литературах Востока и Западной Европы.

140

...а имя ей было Уррака... Уррака — слово, означающее по-испански «сорока», в фигуральном смысле — «болтушка» (см. строфу 920).

141

...ласка и кролик делили нору... Намек на широко распространенную в средние века басню восточного происхождения. Позднее этот сюжет обработал Лафонтен в басне «Кот, ласка и маленький кролик».

142

День святого Медера (Эметерия) отмечается 3 марта.

143

Это первое *«Песнопение горянке»* (исп. serranilla) написано строфой так называемого «ученого песнопения», употреблявшейся провансальскими и галисийскими поэтами: строфа состоит из семи восьмисложных стихов с рифмой по схеме: 8a 8a 8a 8b 8c 8c 8b.

144

...к перевалу Малангосто... Перевал Малангосто находится в горах Гвадаррамы, неподалеку от Лосойи. Название перевала совершенно очевидно использовано Хуаном Руисом с учетом его смыслового значения (mal — по-испански — зло, дурное; angosto — узкий, тесный), подчеркивающего описываемую ситуацию.

145

В Сотосальвос путь держу я. Сотосальвос (Сотос Альбос) — селение на склонах Сьерры Гвадаррамы, близ Ла Гранхи.

146

Сантильян, пошли спасенье! Сантильян (Сан Хулиан) — святой, покровитель путников.

147

...видел скелет той змеи... Хуан Руис здесь ссылается на какую-то местную легенду, не зафиксированную в письменных источниках.

148

...через проход Фуэнтфриас... Фуэнтфриас — горный перевал в горах Гвадаррамы, близ Сеговии.

149

...в деревне Феррерос... Это селение юго-западнее Сеговии ныне называется Отеро де лос Эррерос.

150

Второе *«Песнопение о горянке»* — строфическая песня в форме заджаля. Обычная структура заджаля — припев-запев и несколько строф, связанных рифмой с ним. Но в отличие от хвалебной песни Деве Марии (строфы 20—32) здесь припев-запев состоит из трехстишия с двумя рифмами, а строфы имеют по девять строк каждая, причем восемь первых строк рифмуются перекрестной рифмой, а девятая рифмуется с третьей строкой припева-запева (по схеме 8a 8a 8b 8c 8d 8c 8d 8c 8d 8c 8d 8b).

151

...риофрийскую пастушку... Риофрио — деревня на полпути между Сеговией и Отеро де лос Эррерос.

152

...возле Корнехо... Корнехо — местность южнее Сеговии, у подножия перевала Таблада (см. строфу 1009).

153

Как и первое, третье *«Песнопение о горянке»* написано строфой «ученого песнопения» по схеме: 8a 8b 8a 8b 8a 8b 8b.

154

...три песни сложил я... В тексте «Книги благой любви» эти песни отсутствуют.

155

В этом последнем *«Песнопении горянке»* используется форма заджаля по схеме: 6a 6a 6a 6a 6b 6b 6c 6c 6a.

156

...присночтимый апостол Сантьяго... См. примечание к строфе 3.

157

Строфы 1046—1058, искусственно разделенные копиистом на две части заголовком между строфами 1048 и 1049, представляют собой Песнь о страстях Иисуса. Она написана в форме заджаля с припевом-запевом, состоящим из четырех шестисложных стихов с перекрестной рифмой и нескольких строф по восемь шестисложных стихов в каждой, причем первые шесть рифмуются одинаковой перекрестной рифмой, восьмой рифмуется с последней строкой припева-запева, а седьмой остается нерифмованным (по схеме 6a 6b 6a 6b 6c 6d 6c 6d 6 6b).

158

...предстал перед синедрионом... Синедрион — высший совет в древней Иудее, решавший все важнейшие государственные и религиозные дела.

159

...встал центурион... Центурион — командир римской военной единицы — центурии.

160

Вторая песня «О страстях господа нашего Иисуса Христа» строится по той же схеме, что и предыдущая.

161

Пророчества были благие... Хуан Руис ссылается здесь на книги пророка Иеремии, пророка Даниила, пророка Исайи из библейского «Ветхого завета».

162

Упоминающиеся в заглавии этого эпизода и в дальнейшем тексте Мясоед и Четыредесятница — это Масленица и Великий пост. Битва Масленицы и Великого поста — сюжет, весьма распространенный в средневековой европейской литературе. Поэтому трудно указать конкретный источник, которым воспользовался Хуан Руис.

163

...Дано в Кастро де Урдиалес... Кастро де Урдиалес — портовый город в провинции Сантандер на севере Испании; издавна славится как один из центров испанского рыболовства. Именно поэтому Хуан Руис и объявляет этот город резиденцией Четыредесятницы (Великого поста): в Великий пост верующим запрещено употреблять в пищу мясо, и оно заменяется рыбой. Из своей резиденции Четыредесятница шлет распоряжения в Кастилию, одним из крупнейших городов которой является упоминаемый в этой строфе Бургос.

164

...чтоб ко вторнику... Речь идет о последнем дне масленичного карнавала, после которого наступает Великий пост.

165

...не смог бы и сам Александр столь могучих собрать. Имеется в виду, конечно, Александр Македонский, чьи подвиги, реальные и вымышленные, были весьма популярны в средневековой Европе. В Испании о них, в частности, рассказывала испанская версия «Книги об Александре» (середина XIII в.), с которой знакомство Хуана Руиса несомненно.

166

Описание воинства Мясоеда точно воспроизводит обычный в те времена строй воинов в сражении: пехота, в первых рядах которой стоят щитоносцы, затем идут арбалетчики, отряд всадников-рыцарей (кабальеро), эскудеро (оруженосцы) и, наконец, родовые дворяне (инфансоны).

167

...не раз я давил и крушил басурман. Намек на бои с маврами за освобождение испанской земли. Кабан представлен злейшим врагом арабов, — ведь мусульманская религия запрещает есть свинину и даже прикосновение к свинье почитает «осквернением правоверного».

168

...хуглары его услаждали искусством своим. См. примечание к строфе 472.

169

...бой злее был, чем при Аларкосе в оные годы. В 1195 г. в битве при Аларкосе, возвышенности в провинции Сьюдад Реаль, войска мавров под командованием знаменитого полководца Альмансора нанесли тяжелое поражение войскам кастильского короля Альфонса IX.

170

Из вод Сантандера... Сантандер расположен на берегу Кантабрийского моря и издавна славится рыбным промыслом.

171

...был провозглашен юбилей... «Юбилеем» у католиков называется полная индульгенция (всеобщее отпущение грехов), провозглашаемая папой римским при определенных обстоятельствах и по случаю особенно знаменательных событий. Первый такой «юбилей» в истории католической церкви был объявлен в 1339 г., что может служить одним из косвенных свидетельств написания «Книги благой любви» около этого срока.

172

...*Пожаловала из Бермео*... Бермео — рыболовецкий порт в Стране Басков.

173

...удрать в Вильенчон... Вильенчон (современное название — Велинчон) — городок в провинции Куэнка, близ которого существовали соляные копи.

174

Вот граф де Ларедо... Ларедо — еще один рыбный порт на побережье Кантабрики.

175

Слова монаха являются довольно точным пересказом замечаний, содержащихся в «Декрете» Грациана относительно способов покаяния. О Грациане см. примечание к Прозаическому прологу.

176

Здесь и далее Хуан Руис продолжает перелагать «Декрет» Грациана.

177

...слезами святой Магдалины с нее были смыты ее прегрешения... Согласно библейской легенде, раскаявшаяся грешница Мария Магдалина, исцеленная Иисусом Христом от одержимости семью бесами, следовала за ним, присутствовала при его казни и первой узнала о его воскресении.

178

А Петр? В евангельских текстах рассказывается, что во время Тайной вечери Иисус предсказал апостолу Петру, что он трижды отречется от него; так и случилось.

179

Еще приведу вам в пример из библейских времен царя Езекию... Рассказ о Езекии содержится в библейской «Четвертой книге Царств».

180

...судья картахенский, ...алькальд... рекенский. Картахена — город на средиземноморском побережье Испании; Рекена — маленький городок в провинции Валенсия.

181

...святые права вместе с митрой, жезлом, омофором... Омофор — часть епископского облачения, надеваемая на плечи.

182

Вникайте в Зерцало... и т. д. Имеется в виду «Судебное зерцало» епископа Гийома Дюрана (4230—1296). Ему же принадлежит «Золотой реперторий юриспруденции». «Остийский свод» — произведения Энрико де Суза, кардинала Сотии (ум. в 1271). Папа Иннокентий IV также известен своими трудами по каноническому праву и сводом декреталий. Консистория — собрание кардиналов, возглавляемое папой. «Розариум» — «Розариум декреталий» Гвидо де Байсио (ум. в 1313), краткое толкование «Декрета» Грациана. Декреторий — видимо, также собрание декреталий. Таким образом, Хуан Руис перечисляет здесь наиболее авторитетные труды предшествующей эпохи, посвященные проблемам теологии, в частности каноническому праву.

183

«Моя вина».

184

...объявлен был мир... В Великий пост в войнах объявлялось «божье перемирие».

185

...в разгаре был праздник опресноков... Имеется в виду еврейская пасха.

186

...поспешил Мясоед в Медельин... Медельин — город в Эстремадуре, по сию пору славящийся своим животноводством.

187

Перечисленные в этих строфах эстремадурские города и области Касарес, Пласенсия, Трухильо, Серена и другие расположены на традиционных путях сезонной кочевки овец из Эстремадуры в Сеговию и обратно.

188

...в Вальдевакасе буду. Местность с таким названием имеется в провинции Сеговия. Существенно, однако, что это название смысловое и по-испански означает «Коровья долина».

189

...к утру в Росасвальесе... Росасвальес — народный вариант названия Ронсевальского ущелья в Пиренеях, места, где, согласно эпическому преданию, погибла в конце VIII в. часть французского войска во главе с Роландом и в последующем сражении франки под водительством Карла Великого нанесли сокрушительное поражение сарацинам (маврам). Позднее здесь проходила знаменитая «Французская дорога», по которой направлялись паломники к гробнице Сантьяго.

190

...не меньше, чем мавров в Гранаде... Гранадский эмират долгое время был основным оплотом мавров на Пиренейском полуострове; он пал лишь в 1492 г., т. е. через полтораста лет после того, как была написана «Книга благой любви».

191

...он мясом охотно снабжал англичан... Исследователи пытались связать это неожиданное упоминание англичан с различными историческими периодами сближения Кастилии с Англией. Видимо, однако, имеется в виду, по меткому замечанию Сехадора-и-Фрауки, слава любителей мясных блюд, какой пользовались всегда англичане.

192

Рабель, *вигуэла*, *рота*, *псалтирь*, *псалтерион*, *виола* и др. — старинные музыкальные инструменты.

193

...участвует в шествии даже бордонский аббат. Хотя в Испании есть несколько селений Бордонес, вряд ли речь может идти о священнике одного из этих бедных приходов. К тому же в списках «Книги благой любви» имеются разночтения в написании этого названия.

194

Здесь перечислены известные религиозные и религиозно-рыцарские ордена, пользовавшиеся в Испании в условиях реконкисты особенно большим влиянием.

195

...тайком от святого Франциска... Франциск Ассизский (1182—1226) — основатель францисканского ордена — славился строгостью нравов и не только сам не мог сопровождать бога любви, но и одобрить участие в его триумфальном шествии священнослужителей и монахов францисканского ордена.

196

Восклицания, которыми встречают Амура монахи и клирики, представляют собой используемые пародийно цитаты из псалмов, слова, обращенные к Иисусу Христу.

197

...*державная чудо-жена*... Речь идет о «супруге» дона Амура — Венере.

198

...ни в Париже не купите, ни в Барселоне. В XIV в. Париж и Барселона почитались богатейшими городами Европы.

199

...и в Толедо не хватит бумаги... Толедо издавна был крупнейшим интеллектуальным центром Испании. Здесь, например, в 1130 г. архиепископ Толедский и великий канцлер Кастилии Раймундо организовал знаменитую школу переводчиков с арабского, которая познакомила европейских читателей со многими арабскими и античными мыслителями. К тому же в XIII в. Толедо стал также весьма значительным центром производства бумаги в Европе.

200

В образах сеньоров, сидящих в шатре Амура, Хуан Руис дает символическое описание смены времен года, перечисляя месяц за месяцем. Аналогичный календарь описывался в «Книге об Александре», послужившей, видимо, источником для Хуана Руиса.

201

Сидевший правее поспевшим хрустел пастернаком... Этот сеньор символизирует ноябрь.

202

Второй ел похлебку капустную и солонину... Имеется в виду декабрь.

203

Двуликим был, на удивленье, их третий сосед... Речь идет о январе, название свое получившем от римского бога Януса, который изображался с двумя лицами, обращенными в прошлое и будущее.

204

Был первый сеньор из тех трех коротышкой... Имеется в виду февраль.

205

Рыхлить виноградник сеньор заставляет второй... Подразумевается март, месяц начала весенних полевых работ.

206

Последний сеньор ...украшен цветами, медвяным пьянит ароматом... Этот сеньор персонифицирует апрель.

207

На завтрак у первого овощи с хлебным ломтем... Май время сбора первых овощей.

208

Второму из этих троих поработать не лень... В июне в Испании начинается уборка ранних зерновых.

209

У третьего хлеб поспевает... Имеется в виду июль, когда начинается массовая уборка урожая зерновых и фруктов.

210

Питается первый созревшим уже виноградом... Речь идет об августе.

211

Снимает все гроздья второй... Хуан Руис имеет в виду сентябрь.

212

А третий обязан давить виноград... В октябре начинается основная переработка винограда в вино.

213

...чрез ворота Висагры... Ворота Висагры были самыми знаменитыми в средневековом Толедо.

214

...теперь в Алькала поспешу... В Алькала в те времена проходила одна из самых крупных в Кастилии весенних ярмарок.

215

В веселый и радостный день... Фомино воскресенье (исп. Dia de Quasimodo) — следующее после дня воскрешения Иисуса воскресенье — отмечается веселыми народными празднествами. В этот день по традиции также справляются многочисленные свадьбы.

216

...*день святого апостола Марка*... Этот день отмечается 25 апреля.

217

...как с той марокканкой... Не совсем ясно, о ком идет речь в данном случае. Некоторые ученые отождествляют ее с мавританкой, о которой автор рассказывает позднее, в строфах 1508—1512; другие полагают, что здесь содержится намек на какой-то эпизод, не включенный в известный нам вариант книги.

218

В Валенсии, ни в Монпелье, ниже в Александрии... Валенсия славилась своими вареньями, в Монпелье и Александрии в средние века существовали знаменитые медицинские школы.

219

...отведавших «торо»... «Торо» — знаменитое красное вино из винограда, возделываемого на плантациях близ селения Торо (провинция Самора).

220

...донья Гароса... По мнению одной из самых авторитетных исследовательниц «Книги благой любви» М. Р. Лиды де Малькьель, имя монашки, восходящее к арабскому слову, означающему «невеста», употреблено здесь как синоним «христовой невесты».

221

Басня о селянине и змее имеет много параллелей в европейской литературе, в том числе и средневековой Испании. К Хуану Руису она, видимо, пришла от Вальтера-Англичанина.

222

«Пример о борзой и ее хозяине» имеет своим источником также одну из басен Вальтера-Англичанина.

223

Впервые басня была изложена Горацием. Хуан Руис в данном случае очень точно следует за своим непосредственным источником — сборником Вальтера-Англичанина. Монферрандо (современное Моэрнандо) — селение близ Гвадалахары.

224

Источник этой басни тот же.

225

...и малинские ткани... Город Малин (Мехельн) в нынешней Бельгии и до сих пор славится высоким качеством производимых здесь тканей.

226

«Пример об осле и болонке» восходит к басням Эзопа; сюжет его обрабатывался неоднократно и позднее.

227

Басня о лисице, которая повадилась воровать кур в деревне, восходит к восточным источникам, в частности получила отражение в переведенной на испанский с арабского «Книге об обманах» (1253). Инфант Хуан Мануэль изложил один из ее вариантов в 39-м «примере» своей книги новелл «Граф Луканор».

228

Басня о льве и мыши существовала в средние века в многочисленных переложениях эзоповской традиции. Хуан Руис следует за Вальтером-Англичанином.

229

Эта чрезвычайно популярная басня вошла также в «Графа Луканора» (пример 5-й) и «Книгу примеров».

230

«Пример о зайцах» восходит к одной из басен Эзопа, известной в ту эпоху в обработке Вальтера-Англичанина.

231

Легенда о человеке, продавшем душу дьяволу, была чрезвычайно популярна в средневековой литературе. Правда, чаще всего, начиная с латинской поэмы монахини Хротсвиты Гандерсгеймской (X в.) и вплоть до «Чуда о Теофиле» Рютбефа (вторая половина XIV в.), герой ее был монахом. В Испании эту легенду изложил в начале XIII в. в сборнике «Чудеса Богоматери» Гонсало де Берсео. Параллельно с Хуаном Руисом аналогичный сюжет включил в своего «Графа Луканора» Хуан Мануэль (пример 45-й). Вариант легенды, изложенный здесь, содержит множество бытовых реалий, которые «приземляют» сюжет.

232

...он из Алькала... Многие ученые делали из этих слов вывод о том, что Хуан Руис родился в Алькала де Энаресе.

233

Эти строфы представляют большой интерес, т. к. свидетельствуют, что «Книга благой любви» — не единственное произведение Хуана Руиса, что кроме нее он создал множество песен для слепцов, школяров, мавританских и еврейских танцовщиц и др.

234

Строфы 1520—1568 выделяются на общем фоне «Книги благой любви» полным отсутствием в них юмористического или сатирического начала; это — гневная инвектива против смерти. Есть предположение, что первоначально эта часть составляла самостоятельное произведение.

235

Строфы 1579—1605 являются естественным продолжением инвективы против смерти. Смертным грехам, перечисленным несколько в ином порядке, чем в споре с доном Амуром, автор противопоставляет в качестве оружия христианина семь добродетелей, семь таинств причастия, семь даров святого духа, семь деяний милосердия (строфы с 1586 по 1601). Стройность повествования, однако, нарушается тем, что у Хуана Руиса не семь, как он утверждает (см. строфу 1600), а восемь грехов. После обобщающей строфы 1602 следует характеристика трех злейших врагов человечества: суеты, плоти и дьявола, которым противостоят милосердие, воздержание и мужество (строфы 1603—1605).

236

Строфы 1606—1617 звучат резким, но сознательным диссонансом с предшествующими рассуждениями автора.

237

Философ сказал... меньшее зло предпочтительней большего зла. Со времен Цицерона эту сентенцию приписывали Аристотелю.

238

...слагал на хугларский манер... Видимо, Хуан Руис имел в виду, что его произведения предназначены не только для чтения, но и для устного исполнения хугларами. «Хугларскими» можно считать и некоторые черты стиля книги, хотя избранная Хуаном Руисом основная поэтическая форма — так называемая куадерна виа — характерна для «ученой» поэзии Испании. Об этом подробнее см. с. 374—375.

239

Окончено в год, что отмечен по счету годин числом тыща триста и восемьдесят и один... 1381 г. по испанскому средневековому календарю соответствует 1343 г. по христианскому календарю. Эта дата обычно и объявляется временем окончания книги Хуана Руиса. Правда, в других списках есть указание и на 1330 г. О датировке книги подробнее см. также в статье.

240

В песне *«О радостях Девы Марии»* используется полиметрическая форма строфы. Каждая строфа состоит из восьми стихов с разным количеством слогов в каждом из них, рифмующихся по схеме: 8a 7b 8a 7b 4c 4c 8c 7b.

241

Здесь утрачена одна строка.

242

Еще одна песня *«О радостях Девы Марии»* написана в оригинале секстиной с единой перекрестной рифмой и седьмым усеченным стихом по схеме: 6a 6b 6a 6b 6a 6b 4b.

243

Здесь утрачены две строки.

244

Здесь не хватает еще одной строки.

245

Как установили исследователи «Книги благой любви», здесь объединены две «Песни школяров» (строфы 1650—1655 и 1656—1660). Обе написаны в форме заджаля, состоят из восьмисложного двустишия, играющего роль запева-припева, и нескольких строф, каждая из которых имеет четыре восьмисложных стиха. Общая схема рифмовки: 8a 8a 8b 8b 8b 8a.

246

«Песни слепцов» были помещены в конце книги с соответствующей нумерацией строф в первом научном издании «Книги благой любви», которое выпустил Ж. Дюкамен в 1901 г. В этом отношении он следовал за весьма несовершенными первыми изданиями текста. Гораздо более естественный порядок расположения материала существует в манускрипте Гайосо. Этот порядок принят и в издании, которое положено в основу русского перевода (см. вступление к «Примечаниям»), Нумерацию же мы сохранили традиционную.

Первая *«Песня слепцов»* написана в форме секстины, состоящей из восьмисложных стихов с перекрестной рифмой, по схеме: 8a 8b 8a 8b 8a 8b.

247

Вторая *«Песня слепцов»* — секстина, состоящая из восьмисложных стихов со смежной рифмой по типу: 8a 8a 8b 8b 8c 8c. Исключение составляют первая строфа (1720) — пятистишие с рифмой типа 8a 8a 8a 8b 8b, и заключительная строфа — пятистишие с рифмой 8c 8c 8d 8d 8d.

248

«О гимне Пресвятой Деве „Радуйся”» представляет собой по структуре один из вариантов заджаля. Он открывается припевом-запевом (четверостишие с тремя восьмисложными стихами и одним четырехсложным, рифмующимся по схеме 8a 8a 8a 4b) и продолжается шестью строфами, каждая из которых состоит из комбинации восьми-, четырех- и семисложных стихов с рифмой типа 8c 4d 8e 8c 4d 8e 7e 7a 8a 4b. Латинские вкрапления в текст этой песни представляют собой в совокупности текст первой части старинного церковного гимна в честь Девы Марии.

249

Радуйся, Мария!

250

Благодатная.

251

Богоизбранная.

252

Благословенна ты

253

В женах.

254

Благословен плод.

255

Чрева твоего.

256

«Гимн во славу Девы Марии» состоит из пяти строф, каждая из которых включает в себя восемь восьмисложных стихов, рифмующихся по схеме a b c b b c c b.

257

Второй *«Гимн во славу Девы Марии»* состоит из припева — четверостишия с охватной рифмой (8a 8b 8b 8a) и строф, состоящих из восьмисложных стихов с рифмой типа 8a 8c 8a 8c 8c 8d 8d 8c, причем первый стих каждой строфы повторяет последний стих предыдущей.

258

Каждая строфа третьего *«Гимна во славу Девы Марии»* состоит из семи стихов, в которых перемежаются пятисложные (1, 3, 5, 6) и семисложные (2, 4, 7) стихи, рифмующиеся по схеме 5a 7b 5a 7b 5a 5a 7b.

259

Строфа 1684 представляет собой начало четвертого *«Гимна во славу Девы Марии»*, от которого сохранился лишь припев-запев, написанный в форме редондильи, т. е. четверостишия, состоящего из восьмисложных стихов с охватной рифмой типа 8a 8b 8b 8a.

260

«Песня, укоряющая судьбу» в списках заголовком не выделялась и долгое время считалась продолжением четвертого *«Гимна во славу Девы Марии»*. Песня состоит из пяти секстин, написанных преимущественно шестисложными стихами с рифмовкой по схеме a a b a a b.

261

«Песня про талаверских клириков» безусловно примыкает к «Книге благой любви» по общему умонастроению и духу, но в отличие от основного корпуса написана от третьего лица.

262

...и знает наш добрый король... М. Р. Лида де Малькьель видит здесь намек на внебрачное сожительство короля Альфонса XI с Леонор де Гусман.

263

«Да опростаемся, ибо это сладостно». Пародийное искажение библейского текста. *Псалом 134, ст. 3.*

264

...о Флоресе и Бланкафлор, о Тристане. Флорес и Бланкафлор — испанские варианты имен Флуар и Бланшефлер, героев названного их именами рыцарского романа XII в., пользовавшегося большой известностью по всей Европе. Еще более был популярен Тристан, герой различных романов «Тристан и Изольда», первая версия которого также относится к XII в. Испанские варианты этих романов, дошедшие до нас, относятся к гораздо более позднему времени. Поэтому упоминание о них в книге Хуана Руиса представляет большой историко-литературный интерес.

265

Хвала тебе, Христос, разрешивший его от уз.

266

Финальные строки, написанные прозой, принадлежат переписчику Саламанкского манускрипта «Книги благой любви» Альфонсо де Парадинасу.

267

Lida de Malkiel M. R. Dos obras maestras españolas: El «...Libro de Buen Amor» y «La Celestina». Buenos Aires, 1966. P. 11.

268

Энгельс Ф. Введение к английскому изданию «Развития социализма от утопии к науке»//*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т, 22. С. 306.

269

Цит. по русскому переводу кн.: *Тикнор*. История испанской литературы. М., 1883. Т. I. С. 68.

270

Amador de los Ríos J. Historia crítica de la Literatura Española. Madrid, 1863. T. IV. P. 155-204.

271

Menéndez y Pelayo M. Antología de poetas líricos stellanos. Madrid, 1912. V. III. P. LXVIII, LXIX, LXXI,

272

Gaos V. Claves de literatura española: I. Edad media — Siglo XIX. Madrid, [1971]. P. 68 (notas).

273

Об этом сообщает в предисловии к 5-му изданию современной версии «Книги благой любви» ее издательница Мария Брей Маринью. См.: *Ruiz J.* Libro de Buen Amor. 9-a ed. [Madrid], 1972. P. 30—31.

В некоторых случаях мы цитируем в прозаическом переводе. Об этом предупреждает читателя предваряющий перевод знак *.

275

Gariano C. El mundo poético de Juan Ruiz. 2-a ed. Madrid, 1974. P. 13.

276

Cm.: Colección de poesías castellanas anteriores al siglo XV//Biblioteca de Autores Españoles. Madrid, 1864. T. LVII. P. XXXIII.

277

См.: *Spitzer L.* Linguistica e historia literaria. Madrid, 1955. P. 134—138; *Lida de Malkiel M. R.* Nuevas notas para la interpretación del «Libro de Buen Amor»// Nueva Revista de Filología Hispánica. 1959. T. XIII. P. 17-82.

278

См.: *Moffat L. G.* The Imprisonment of the Arcipreste//Hispania, 1950. T. XXXIII. P. 321—327. Об А. Парадинасе см.: *García Blanco M. D.* Alonso de Paradinas, copista del «Libro de Buen Amor»//Estudios dedicados a Menéndez Pidal. Madrid, 1956. T. VI. P, 339—354.

279

См.: *Alonso D.* 1) Tres poetas en desamparo/*Alonso D.* De los siglos oscuros al de Oro. Madrid, 1958; 2) La cárcel del Arcipreste//Cuademos hispanoamericanos. 1957. N 86. P. 165—177.

280

Здесь и далее ссылки на «Книгу благой любви» даются непосредственно в тексте с указанием в скобках арабской цифрой строфы, а латинской буквой — стиха.

281

Подробное описание списков и их воспроизведение см. в издании: *Ruiz J.* Libro de Buen Amor/Ed., introd, y notas de M. Criado de Val y E. W. Naylor. [Madrid, 1965]. См. также: *Woodfin E.* «El Libro de Buen Amor»: The Gayoso and Toledo Manuscripts. Uty of Wisconsin, 1969.

282

«Манускрипт Порто» был опубликован впервые в кн.: *Braga T*, Questoes de Litterature e Arte Portuguesa. Lisboa, 1881. P. 128—136. См. также: *Garcia Soialinde A.* Libro de Buen Amor: Fragmentos de una traducción portuguesa del siglo XIV/Revista de Filologia Española. 1914. T. I. P. 162—172.

283

См.: *Menéndez Pidal R.* Catálogo de la Real Biblioteca: Manuscritos, Crónicas generales de España. Madrid, 1898. Воспроизведено в его кн.: Poesía juglaresca y juglares. 5-a ed. Madrid, 1942. T. II. P. 5.

284

См.: *Sánchez Cantón F. J.* Siete versos inéditos del «Libro de Buen Amor»//Revista de Filología Española. Madrid, 1918. T. V. P. 43—45; *Moffatt L. G.* Alvar Gómez de Castrós Verses from the «Libro de Buen Amor»//Hispanic Review. 1957. T. XXV. P. 247—251.

285

См.: *Millares Cario A.* La biblioteca de Gonzalo Argote de Molina//Revista de Filología Española. 1923, T. X. P. 137 и сл.

286

Т. А. Санчес в прологе к своему изданию сообщает, что известный библиофил Габриэль де Санча будто бы видел в Лондоне в 1786 г. более раннее издание произведений Хуана Руиса, однако никаких подтверждений этого сообщения до сих пор нет.

287

Впервые «Книга благой любви» опубликована в кн.: *Sánchez T.* A. Colección de poesías castellanas anteriores al siglo XV. T. IV. Madrid, 1790. Письмо Ховельяноса включено в предисловие к кн.: Colección de Poesías Castellanas anteriores al siglo XV/Ed. de Florencio Janer//Biblioteca de Autores Españoles. Madrid, 1864. T. LVII. P. XXXVI.

288

См. серию: Colección de los mejores autores españoles. Paris, 1841. T. 20.

289

Ruiz J., Archiprêtre de Hita. Libro de Buen Amor: Texte du XlV-e siècle. Toulouse, 1901.

290

Ruiz J., Arcipreste de Hita. Libro de Buen Amor. T. 1—2. Ed. y notas de J. Cejador y Frauca. Madrjd, 1913. (Clásicos Castellanos, 14, 17).

291

См.: *Ruiz J.* Libro de Buen Amor. 1) Ed. crítica de G. Chiarini. Milan, 1964; 2) Ed., introd. y notas de M. Criado de Val y E. W. Naylor. Madrid, 1965; 3) Ed. crítica sacada a luz por J. Corominas. Madrid, 1967.

См.: Romania. 1901. T. XXX. P. 434—440.

293

См.: *Gybbon-Monypenny G. B.* The two Versions of the «Libro de Buen Amor»: the Extent and Nature of the Author’s Revision//Bulletin of Hispanic Studies, 1962. T, XXXIX. P. 205-221,

294

Обзор полемики, развернувшейся вокруг проблемы архетипа и редакций «Книги благой любви», см.: *Gybbon-Monypenny G. B.* The text of the «Libro de Buen Amor»: Recent Editions and their Critics//Bulletin of Hispanic Studies. 1972. T. XLIX. P. 217—235.

295

Menéndez Pidal R. Título que el Arcipreste dió al libro de sus poesías//Revista de Archivos, Bibliotecas y Museos. 1898. T. II. P. 106—109. Перепечатано в его кн.: Poesía árabe y poesía europea. Madrid, 1941.

296

См., например: *Aguado J. M.* Glosario sobre Juan Ruiz, poeta castellano del siglo XIV. Madrid, 1929. P. 204 и сл.; *Lecoy F.* Recherches sur le «Libro de Buen Amor» de Juan Ruiz, archiprétre de Hita. Farnbourough, 1974. P. 304 и сл.; Kellermann W. Zur Charakteristik des «Libro del Arcipreste de Hita»//Zeitschrift für romanische Philologie. 1951. T. LVII. S. 225—254.

297

Cm.: *Lida de Malkiel M. R.* Dos obras maestras españolas: El «Libro de Buen Amor» y la «Celestina», P. 28 и сл.; *Rico F.* Sobre el origen de la autobiografia en el «Libro de Buen Amor»//Anuario de Estudios Medievales, 1967. T. IV. P. 301—325.

298

См.: *Michalski A.* La parodia hagiográfica y el dualismo Eros—Thanatos en el «Libro de Buen Amor»//El Arcipreste de Hita. El Libro, el autor, la tierra, la época. Barcelona, 1973. P. 57—77.

299

См.: *Lida de Malkiel M. R.* Nuevas notas para la interpretación del «Libro de Buen Amor»//Nueva Revista de Filología Hispánica. 1959. T. XIII. P. 17—82; *Rico F.* Sobre el origen de la autobiografia en el «Libro de Buen Amor»//Anuario de Estudios Medievales. 1967. T. IV. P. 301-325.

300

О прологе см.: *Ullman P. Z.* Juan Ruiz's Prologue//Modern Language Notes. 1967. T. LXXXII. P. 149—170; *Chapman J. A.* Juan Ruiz's «Learned Sermon»//«Libro de Buen Amor» Studies/Ed. by G. B. Gybbon-Monypenny. London, 1970. R. 29—51; *Deyermond A. D.* Some Aspects of Parody in the Libro de Buen Amor. Ibid. P. 53—78.

301

Menéndez Pidal R. Título que el Arcipreste dió al libro de sus poesías. P. 109.

302

Смирнов А. А. Средневековая литература Испании. Л., 1969. С. 135.

303

Cariano C. El mundo poético de Juan Ruiz. P. 67.

304

Sobejano G. Escolios al «buen amor» de Juan Ruiz//Studia Philologica, homenaje ofrecido a Dámaso Alonso. Madrid, 1963. T. III. P. 431—458.

305

Парадоксально, но термин «благая любовь» появляется еще несколько раз уже как прозвище старой сводни Урраки. Сперва она сама восклицает: «...мне ищете кличку? — зовите „благою любовью”» (932), потом автор соглашается на это * «из любви к старухе и потому, что она была права» (933а), а там, глядишь, это новое прозвище уже прочно соединилось с образом сводни (см. 1331—1578ас). Только человек, иронически оценивающий священный смысл понятия «благая любовь», мог решиться на это.

306

Gariano C. El mundo poético de Juan Ruiz. P. 51.

307

См.: Там же. С, 75.

Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1984. С. 72.

309

Попова М. К. Идеи схоластической натурфилософии шартрской школы и образ природы в «Романе о Розе»//Средние века. М., 1988, Вып, 51, С, 116,

310

На возможную генетическую связь воззрений Хуана Руиса с шартрской школой содержится указание в ст.: *Michalski A.* La parodia hagiográfica y el dualismo Eros—Thanatos en el «Libro de Buen Amor»//El Arcipreste de Hita: El libro, el autor, la tierra, la época. P. 76—77. Об откликах в средневековой Испании на «Роман о Розе» см.: *Luquiens F. E.* The Roman de la Rose and medieval Castilian literature//Romanische Forschungen. 1907. T. XX. P. 284^320.

311

См.: *Green O. H.* Spain and the Western Tradition. Madison, 1963. T. I. P. 99 и сл. Об этом же см.: *Guzmán J.* Una constanta didácticomoral dèi Libro de Buen Amor//Iowa Uty Studies in Spanish Language and Literature. México, 1963. P. 106—108.

312

Cantariano V, La cortesía dudosa de Juan Ruiz// El Arcipreste de Hita: El libro, el autor, la tierra, la época. P. 78-83.

313

Никак нельзя согласиться с Анхелем Бенито-и-Дураном, который объявляет Хуана Руиса адептом философии женоненавистничества. См.: *Benito y Darán* A. Filosofía del Arcipreste de Hita: Sentido filosófico de buen amor. Alcoy, 1946, P. 62—63.

314

«Книга о Панфиле» опубликована в сб.: *Cohen G.*, ed. La «comédie latine» en France au XII siècle. Paris, 1931. T. II. P. 167—224. См. также: *Bonilla y San Martín A.* Una comedia latina de la Edad Media: El «Liber Panphili»//Boletín de la Real Academia de Historia. 1917. T. 70. P. 395—467. Параллельную перепечатку текста латинской комедии и эпизода доньи Тернины в «Книге благой любви» см. в приложении к кн.: *Seidenspinner—Núñez D.* The Allegory of Good Love: Parodic Perspectivism in the «Libro de Buen Amor». Berkeley, 1991. P. 96--149,

315

То, что Хуан Руис наделил персонажей этой истории смысловыми именами из растительного царства (даже мать доньи Тернины зовут донья Рама: Rama — ветвь), ученые объясняют по-разному. М. Р. Лида де Малькьель, например, указывает на то, что имена героев имеют не только прямое, но и фигуральное смысловое значение: слово melón в исп. фольклоре звучит иногда как синоним случайной удачи, а endrina (дикая слива) является символом недотроги.

316

Об истории любви доньи Тернины и дона Арбузиля см.: *Cirot G.* L’épisode de doña Endrina dans le «Libro de Buen Amor»//Bulletin Hispanique. 1943. T. XLV. P. 139—156; *Lázaro F.* Los amores de don Melón y doña Endrina: notas sobre el arte de Juan Ruiz//Arbor. 1951. T. XVIII. P. 210—236.

317

См.: *Edwards R.* Narrative Technique in Juan Ruiz’s History of Doña Garoza//Modern Language Noteß, 1974. T. UXXIX. P. 265-273,

318

Об эпизоде с горянками см., например: *Tate R. B.* Adventures in the Sierra//Libro de Buen Amor Studies/Ed. by G. B. Gybbon-Monypenny. London, [1970]. P. 219—229.

319

Гуревич А. *Я.* Популярное богословие и народная религиозность средних веков//Из истории культу* ры средних веков и Возрождения. М., 1975. С. 87,

Гуревич А. Я. Проблемы средневековой народной культуры. М., 1975. С. 11,

321

См.: La Bataille de Caresme et de Charnage/Ed. par G. Lozinski. Paris, 1933.

322

См.: *Бахтин М. М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.. 1965.

323

Menéndez y Pelayo M. Antología de poetas líricos castellanos. V. III. P. LXXXVIII; *Pereda C.* El canto de buen amor. Caracas, 1953. P. 10—13.

324

О связи этого эпизода с предшествующей традицией см.: *Laurence K.* M The Battle between Don Carnal and Doña Cuaresma in the light of Medieval Tradition//«...Libro de Buen Amor» Studies/Ed. by G. B. Gybbon-Monypenny. P. 159—176.

325

Menéndez y Pelayo M. Historia de los heterodoxos españoles. 2-a ed. Madrid, 1917. T. III. P. 354.

326

Menéndez y Pelayo M. Antología de poetas líricos castellanos. V. III P. LIV,

327

Рамон Менендес Пидаль убедительно доказал, что Хуан Руис в данном случае вложил в уста декану слова, бывшие широко в ходу в поэзии вагантов, которые называли «quoniam suave» сожительниц священнослужителей. См.: *Menéndez Pidal R.* Poesia juglares ca y juglares. R. 269,

328

Систематический обзор всех основных источников произведения Хуана Руиса дается в кн.: *Lecoy F.* Recherches sur le Libro de Buen Amor de Juan Ruiz, Arcipreste de Hita. Farnbourough, 1974. На эту книгу, впервые вышедшую в 1938 г., и до сих пор ориентируются почти все исследователи.

329

О жанре «примера» в средневековой европейской литературе см.: *Weiber J. Th.* L’exemplum dans la littérature religieuse et didactique du moyen âge. Paris-Toulouse, 1927.

330

См.: *Keidel G. C.* Notes on Aesopic Fable Literature in Spain and Portugal during the Middle Ages// Zeitschrift für Romanische Philologie, 1901. T. XXV. P. 721—730.

331

О басенном репертуаре Хуана Руиса см.: *Tack O.* Die Fabeln des Erzpriesters von Hita im Rahmen der mittelalterischen Fabelliteratur. Breslau, 1911.

См.: *Gariano C.* El mundo poético de Juan Ruiz P. 13—47.

333

Alborg J. L. Historia de la literatura española. T. 1: Edad Media y Renacimiento. Madrid, 1966. P. 149—150.

334

См.: *Ruiz J.* Arcipreste de Hita. Libro de Buen Amor. T. 1—2. Madrid, 1913 (Clásicos Castellanos, 14, 17). T. 2. P. 313—337; см. также: *Gella Iturriaga J*, Refranero del Arcipreste de Hita//El Arcipreste de Hita. El libro, el autor, la tierra, la época. P. 251—269.

335

О метрике «Книги благой любви» см.: *Adams K. H. J.* Juan Ruiz's Manipulation of Rhyme: Some Linguistic and Stylistic Consequences//«Libro de Buen Amor» Studies/Ed. by G. B. Gybbon-Monypenny. P. 1—28; *Macri O.* Ensayo de métrica sintagmática. Madrid, 1969.